

ЧТО МЫ ЗНАЕМ ДРУГ О ДРУГЕ

ДЖЕЙМС ГУЛД-БОРН

ЧТО МЫ ЗНАЕМ ДРУГ О ДРУГЕ

18+

ДЖЕЙМС ГУЛД-БОРН

t.me/marketologmanager

James Gould-Bourn

Keeping Mum

T
R
A
P
E
N
E

Джеймс Гулд-Борн

Что мы знаем друг о друге

Москва
«МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР»
2021

Информация от издательства

*Издано с разрешения автора и агентов
Hardman and Swainson при содействии The Van Lear Agency LLC*

На русском языке публикуется впервые

Гулд-Борн, Джеймс

Что мы знаем друг о друге / Джеймс Гулд-Борн ; пер. с англ. Е. Ковтаревой. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2021.

ISBN 978-5-00169-551-6

Ироничная нежная история о любви и воссоединении отца и сына в самых невероятных обстоятельствах. Жизнь Дэнни катится под гору: он потерял работу, залез в долги, а его 11-летний сын не произносит ни слова после смерти матери. Отчаявшись, Дэнни тратит последние деньги на поношенный костюм панды, чтобы работать ростовой куклой в парке. И вот однажды сын Дэнни Уилл заговорил с ним. Вернее, с пандой, и мальчик не подозревает, что под мохнатой маской прячется его отец. Потеряет ли Дэнни доверие Уилла, когда сын узнает, кто он такой, и сможет ли танцующий панда выбраться из долгов и начать новую жизнь?

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© James Gould-Bourn, 2020

This edition is published by arrangement with Hardman and Swainson and The Van Lear Agency LLC.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2021

Оглавление

ГЛАВА 1

ГЛАВА 2

ГЛАВА 3

ГЛАВА 4

ГЛАВА 5

ГЛАВА 6

ГЛАВА 7

ГЛАВА 8

ГЛАВА 9

ГЛАВА 10

ГЛАВА 11

ГЛАВА 12

ГЛАВА 13

ГЛАВА 14

ГЛАВА 15

ГЛАВА 16

ГЛАВА 17

ГЛАВА 18

ГЛАВА 19

ГЛАВА 20

ГЛАВА 21

ГЛАВА 22

ГЛАВА 23

ГЛАВА 24

ГЛАВА 25

ГЛАВА 26

ГЛАВА 27

ГЛАВА 28

ГЛАВА 29

ГЛАВА 30

ГЛАВА 31

ГЛАВА 32

ГЛАВА 33

ГЛАВА 34

ЭПИЛОГ

Глава 1

Дэнни Малули было четыре года, когда он на собственном горьком опыте узнал, что мыло с ароматом лимона на вкус совсем не как лимон, а очень даже как мыло. В двенадцать лет Дэнни, спасая кошку, которую, возможно, и не нужно было спасать, на собственном горьком опыте узнал: нельзя упасть с сикомора красиво и безболезненно. В семнадцать он все на том же горьком опыте узнал: для того чтобы стать отцом, достаточно трехлитровой бутылки дешевого сидра, девушки, не отказавшейся с ним выпить, неуклюжей возни в парке Хакни-Даунс и банального пренебрежения к законам природы. А в двадцать восемь — на горьком, горьком опыте — он узнал: для того чтобы погасить звезды, остановить стрелки часов и заставить землю, содрогнувшись, прекратить свое вращение, достаточно одной незаметной полосы льда на проселочной дороге.

Его разбудил скрежет тормозов, а может, вопль — Дэнни и сам толком не знал. Он сел в кровати и окинул взглядом комнату, пытаясь понять, откуда донесся звук. Потом проснулся разум и объяснил, что это был всего лишь кошмар. Дэнни откинулся на влажную от пота подушку и посмотрел на часы на прикроватном столике: 6:59. Он выключил будильник прежде, чем поменяются цифры, ярко светившиеся в предутреннем сумраке, и нежно погладил пустующую соседнюю подушку. Затем отбросил в сторону тяжелое одеяло, выполз из постели и, даже не посмотрев на свое отражение в зеркале на дверце гардероба, натянул вчерашнюю одежду.

Дверь в спальню Уилла была распахнута; направляясь на кухню, Дэнни закрыл ее. Он поставил чайник, закинул сухой, но еще не заплесневевший хлеб в тостер и включил радио — скорее по привычке, нежели из интереса к происходящему в мире. Под бормотание диктора он разглядывал открыточный вид за окном («открыточный» вовсе не из-за красоты, а из-за

размеров рамы). Голубое, как линия «Виктория» на карте лондонского метро, небо и яркое солнце не делали пейзаж веселее. Дэнни не раз приходило в голову, что на свету его дом, пожалуй, выглядел хуже всего: больше можно было разглядеть. Плохое освещение может придать шарм фотографиям в Tinder, а захудалый ресторанчик превратить в милое старомодное заведение — так и свинцовое небо могло хоть немного затушевать угрюмый вид жилища. Глядя на бетонную стену жилого здания напротив, к счастью, закрывавшую другие, еще более бетонные строения, Дэнни в очередной раз пообещал себе переехать — точно так же, как обещал вчера и пообещает завтра.

Он позавтракал за обеденным столом, уставившись на стену. Дэнни так часто смотрел на нее последние четырнадцать месяцев, что под тяжестью его взгляда уже стали сворачиваться обои, но он этого не замечал. Как и темное пятно на ковре в коридоре, где каждый день сбрасывал рабочие ботинки, даже не стряхнув с них грязь; или вьезшуюся пелену на окнах, способную дать первое представление о том, чего ждать от катаракты; или труп филодендрона в горшке на подоконнике — некогда здоровое растение теперь напоминало скорее кучу облученных радиацией картофельных очисток. Дэнни и почту не замечал бы, если бы ее не приносили прямо во время завтрака: он всякий раз вздрагивал от стука крышки почтового ящика, после которого на коврик падали письма.

В коридоре лежали два белых конверта. В первом содержалось пассивно-агрессивное напоминание, что он уже два месяца не платит за воду. Во втором — просроченные счета за электричество и последнее предупреждение о необходимости погасить их, частично написанное красным; особенно выделялись слова «суд», «пристав», «взыскание» и почему-то «спасибо», больше похожее на угрозу, чем на выражение благодарности.

Дэнни нахмурился, почесывая обкусанными ногтями четырехдневную щетину. Он взглянул на висевшую на стене белую доску, к которой двумя сувенирными магнитами

из Австралии крепилась толстая пачка счетов. Сверху крупными черными буквами было нацарапано «не оплачено». Рядом висели два листка — «оплаченная» часть. Дэнни добавил новые письма к большей пачке, но магниты не выдержали, и счета рассыпались по полу. Вздохнув, Дэнни собрал их. Затем взял еще один магнит в форме Сиднейского оперного театра, снова прикрепил счета к доске и рядом подписал: «Купить еще магнитов!»

— Уилл! — крикнул он с порога кухни. — Ты встал?

Мальчик услышал отца, но ничего не ответил: он рассматривал синяк у себя на руке. Казалось, между худым плечом и тем, что следовало бы назвать бицепсом, разыгрался шторм: по молочно-белой коже расплзлось иссиня-черное облако. Не подозревая, насколько чувствительно пораженное место, Уилл потрогал синяк — и от легкого прикосновения все предплечье пронзила тупая ноющая боль.

— Спускайся, пора завтракать! — Голос Дэнни уже звучал устало.

Уилл взял висевшую на двери мятую школьную рубашку и поморщился, осторожно натягивая рукав.

— Доброе утро, соня, — улыбнулся Дэнни, когда сын, шаркая, проследовал через кухню и плюхнулся за стол в гостиной. Через несколько минут к нему присоединился Дэнни с кружкой в одной руке и тарелкой тостов в другой. Поставив все это перед Уиллом, он сел напротив.

Мальчик смотрел на тарелку сквозь песочного цвета челку, скрывавшую двухдюймовый шрам на лбу. Из-за тостов с арахисовым маслом на него глядел Томас, а его друг, красный паровозик Джеймс¹, улыбался (хотя, скорее, скалился) с кружки.

— Ешь скорее, а то опоздаешь. — Дэнни сделал глоток холодного чая и поморщился.

Уилл развернул кружку так, чтобы не видеть паровозик. Откусив кусочек тоста, он положил его Томасу на лицо.

— Помнишь, что сегодня у мамы день рождения? — спросил Дэнни.

Сын перестал жевать и уставился на свою тарелку. Повисшую между ними тишину нарушало лишь бормотание радио.

— Уилл?

Мальчик коротко кивнул, не поднимая головы.

Раздался звонок, и Дэнни направился к двери. Через глазок он увидел в открытом коридоре Мохаммеда, круглощекого мальчика в очках с толстыми линзами и слуховыми аппаратами в обоих ушах. Из-за его плеча выглядывал Лондон.

— Здравствуйте, мистер Малули, — выпалил Мо, как только открылась дверь. — А вы знали, что пузыри газа, которые выпускает синий кит, когда пукает, настолько огромны, что в них может поместиться целая лошадь?

— Нет, Мо. Честно говоря, не знал.

— Видел вчера на канале Animal Planet, — пояснил Мо: он смотрел документальные фильмы о дикой природе с таким же упоением, с каким большинство одиннадцатилетних — ролики с калечащимися людьми на YouTube.

— Звучит немного жестоко, — заметил Дэнни. — Как они вообще засунули туда лошадь?

— Не знаю, — пожал плечами Мо, — в программе этого не показывали.

— Ясно. — Дэнни нахмурился, прикидывая, как повернуть такой эксперимент.

— Уилл уже готов?

— Дай ему пару минут, он как раз ест...

Не дав Дэнни договорить, Уилл протиснулся мимо него в коридор.

— До свидания, мистер Малули, — обернулся Мо; Уилл уже тащил его к лестнице.

— Пока, Мо. Увидимся после школы, Уилл?

Ничего не ответив, Уилл исчез за углом.

Вернувшись в гостиную, Дэнни собрал со стола чашки и тарелки, вылил нетронутый Уиллом чай в раковину и выбросил тост в мусорку. Как и почти каждый день после аварии.

Глава 2

Дэнни в желтой каске и хлопающем на ветру светоотражающем жилете шагал через стройплощадку к Альфу, бригадиру, одетому точно так же, только с планшетом для бумаг в руках. Плотный и уже изрядно полысевший, Альф обладал внешностью боксера, вечно забывавшего о защите. Заметив Дэнни, он бросил взгляд на стоявшего неподалеку мужчину, которого из-за бледности, худобы и черного костюма можно было бы принять за саму смерть, если бы не каска. Мужчина постучал пальцем по своим наручным часам и указал на Дэнни. Бригадир вздохнул.

— Доброе утро, Альф! — поздоровался Дэнни, пытаюсь перекричать шум медленно вращающихся над головой подъемных кранов, груженых поддонами, и экскаваторов, сгребаящих землю своими дрожащими руками.

— Ты опоздал, Дэн.

Нахмурившись, Дэнни достал телефон.

— По моим часам — нет. — Он показал экран Альфу.

— По его, — Альф, даже не взглянув на телефон, кивнул в сторону мужчины в костюме.

— И кто это? — поинтересовался Дэнни.

— Виктор Орлов. Новый начальник проекта.

— Орлов?

— Казак, — уточнил Альф. — Нрав у него крутой. За утро уже двоих уволил. На всех наезжает.

Дэнни уставился на нового босса. Тот ответил холодным взглядом.

— В любом случае давай за дело, — велел Альф. — Ты сегодня на цементе с Иваном. И еще, Дэнни...

— Да, Альф?

— Больше не опаздывай.

Дэнни взял лопату и направился к Ивану — огромному как гора мускулистому украинцу, плохо говорившему по-английски,

но при этом способному перекопать больше экскаватора марки JCB и строить быстрее чемпiona по Minecraft. Дэнни подозревал, что Иван на своем веку успел убить как минимум одного человека — и, скорее всего, голыми руками. На эту мысль наталкивала огромная коллекция тюремных наколок, украшавшая бугры его мускулов: криво набитые слова, уродливые рожи, партия в крестики-нолики возле левого локтя и разные другие каракули, о которых Дэнни боялся даже спрашивать.

Они сдружились несколько лет назад, когда Дэнни спас Ивану жизнь. Во всяком случае, так это помнил сам Дэнни и остальные на стройке, но Иван, к тому времени отработавший всего две недели, с этой версией не соглашался. В тот день сильный ветер расшатал часть строительных лесов, и стальная труба упала бы прямо Ивану на голову, если бы находившийся неподалеку Дэнни не оттолкнул великана (чуть не вывихнув себе плечо). Но пока Дэнни почивал на лаврах, украинец, утверждавший, что как-то раз попал под танк и выжил, упрямо повторял: удар тридцатикилограммовой трубой по голове его не убил бы — да он бы даже больничный не взял; и вообще все просто драматизируют, «как в мыльной опере». Вся эта история стала для Ивана и Дэнни чем-то вроде дежурной шутки, но, кажется, смешной ее считал только последний.

— Данило. — Иван плюхнул в тачку очередную порцию цемента.

— Привет, Иван. Что это за тип в костюме? — Дэнни указал пальцем через плечо.

— Значит, ты познакомился с Виктором, — заметил Иван.

— Альф говорит, утром он уже двоих выгнал.

— Его прислать из Москвы. Там говорят, что мы слишком медленно работать.

— И что, мы станем работать быстрее, если нас уволить? — ухмыльнулся Дэнни.

Иван пожал плечами.

— У нас на Украине есть слово для таких, как Виктор.

— Да ну? — фыркнул Дэнни. — И какое?

— Придурок.

Дэнни расхохотался.

— Как твой отпуск? — спросил он, вонзая лопату во влажный цемент.

— Отпуск? — удивился Иван. — Какой отпуск? Ивана и я ездить в Одессу. Провести неделю с ее семьей. Ее мать меня ненавидит. И отец. И сестра. Даже собака.

— Заметно. — Дэнни указал на следы зубов у Ивана на руке.

— Что? — Иван проследил за движением его пальца. — А, нет. Это ее бабушка.

— Ясно.

Иван вытащил из кармана бумажный сверток и смущенно протянул его Дэнни.

— Держи.

Дэнни знал, что это, — даже не нужно было разворачивать. Через неделю после того случая с лесами Иван неожиданно пригласил всю семью Малули на ужин. С тех пор как Дэнни спас украинца (или не спас, смотря чью сторону принять) от шестифутовой трубы, эти двое едва ли обменялись на стройке парой слов. Если не считать того дня, они вообще почти не общались. Иван никак не объяснил свое приглашение, и Дэнни счел это завуалированным способом сказать спасибо. Тот вечер оказался лишь первым из многих, которые они провели все вместе за обеденным столом: ели, смеялись и налегали на горилку (Лиз, жена Дэнни, пила больше всех, а потом страдала от похмелья), пока Уилл и Юрий — сын Ивана и Иваны — играли в приставку, стесняясь излишней веселости родителей. Лиз очаровала собранная Ивановой коллекция расписных деревянных яиц, стоявшая на подоконнике. С тех пор из каждой поездки на Украину Иван привозил Лиз деревянное яйцо — и не перестал этого делать даже после трагедии.

— Спасибо. — Дэнни повертел пеструю игрушку в руке. Он знал, как неловко чувствовал себя Иван в такие моменты. Наверное, он уже сто раз задавался вопросом, продолжать ли эту

традицию, но не прервал ее — и Дэнни был ему за это благодарен.

— Как Уилл? — Иван явно старался поскорее сменить тему.

— Хорошо. — Дэнни положил яйцо в карман жилета. — Скорее всего. Я не знаю.

— Так и не заговорил?

— Нет. Ни словечка не сказал. Даже во сне.

Работник прикатил пустую тележку и забрал полную.

— Знаешь, — заметил Иван, — может, он и говорит.

— Со мной — нет.

— Нет, я иметь в виду, молчание тоже бывает громким, понимаешь?

— Нет, не совсем, — покачал головой Дэнни.

— Слушай. — Иван воткнул лопату в цемент и оперся на черенок. — Когда Ивана зла на меня, она кричать и называть меня ослом. Но иногда, когда она очень зла, она молчать много дней. Она вести себя тихо, как мышь, но я знаю: так она пытаться сказать мне что-то, понимаешь?

— Например? — уточнил Дэнни.

Иван пожал плечами.

— Например, что хочет засунуть мою голову в печь.

— Думаешь, Уилл именно это имеет в виду?

— Нет, но, может, он говорить, а ты его просто не слышишь.

— Ну пусть откроет рот и скажет, — вздохнул Дэнни. — Прошло уже больше года. Что бы он ни старался донести своим молчанием, вряд ли это хуже гробовой тишины.

Глава 3

Девчонки притворялись, будто не смотрят на мальчишек, болтая с подругами или играя в телефоны, а мальчишки делали вид, что не наблюдают за девчонками, хотя втайне надеялись их впечатлить, чеканя мяч или снимая на видео, как ни с того ни с сего начинают колотить ничего не подозревающих одноклассников. Все друг за другом следили, только исподволь. Это напоминало большую игру в гляделки: моргай сколько хочешь, но, если кто-нибудь заметит, как ты на него пялишься, — сморщишься, как посыпанный солью слизняк. Лишь у одного человека хватало самоуверенности, чтобы выдержать каждый взгляд на школьном дворе; в тот день, как и почти всегда, Марк не спускал глаз с Уилла.

— Серьезно, это было безумие! — тараторил Мо, пока они с Уиллом пробирались сквозь толпу, направляясь к школе. — Львов восемь, если не больше — на самом деле львиц, львы-то не охотятся, — поедали этого быка, или бизона, еще живого, а он... ну, просто стоял и щипал траву, пока они его кусали, и...

Уилл ткнул Мо локтем под ребра.

— За что? — протянул тот, потирая бок.

Уилл кивнул в сторону трех неопрятных мальчишек, шагавших им навстречу. Они были старше и выше Уилла и Мо, чем страшно гордились. В своих незаправленных рубашках и болтающихся галстуках они походили на троицу заработавшихся детективов. Хотя если Марк с прихвостнями и имели какое-то отношение к преступности, то уж точно не боролись с ней. Марк был на несколько дюймов ниже остальных членов банды, но его слава главного задиры старшей школы «Ричмонд» компенсировала недостаток роста, ума и красоты, как и отсутствие передних зубов. Чтобы впасть к нему в немилость (впрочем, милостей за ним и не водилось), даже делать ничего не требовалось. Сам факт твоего существования делал тебя участником лотереи боли Маркуса

Робсона, и почему-то — Уилл никак не мог взять в толк почему — его имя выпадало как минимум в два раза чаще, чем остальные.

— Идем, — поторопил его Мо. Они ускорили шаг в надежде поскорее добраться до класса. Старшие мальчишки тоже поднажали, преследуя их в толпе, как три акулы, учуявшие в воде кровь.

— Парни, гляньте, кто у нас тут! — Марк перегородил Уиллу и Мо главный вход. — Тупой и еще тупее. Или как — «глухой и еще тупее»?

— Я же говорил, я не глухой! — возразил Мо. — У меня...

— Что? — Марк приставил к уху ладонь. — Не слышал.

— Я сказал, я не глухой, у меня просто...

— Что?

— Говорю, я не...

— Не слышу, Мо, погромче! — не унимался Марк.

Тут Мо наконец уловил иронию и вздохнул.

— Идиот, — пробормотал он, поправляя слуховой аппарат.

— Что ты сказал?! — выпалил Марк.

— Ты же меня не слышишь, — съязвил Мо.

— Следи за языком, — рявкнул Марк и дернул Мо за галстук так сильно, что узел затянулся в крохотный шарик. — Бери пример со своего парня.

Мо пытался ослабить галстук, а Марк тем временем повернулся к Уиллу.

— На что уставился?

Уилл пожал плечами и опустил глаза.

— В чем дело? — фыркнул Марк. — Нравлюсь?

Мальчик покачал головой.

— Хочешь сказать, я урод?

Уилл снова покачал головой.

— Значит, все-таки нравлюсь? — настаивал Марк.

— Оставь его в покое, — после попытки удушения голос Мо звучал хрипло.

— Заткнись, Моби Бзик, — огрызнулся Марк.

— Моби Бзик, — повторил Тони, самый высокий из троих. — Прикольнo.

— Не понял, — подал голос Гэвин, настолько прыщавый, что, казалось, гноя у него в голове было больше, чем мозгов.

— «Моби Дик», — пояснил Тони. — Ну знаешь, книжка такая. Там еще кит и одноногий Араб.

— Араб? — переспросил Гэвин. — Как Мо?

— Ахав, — поправил его Мо. — Капитан Ахав. И я не араб, я пенджабец.

— Пофиг, — бросил Гэвин.

— Teri maа ka lora, — выругался Мо.

— Как твоя рука? — поинтересовался Марк у Уилла.

Тот пожал плечами со всей напускной бравадой, на какую был способен. Но, учитывая обстоятельства, получилось не очень.

— Не против, если я тебя еще немного разукрашу?

Марк картинно замахнулся, и Уилл инстинктивно поднял руку, прикрывая плечо.

— Так и думал, — усмехнулся Марк. Прозвенел звонок, и троица потянулась к дверям. — Увидимся за обедом, неудачники.

Мо потер шею и снова негромко выругался на панджаби. Уилл кивнул, не сомневаясь, что Мо сказал нечто плохое.

Они зашли в здание вместе с другими учениками и направились к классу. Усевшись за соседнюю парту, Мо подтолкнул приятеля, указывая на стоящего у доски мужчину с равнодушным выражением лица, жидкими волосами и жесткой, как проволочная мочалка, бородой. Судя по виду, одевался он впотьмах.

— Интересно, от кого он убегал? — шепнул Мо.

Уилл пожал плечами.

— Итак, успокаиваемся. — В усталом голосе мужчины звучали интонации человека, которого всю жизнь игнорируют. — Вам, наверное, интересно, кто я такой и что здесь делаю. Честно говоря, иногда я и сам задаю себе эти вопросы — как задаст каждый из вас однажды, когда поймет,

что жизнь — всего лишь череда разочарований. Но для справки: меня зовут мистер Коулман, я буду заменять вашего учителя.

Он написал свою фамилию на доске и подчеркнул.

— Не мистер Каллман. Не мистер Коллман. Не мистер Клевый, хотя так, пожалуй, можете звать меня, если захотите. Во всех остальных случаях — мистер Коулман. Ясно?

В ответ раздалось бормотание.

— Допустим, это «да». И предупреждаю: считать меня легкой мишенью будет серьезной ошибкой. Хотя здесь я и новенький, но слышал и видел практически все, что может случиться в классной комнате. Не знаю, чем вы так напугали сбежавшего от вас мистера Хейла, но со мной этот номер не пройдет. Понятно?

Мистер Коулман обвел глазами класс, и там, куда падал его взгляд, с лиц сходили улыбки.

— Чудесно. Пожалуй, начнем с переклички. Это очень просто. Я называю имя, а вы отвечаете «здесь».

Учитель открыл классный журнал и быстро пролистал.

— Аткинс? — начал он, держа ручку над страницей.

— Здесь, — ответила сидевшая перед Уиллом девочка с брекетами.

— Хорошо, Сандра. Вы явно уже так делали. — Мистер Коулман поставил галочку напротив ее имени. — Картрайт?

— Туточки, — брякнул мальчик в сбившемся набок галстук, сидевший на последней парте.

—...В отличие от Картрайта, — протянул мистер Коулман. Все, кроме Картрайта, засмеялись. — Джиндал?

— Здесь, — ответил Джиндал.

— Учись, Картрайт, — заметил мистер Коулман.

— Здесь, — под всеобщий хохот воскликнул Картрайт.

— Нет, Картрайт, уже... Ладно. Кабига?

— Здесь.

— Малули?

Молчание.

— Малули?

Тишину в классе нарушали редкие смешки. Мистер Коулман снова осмотрелся: все парты были заняты. Уилл поднял руку.

— Да? — нахмурился учитель.

— Это он Малули, сэр, — подал голос Мо.

— Да ну? — Мистер Коулман повернулся к Уиллу. — Тогда почему ты не сказал «здесь»?

— Он не говорит, сэр, — ответил за него Мо.

— Не... говорит?

— Нет, сэр.

— А ты, стало быть, кто?.. Его представитель?

— Скорее пресс-секретарь, — сказал Мо. По классу прокатилась волна смеха.

— Ясно. — Мистер Коулман нарисовал в журнале галочку напротив фамилии Уилла. — Беру свои слова назад. Вот теперь я видел все.

***

Половину обеденного перерыва Уилл просидел в подсобке. Он частенько оказывался там, но вовсе не потому, что любил подолгу сидеть в темноте или вдыхать аромат бытовой химии: Марк и его банда снова подкараулили его по пути в столовую и заперли. Это повторялось с тех пор, как они, замышляя очередную гадость, узнали, что ручка с внутренней стороны двери держится на честном слове и ее легко вынуть. Так у них появилась камера, вызволить из которой несчастных жертв можно было, лишь открыв дверь снаружи. Уиллу выпала сомнительная честь стать первым узником. Он же отсидел самый долгий срок: однажды его заперли на целых два урока, но, поскольку это были математика и физика, он не особо рвался на свободу.

Откровенно говоря, ему даже нравились тишина и уединение этого чулана. Уилл перестал сопротивляться, когда его тут запирали (и подпортил хулиганам веселье, но не настолько, чтобы те отступились). Тут над ним никто не смеялся, не унижал и не оскорблял. Никто не говорил, что

он просто ищет внимания (это особенно злило Уилла: как раз внимания он изо всех сил старался избегать), и не бил — ведь били обычно те же, кто запирали дверь с другой стороны. А еще никто не притворялся, будто понимает его чувства. Никто не сравнивал его ситуацию со своей: конечно, ведь как-то раз из-за ангины он на целую неделю потерял голос. Здесь, в подсобке, Уилла просто оставляли в покое. Одна беда: мучил голод. Именно поэтому, получив от Мо СМС с вопросом «Ты где?», Уилл уже начал было писать ответ, когда услышал в коридоре голос миссис Торп.

— О, привет, Дейв.

Сью Торп, директор школы, отличалась от других своих коллег — поборников строгой дисциплины, которые редко стригли волосы в носу, но часто теряли терпение и не могли даже взглянуть на линейку без желания кого-нибудь ею хлестнуть, причем неважно, ученика или нет. У миссис Торп был легкий характер и веселый нрав. В целом ученики ее любили, хоть порой она с трудом подавляла настойчивое желание запустить в них чем-то из канцелярских принадлежностей.

— Сью! Рад тебя видеть.

Уилл не сразу, но узнал голос мистера Коулмана.

— Как прошло утро? — спросила директор.

Мистер Коулман вздохнул.

— У тебя бывало такое: ведешь урок, смотришь на учеников — а они внимательно слушают и прямо на глазах становятся умнее? И ты стоишь и думаешь: «Вот почему я стала учителем. Вот мое призвание»?

Миссис Торп помедлила с ответом.

— Вообще-то нет.

— Вот именно, — отозвался мистер Коулман. Уилл улыбнулся.

— Стало быть, все как обычно?

— Все как обычно, — повторил учитель. — Хотя нет. Вру.

— Что такое? Расскажи.

— Знаешь мальчика по фамилии Малули?

— Уилла? — уточнила директор.

— Да. Молчуна.

— Славный мальчик. Хороший ученик. А почему ты спрашиваешь?

— Он правда не может говорить? Или это просто часть обряда посвящения для новых учителей?

— Говорить он может. Просто... не хочет. Это так называемая избирательная немота, — пояснила миссис Торп.

— Ух ты! Вот бы и мои дети иногда избирательно молчали.

— С языка снял.

— Он всегда был таким? — спросил мистер Коулман.

Уилл сжался: он точно знал, что скажет дальше миссис Торп.

— Его мама погибла около года назад. Автокатастрофа. Машину развернуло на льду, и она врезалась в дерево. Бедняжка Уилл был внутри. С тех пор он не разговаривает.

Мистер Коулман что-то пробормотал — Уилл не расслышал, что именно, но, должно быть, какое-то ругательство. Во всяком случае, миссис Торп согласилась.

— Имей в виду: старшие ребята над ним иногда издеваются. Я вызывала их к себе, но ты сам знаешь, какими бывают подростки.

— К сожалению, да.

Они зашагали дальше по коридору, и скоро их голоса стихли.

Уилл посидел в подсобке еще несколько минут. Аппетит у него пропал, но теперь мальчику казалось, будто темнота вокруг стала сгущаться, и он написал Мо, чтобы тот пришел вызволить его.

Глава 4

Прозвенел звонок с урока, и во двор хлынула орава школьников. Дэнни высматривал в море красных пиджаков Уилла, пока они с Мо не вынырнули из толпы. За ними по пятам следовал Марк с друзьями: Гэвин бросал в Мо арахис, а Тони упорно наступал Уиллу на пятки, и тот спотыкался. Марк шагал позади, гордо улыбаясь своим вышколенным прихвостням. Однако, поймав взгляд Дэнни, он схватил обоих за шкурку и исчез в толпе.

Уилл махнул другу на прощание. Дорогу он переходил, опустив голову и сунув руки в карманы.

— Кто это? — спросил Дэнни, кивая на Марка.

Уилл пожал плечами и тряхнул головой.

— Если бы я так выглядел, то засудил бы родителей.

Сын осклабился, но по-настоящему так и не улыбнулся.

— Ты же скажешь, если они будут над тобой издеваться?

Уилл кивнул, но Дэнни это не убедило.

— Идем.

***

Уилл упорно смотрел себе под ноги, пока отец читал эпитафии на надгробиях, таких холодных и тусклых под собиравшимися в небе сизыми тучами.

Дэнни точно знал дорогу, но все равно тянул время. Он делал это не из желания побыть тут подольше, нет: ему, как и Уиллу, не терпелось уйти. После аварии прошло уже больше года, но он все еще не мог принять смерть жены. Во всяком случае, не в привычном смысле этого слова. Лиз больше нет — это он понимал. Однако не понимал другого: разве это может быть навсегда? По его представлению, она ушла так же, как когда-то отец: тот был жив (хотя Дэнни не знал наверняка, да и особо не интересовался), но отсутствовал в его жизни. В некотором смысле такая иллюзия оказывалась более жестокой, чем сама смерть: она давала надежду (пусть и совсем крохотную)

свернуть однажды за угол или переступить порог — и увидеть жену. Иногда, зайдя в комнату, Дэнни отчетливо слышал запах ее духов; различал ее голос в уличной толпе или в полудреме чувствовал прикосновение ее руки. Порой казалось, что она так близко — только обернись; но стоило сделать это, как Лиз растворялась среди людей, а ее голос уносил ветер. Она будто бы существовала, но в параллельном мире; так, бывает, живут двое соседей по многоэтажке: слышат друг друга, но никогда не пересекаются. Имя жены, выбитое на холодной и безжизненной гранитной плите, разрушало эту иллюзию. Именно поэтому Дэнни так не любил ходить на кладбище.

— Вот мы и на месте. — Помедлив, он присел возле черного надгробия с золотыми буквами и положил на него руку. Уилл топтался рядом.

Простая могила разительно отличалась от вычурных статуй и памятников, стоявших вокруг в гробовой тишине. Внутри прямоугольной оградки все было усыпано зеленой стеклянной крошкой. Обычно она сияла и переливалась на солнце, как рябь на водной глади, но сегодня выглядела так же уныло, как и поблекший букет, который Дэнни принес в прошлый раз.

— Всегда любила тюльпаны. — Он вытащил из небольшой металлической вазы старые цветы и поставил свежие. Аккуратно расправив их, Дэнни смахнул с надгробия невидимую пылинку и взглянул на сына. — Как думаешь, ей понравится этот цвет? Желтых у них не было.

Мальчик смотрел на могилу, сжав челюсти.

— Не хочешь что-нибудь сказать маме? — продолжил Дэнни. — В ее день рождения?

Уилл покачал головой, не сводя глаз с имени, выгравированного на камне.

— Давай. — Дэнни положил ладонь ему на плечо. — Попробуй.

Но сын сбросил его руку, развернулся и зашагал прочь по дорожке.

— Уилл! — закричал Дэнни и тут же, смутившись, извинился перед старушкой, сердито глядевшей на него с соседнего

участка. Он заметил, как сын опустился на лавочку в отдаленной части кладбища.

— С каждым днем он становится все больше похож на тебя, Лиз, — сказал Дэнни. — Правда. Ума не приложу, как быть. Все перепробовал, но Уилл отказывается говорить. Порой даже не смотрит на меня. Не знаю, любит он меня или ненавидит. Надеюсь, это просто какая-то фаза и он ее перерастет; но чем дольше она тянется, тем крепче ощущение, что это навсегда.

Дэнни вздохнул и покачал головой.

— Иногда мне кажется, в тот день я потерял вас обоих.

Ветер качнул деревья, и над головой Дэнни раздался шелест.

— Прости, Лиз, — продолжил он, несколько раз моргнув и вдохнув так, будто вынырнул из ледяной воды. — Я прямо излучаю позитив. Все нормально. Мы в порядке. Ну, не в полном, но мы над этим работаем. Уилл хорошо учится, на работе все по-старому, домовладелец такой же гад, а миссис Амади из тридцать шестой квартиры до сих пор зовет тебя Сьюзан. Еще она заявила, что Уилл молчит, так как его голос украли злые духи, и дала мне телефон некоего Алана — приятный парень, который, кажется, проводит обряды экзорцизма недорого. Вот такие у нас новости.

Он попытался рассмеяться, но звук получился пустым.

— Ты только послушай меня, — Дэнни бросил взгляд на затянутое тучами небо. — Стою тут и разговариваю с камнем. Знаю, ты меня не слышишь, ведь тебя здесь нет и никак не может быть: солнце спряталось, а значит, я и правда просто беседую с камнем, пока ты где-то там празднуешь день рождения без меня. Ладно, веселись, красавица. Где бы ты ни была и что бы ни делала, надеюсь, ты улыбаешься и танцуешь. Только не буди меня, когда придешь, хорошо?

Дэнни поднес ладонь к губам, а затем положил ее на камень.

— Я люблю тебя, Лиз. С днем рождения.

Глава 5

Они купили картошки фри и съели ее в парке. Никто не был голоден: Дэнни равнодушно ковырялся в своей порции, Уилл бросал кусочки голубям. Неподалеку прохожих развлекали уличные артисты: пели, танцевали и делали все возможное, чтобы случайные зрители раскошелились. Какой-то неряха с торчащими из-под старенькой панамки длинными спутанными волосами бряцал на гитаре. Вокруг него собралась толпа, но привлекла ее не музыка, а толстый кремового цвета кот в красном вязаном свитере, сидевший у парня на плече и периодически мяукавший. Мужчина в фиолетовой мантии и остроконечной шляпе показывал фокусы. Он сосредоточенно хмурился, шевелил пальцами и произносил какие-то фразы, похожие на древние заклинания. Толпа поменьше окружила человека в костюме гигантской белки, жонглировавшего орехами размером с футбольный мяч, и его соседа-цыпленка, безуспешно пытавшегося удивить публику неумелым брейкдансом.

Понаблюдав за представлением, Дэнни не мог не отметить: артистам неплохо платили. Их шляпы, обитые войлоком футляры для музыкальных инструментов, пластиковые контейнеры и исцарапанные жестянки из-под табака буквально ломались от монет. Даже цыпленку-танцору как-то удалось убедить зевак выложить денежки, а ведь он всего лишь скакал кругами, будто у него в трусах поселились шершни.

Дэнни подцепил вилкой брусочек картошки и легонько толкнул Уилла локтем.

— Кажется, мне надо менять работу.

***

Домой они вернулись уже на закате.

— Тебе задали домашку? — спросил Дэнни, когда Уилл вышел из ванной со следом от зубной пасты на щеке и облепившими

голову мокрыми волосами.

Сын покачал головой.

— Хочешь посмотреть телик? — предложил отец, заранее зная ответ.

Мальчик изобразил зевок и указал в сторону своей комнаты.

— Хорошо, только в девять отбой, ладно?

Сын кивнул и открыл дверь.

— Уилл!

Мальчик остановился, но не обернулся.

— Я знаю, тебе трудно; но потом станет легче. Обещаю. Просто, знаешь... нужно время.

Уилл взглянул на Дэнни, и тот попытался натянуть обнадеживающую улыбку. Никто из них ей не поверил. Сын коротко кивнул и закрыл за собой дверь.

Дэнни вернулся к телевизору, чтобы начать свой еженощный ритуал — до утра сидеть перед ящиком. Глаза слипались, а тело ныло от усталости, но он понимал: уснуть не удастся. Вместо этого он часами пялился в потолок или на будильник, пока минуты не складывались в часы и в конце концов не наступал рассвет. В тех редких случаях, когда удавалось поспать, Дэнни чувствовал себя чуть ли не хуже, чем после бессонной ночи: проснуться навстречу новому дню означало снова оказаться в мире, где Лиз не было рядом.

Он вспомнил их последнее утро вместе. Ночью Лиз, как обычно, стянула на себя все одеяло. Она всегда это отрицала, но каждый день без исключений Дэнни открывал глаза и заставлял ее с поличным: спит как сурок, завернувшись в одеяло, будто в кокон, пока он в одних трусах дрожит от холода. В тот день, придвинувшись ближе к кокону, Дэнни устроился рядом с женой — из нежности тоже, но больше чтобы согреться — и с изумлением обнаружил, что одеяло под рукой проваливается. Только услышав, как Лиз на кухне подпевает радио, он понял: в кровати ее нет. Тогда было смешно, но теперь выглядело как отвратительная шутка.словно какая-то жестокая высшая сила готовила Дэнни к жизни без Лиз, подкидывая такие тонкие намеки, которые он не мог понять,

пока жена не села в машину и не поцеловала его на прощание в последний раз — о чем ни она, ни он не подозревали.

Лиз даже не должна была садиться за руль в тот день. Из-за этого между Дэнни и его тестем Роджером разверзлась непреодолимая пропасть. Хотя, в сущности, она стала лишь продолжением трещины в их отношениях, появившейся еще тогда, когда Лиз впервые привела Дэнни домой к родителям и представила как своего будущего мужа. Это заявление лишило их дара речи: Лиз было всего шестнадцать, и мать с отцом ничего знать не знали про парня дочери. Дэнни с самого начала не хотел идти: он был уверен, что не понравится им. В частности, отцу Лиз — полицейскому, в силу профессии ко всем относившемуся с подозрением, особенно к мальчикам-подросткам; и уж тем более — к мальчику-подростку из Ньюхэма², которого отец бросил (просто ушел с четырнадцатого дня рождения сына — никто и не заметил как), а мать вышвырнула из дома, когда ее новый ухажер счел квартиру слишком тесной для троих.

Но Лиз уверяла: все будет в порядке — и Дэнни неохотно согласился. Он чуть не поверил в благоприятный исход встречи, когда Кэрол, мама Лиз, обняла его крепче, чем родная мать. Однако, познакомившись с Роджером, он понял: девушка либо нагло врала, либо серьезно недооценивала взрывной характер отца. Хоть тот и подал Дэнни руку в попытке изобразить любезность, но взял его ладонь в такие тиски, что и слов не нужно было. Подобное приветствие — не демонстрация авторитета и не проверка на мужественность. Своим рукопожатием Роджер недвусмысленно давал понять: он с большей охотой сдавил бы ему шею, и если такая возможность представится, он ее уж точно не упустит.

По мнению Роджера, именно Дэнни увел Лиз с пути истинного. Дэнни знал это и всегда находил немного несправедливым: из них двоих именно Лиз — возможно, в пику законопослушной семье — была главной бунтаркой. Но Роджер не замечал этого: как и большинство отцов, он видел в дочке

только хорошее и стоял бы на своем, даже если бы ему представили доказательства обратного. Он инстинктивно винил Дэнни во всем, что не вязалось с образом безупречной девочки-ангелочка — как на фотографии, которую носил в бумажнике. Он винил зятя, когда Лиз бросила балетную школу, куда ходила с шести лет, хотя тот настаивал на продолжении занятий. Он винил зятя, когда Лиз забеременела. С этим Дэнни не мог поспорить, хотя, положив руку на сердце, в ту памятную ночь в парке все случилось по инициативе Лиз (впрочем, он пощадил Роджера и избавил от этих подробностей). И последний, сокрушительный удар: тесть винил его в смерти своей единственной дочери. Дэнни не просто это чувствовал или подозревал, а знал точно: Роджер открыто сказал об этом прямо на похоронах. Не обращая внимания на бесконечное смущение Кэрол, всегда благоволившей зятю, и шок на лицах остальных присутствовавших, Роджер заявил: его дочь осталась бы жива, если бы за рулем сидел Дэнни. И это была отнюдь не похвала его водительскому мастерству (Роджер никогда не хвалил зятя, ни напрямую, ни намеками). Речь шла о том, что Лиз вообще не любила ездить на машине — купленной, кстати говоря, самим же Роджером. По его словам, будь за рулем Дэнни, он мог войти в поворот на иной скорости, минутой раньше или позже, под другим углом — и даже если бы все кончилось грудой металлолома на обочине, сейчас бы хоронили Дэнни, а не его ненаглядную Элизабет.

Сколь бы ни был болезненным и несвоевременным этот выпад, Дэнни знал: в чем-то Роджер прав. После аварии не проходило дня, чтобы он не думал: все могло сложиться иначе, если бы он тогда взял отгул, задержал ее еще на несколько секунд или опять оставил рабочие ботинки посреди коридора, чтобы Лиз в очередной раз прочитала ему нотацию об обязательных домашних правилах. Дэнни ужасно раздражал этот ее тон, но теперь он бы правую руку отдал на отсечение, лишь бы услышать его снова.

Возможно, Дэнни даже простил бы Роджера, остановись он на этом. Все сказанное можно было списать на отчаяние отца,

пытавшегося осмыслить нечто не поддающееся осмыслению, — если бы не ненависть, которая зазвучала в его монологе под конец.

— Теперь он остался без матери. — Роджер указал на Уилла, которого только недавно выписали из больницы; белая повязка на голове мальчика бросалась в глаза среди черных рубашек и платьев. — Теперь он остался с тобой!

До этого Дэнни молчал. Он не хотел устраивать сцен, но прикусить язык сильнее уже не мог: рисковал отхватить его совсем. Самым спокойным тоном, на который был способен — то есть уже совершенно неспокойным, — он напомнил: Лиз села за руль именно из-за Роджера, который вообще-то в тот день должен был их навестить, но в последний момент передумал и попросил Лиз приехать. Не дав тестю возразить, Дэнни продолжил: Роджер годами открещивался от их приглашений в гости под какими-то жалкими предложениями — то проблемы с машиной, то простуда, то приступы непонятной хвори, — хотя настоящей причиной, пожалуй, являлся банальный стыд. Роджеру было стыдно отдавать дочь замуж за такого, как Дэнни; стыдно видеть ее в тесной квартирке в районе Тауэр-Хамлетс, а не в зеленом пригороде вроде Хэмпстеда; стыдно, что жизнь Лиз оказалась далекой от его идеала.

Следующие полгода зять с тестем не общались. Кэрол же звонила достаточно часто — или неловко побеседовать с Дэнни о погоде, или поболтать с Уиллом (говорила, конечно, только она). Каждый раз женщина выдумывала новую причину, почему Роджер не может подойти к телефону, — словно ей до сих пор нужно было притворяться, что все хорошо, даже после того, как эти двое ругались на людях, перегородив всем доступ к столу с закусками.

Несколько месяцев назад Дэнни получил от Кэрол СМС с вопросом, не против ли они с Уиллом встретиться все вчетвером и поговорить. В ответном сообщении Дэнни позвал их с Роджером в гости, но Кэрол вежливо отклонила приглашение и предложила встретиться в кафе возле станции метро «Олд-Стрит» — так сказать, на нейтральной территории.

Дэнни не представлял, о чем будет разговор. Он не собирался извиняться, Роджер — тем более. Прижав к груди Кэрол, кивнув Роджеру и глядя, как Уилл обнимает обоих, Дэнни был как на иголках. В глубине души он опасался, что родители Лиз попросят отдать им Уилла для его же блага. Однако эти подозрения не оправдались.

У Роджера были родственники в Мельбурне — о чем он неустанно напоминал всем вокруг. Тесть с тещей собирались перебраться в Австралию, сколько Дэнни их знал, но никто, и Лиз в том числе, не верил в грядущий переезд. Однако он все же должен был состояться, и скоро — потому Кэрол их и позвала. Новость не особо расстроила Дэнни — в их с сыном жизни Роджер с супругой и так почти не участвовали, — но напомнила, как он одинок. Он потерял и жену, и отца; матери, считай, тоже не было — а теперь не будет и тестя с тещей. Остался только Уилл, хоть это порой и вызывало сомнения. С тех пор как сын очнулся после трех дней комы — самых мучительных в жизни Дэнни, — он не произнес ни слова, и никто не знал почему. Педиатры, психологи, психиатры и специалисты по речевым патологиям не могли сойтись во мнении. Варианты звучали разные: возможно, из-за полученной в аварии травмы головы он никогда не сможет составлять внятные предложения; может, Уилл не утратил речевых навыков, а просто не хочет говорить из-за смерти матери. Каждый норовил высказать свое мнение, зачастую вообще не из области медицины. Редж, домовладелец, верил в чудодейственность хорошего подзатыльника; один из штукатурщиков на работе проповедовал силу гипнотерапии; а однажды, когда Дэнни копался в уцененных продуктах в супермаркете, рядом с ним вдруг нарисовалась женщина с длинным седым хвостом и как ни в чем не бывало поинтересовалась, часто ли Уилл ест семена гинкго. Дэнни готов был поклясться, что видит ее первый раз в жизни.

Если решение и существовало, Дэнни давно отчаялся его найти. Он даже не надеялся дождаться того дня, когда

проснется и почувствует хоть что-то, кроме настойчивого желания снова сомкнуть глаза и никогда больше не открывать.

Дэнни взял фотографию, стоявшую на кофейном столике у дивана: этот снимок он сделал одним летним днем в Гайд-парке пару лет назад. Лиз лежала на траве, опустив голову на руку, и сонно улыбалась. Ее разморило от жары и бутылки красного, выпитой на двоих. В тот год она редко надевала это платье в цветочек — дожди шли чаще, чем обычно, — и после той прогулки повесила в гардероб, где оно и пылилось до сих пор. На нем давно не осталось ни намека на то, что жена его когда-то надевала, но Дэнни все равно периодически зарывался в ткань лицом, вдыхая микроскопические частички ее запаха, который мог сохраниться в складках.

Он провел пальцем по щеке Лиз на фото и улыбнулся. Затем прижал жену к груди, и его плечи затряслись от беззвучного плача.

Глава 6

В дверь постучали так громко, что соседский почтовый ящик протестуяще задребезжал. Уилл, медитировавший над своим завтраком, бросил беспокойный взгляд на Дэнни. Тот посмотрел в сторону коридора. Никто не шевелился. Рука Дэнни замерла в воздухе, не донеся кружку до рта, а пальцы Уилла сжали подсыхающий кусочек тоста.

К двери и подходить не нужно было: Дэнни знал, кто там. Только один гость мог так барабанить. И вообще только он и стучал: нормальные люди пользовались звонком, но Редж к таковым не относился.

Да и в том, человек ли он, сомневались все, кто его знал. Многие выделяли его в отдельный вид, которому давно надлежало вымереть: не только из-за неправильного питания, высокого давления и сомнительных решений по жизни, но и потому, что без него мир стал бы лучше. Редж был из тех, кто из горящего приюта выносил бы мебель; кто болеет не за хороших или плохих парней, а просто хочет, чтобы все сдохли; кто проколет залетевший в его сад футбольный мяч, прежде чем бросить его обратно через забор, — и с радостью сделал бы то же самое с жильцами, которые не платят по счетам вовремя. Например, с Дэнни, задолжавшим уже за два месяца.

Стук прекратился, и тишину заполнила льющаяся из радиоприемника дурацкая песенка — реклама местного автосалона.

— Кажется, ушел, — прошептал Дэнни; его глаза бегали, будто следя за невидимой мухой. Правда, сделав глоток, он чуть не опрокинул на себя чашку: именно в этот момент раздался еще более настойчивый стук.

Испугавшись, что дверь слетит с петель и Редж заставит его платить за ущерб, Дэнни поднялся и осторожно посмотрел в глазок.

В коридоре стоял Редж: его дряблое тело поддерживала пара грязных костылей. Спина домовладельца была слегка изогнута, а зад отклячен — эта поза всегда напоминала Дэнни о гориллах, хотя те в целом вели себя дружелюбнее, чем Редж, и нападали, только когда чувствовали угрозу. Щеки домовладельца покраснели сильнее, чем обычно: лифт не работал, и ему пришлось взбираться по лестнице. На голове красовалась нестиранная кепка, впитавшая следы десятилетий использования лака для волос. Рядом возвышался мужик с квадратной головой и коротко стриженными волосами, такими же черными, как и его костюм.

Рыбий глаз дверного глазка комично искажал их силуэты; однако когда Дэнни открыл дверь, фигура Реджа прямее не стала.

— Ну наконец-то, — проворчал домовладелец, протискиваясь мимо Дэнни. — Поставь чайник.

— Редж. — Дэнни вынужден был задрать голову, чтобы посмотреть в глаза его спутнику.

— Дент. — Он подвинулся, пропуская огромную фигуру.

Уилл наблюдал за появившимися в комнате мужчинами, сжимая все тот же кусок тоста. Мистер Дент забрал у Реджа костыли и помог устроиться на стуле Дэнни, а сам сел рядом с Уиллом. Тот сразу растворился в его тени; Дэнни смущенно топтался рядом, как нервный консультант в магазине.

— Не слышу, чтоб вода закипала, — буркнул Редж.

Не сводя глаз с незваных гостей, Дэнни отступил на кухню и поставил чайник на плиту.

— Что это тут у нас? — Редж указал на тост Уилла. — Арахисовое масло?

Взглянув на свой завтрак, Уилл снова поднял глаза на Реджа и кивнул.

Домовладелец посмотрел на мистера Дента. Тот забрал у Уилла тарелку и поставил перед боссом.

— Ничего так, — заметил Редж, жуя и разбрасывая крошки по столу. — Люблю маслице, потому что свои делишки обстряпываю как по маслу.

Дэнни издал короткий смешок.

— Все еще молчит, да? — Редж указал на Уилла, и тот заерзал.

Отец пожал плечами и пробормотал что-то утвердительное.

— Повезло тебе, — продолжил Редж. — Тише воды, ниже травы, как и положено. Видел бы ты моего младшенького. Никогда не затыкается, спиногрыз мелкий. Весь в мамашу, бесит меня до одури.

Редж вытер губы тыльной стороной ладони, а ладонь — о штаны. Затем он вытащил пачку сигарет и сунул одну в рот.

— У нас нельзя... — Дэнни осекся, но поздновато.

— Нельзя что, Дэниэл? — поинтересовался Редж, наклоняясь к поднесенной мистером Дентом зажигалке.

— Ничего.

— У нас. Нельзя. Что. Дэниэл? — отчеканил домовладелец тоном, не оставлявшим сомнений: если вопрос прозвучит третий раз, Дэнни несдобровать.

— У нас... Я хочу сказать... просто... в этом доме не курят.

— Разве? — В сторону Дэнни полетело облако сизого дыма. — Напомни-ка, Дэнни, а то я, кажется, совсем отупел: чей это дом?

— Твой, — ответил Дэнни.

— Видишь, я тоже так думал, но говорил ты так, будто дом-то твой. Понимаешь, почему я в замешательстве?

— Да, Редж. Прости, Редж.

— Так чей это дом?

— Твой.

— И кто устанавливает правила?

— Ты.

— Ты чертовски прав. Я. И не смей, блин, указывать, что мне делать в собственном доме. Усек?

— Да, Редж.

— В любом случае, — продолжил домовладелец, стряхивая пепел Дэнни в чай, — на твоём месте я бы не волновался из-за пассивного курения. Я бы больше переживал о других вещах, которые могут серьёзно навредить здоровью. Например... не знаю, о неуплате за жильё.

— Уилл, спустись, навести Мо. — Повернулся к сыну Дэнни. Тот с сомнением взглянул на отца. — Все в порядке, парень. Мы с Реджем просто поболтаем.

Мальчик схватил рюкзак и выскользнул из комнаты.

— Сядь, черт возьми! — велел Редж, указывая на опустевший стул Уилла. — А то раздражаешь.

Дэнни сел во главе стола — лишь бы подальше от жутковатой парочки.

— Послушай, Редж, я знаю, почему ты здесь...

— Почему я здесь — это как раз понятно: потому что это, блин, моя квартира. Вот чего я не знаю — так это почему ты здесь. До сих пор.

— Спасибо за терпение, правда. В последнее время на меня столько всего навалилось, к тому же арендная плата... выросла очень резко, и я не... не учел, что... Просто это было очень неожиданно. Слишком мало времени прошло после прошлого повышения.

— Ну, у нас инфляция. Не вини меня, вини экономику.

— Знаю, но... при всем уважении... инфляция же всего три процента? А арендная плата выросла на двадцать...

— Управление, — пожал плечами Редж.

— Что?

— Управление.

— Управление?

— У тебя тут что, блин, эхо?! — рявкнул Редж. Мистер Дент покачал головой.

— Управление, — повторил Дэнни. — Да. Конечно. Просто... у нас не такие доходы, как раньше. С тех пор как... ну, знаешь...

— То, что случилось с Лиз, ужасная трагедия, — перебил его Редж, вертя в руках сигарету. — Хорошая девчонка была, очень мне нравилась. Но, пусть я покажусь старым бессердечным подлецом — хотя, если разобраться, я именно такой и есть, — твоя утрата не отменяет долга за два месяца.

— Знаю, Редж, знаю. И ты все получишь. Клянусь.

— Ой, да в этом я не сомневаюсь — тут и говорить не о чем. Вопрос в том, как я все получу. Видишь ли, если речь идет о

взыскании долгов, то я предпочитаю наличку, но вот Дент... скажем так, немного старомоден в этом вопросе. Так ведь, Дент?

Верзила кивнул. Он распахнул пиджак, демонстрируя торчащий из внутреннего кармана молоток-гвоздодер, который явно часто пускали в ход. При виде орудия Дэнни поежился так, что стул под ним скрипнул.

— И как мы поступим, Дэнни? — спросил Редж.

— Я достану деньги, честное слово. Дай мне еще немного времени.

Домовладелец задумчиво смотрел сквозь дым. На несколько мгновений повисла тишина.

— Обычно я так не поступаю, — наконец произнес Редж. — Но... в свете смягчающих обстоятельств, думаю, будет правильно проявить толику сочувствия. Может, я не красавчик, но и не чудовище. Считаю, тебе повезло, что твоя жена погибла. Иначе я бы не был таким чутким.

Дэнни стиснул зубы и заставил себя кивнуть.

— Даю тебе еще два месяца, чтобы оплатить долг целиком. Иначе вам с пацаном придется искать новое жилье. Но предупреждаю: найти квартиру с удобствами для инвалидов не так просто, как кажется.

— Спасибо, Редж, — отозвался Дэнни. — Я очень тебе признателен.

— Правильно, Дэн, правильно. Ну а что касается процентов... думаю, тридцать — вполне приемлемо, как считаешь?

С усилием проглотив срывавшееся с языка возражение, Дэнни поморщился.

— Более чем, — ответил он.

— Отлично. Значит, решено. — Редж бросил сигарету Дэнни в чай, и она зашипела.

— Редж, ты только не подумай, я тебя очень уважаю, но мне нужно на работу. Понимаешь, у нас новый шеф, он русский — Виталий, кажется, — и если я опоздаю...

— Два кусочка сахара.

— Что?

— В чаек мне, — Редж снова надкусил тост.

— Ах да. Чай. Конечно. Извини.

Дэнни ушел на кухню и принялся торопливо заваривать чай, ругаясь себе под нос.

— И не жалея молока! — крикнул Редж.

***

Дэнни бежал через стройплощадку и чуть не потерял каску, пригибаясь и лавируя, чтобы увернуться от балок и экскаваторов. Наконец он добрался до Ивана: тот выгружал из машины мешки с цементом.

— Дэнни-бой, — поприветствовал приятеля украинец. — Альф тебя ищет.

— Сказал — зачем? — уточнил Дэнни, пытаюсь перевести дух.

Иван пожал плечами. Дэнни не знал больше никого, кто мог бы сделать это, забросив за спину мешок цемента.

— Дэнни! — прокричал кто-то через всю площадку. Обернувшись, Дэнни увидел Альфа, резким жестом указывающего на дверь барака, где располагался его офис. — Тащи сюда свой зад, живо!

***

Альф сидел за столом, нетерпеливо щелкая ручкой о коврик для мыши. Дэнни вошел, пересек барак по гнущемуся под ногами полу и сел напротив бригадира.

— Итак, Альф, — начал он. — В чем дело?

— Что я тебе вчера сказал?

Дэнни снял каску и нервно взъерошил волосы.

— Ты сказал работать на цементе с Иваном.

— Не морочь мне голову, Дэн. Ты прекрасно знаешь, о чем я, — процедил Альф.

Дэнни вздохнул.

— Ладно, Альф, послушай: извини, но вот честно, это не моя вина. Представь: мы с Уиллом сидим завтракаем, и тут кто-то ломится в дверь, понимаешь? Иду поглядеть, кто это, и

на пороге — кто бы ты думал? — Редж и его дуболом-телохранитель. Ну я и глазом моргнуть не успел, а они уже расселись за столом и отказываются уйти, пока вода в чайнике не кончится!

— Продолжай, — бросил Альф.

— Что продолжать? — нахмурился Дэнни.

— Закончи рассказ.

— Уже закончил.

— Так это все? — Альф, казалось, впал в ступор. — И это твое оправдание? Ты опоздал на работу! Опять! Хотя всего двадцать четыре часа тому назад я настойчиво рекомендовал тебе не опаздывать! И если я тебя правильно понял — а я очень надеюсь, что ошибаюсь, — ты распивал «Твайнингс» со своим домовладельцем и оттого не явился вовремя?!

— «Все за фунт», — буркнул Дэнни.

— Что?

— Чай из магазина «Все за фунт». Мы не можем позволить себе «Твайнингс».

— Офигеть! — Альф закрыл глаза, потирая переносицу.

— На вкус не так уж плохо. Надо только привыкнуть.

— Да я не про чай! — заорал Альф, двинув кулаком по столу.

— А, ну да. Извини.

Альф покачал головой.

— Нужно было меня послушать, Дэнни. Я пытался тебе помочь.

— Я понимаю, но какие у меня были варианты? Ради всего святого, у него был молоток! И не просто молоток, а гвоздодер. На черта он ему?! Что он им вырывает?! Не знаю и знать не хочу, но если мужик с таким инструментом велит сделать чашку чая, ему же не откажешь, верно? Серьезно, Альф, извини, но выбора мне особо не дали!

— Мне тоже, — отозвался Альф.

Дэнни прищурился.

— Это еще что значит?

— Ты прекрасно знаешь.

— Нет, Альф, не знаю.

— Мне сказали насчет тебя пару слов.
— Каких же?
— Я вынужден тебя уволить, Дэн.
— Это уже четыре слова.
— Пожалуйста, не усложняй, — сказал Альф.
— Чье это распоряжение? — Дэнни оглядывал барак с таким видом, будто где-то здесь прятался виновный. — Этого русского придурка?

— Какая разница — чье? — вздохнул Альф. — Решение принято. Освободи шкафчик, и поскорее. У тебя осталось две недели отпуска, так что можешь их не отрабатывать.

Бригадир всеми силами избегал смотреть на Дэнни.

— Я работаю на тебя четыре года, Альф. Четыре долбаных года. Я тебя когда-нибудь подводил за все это время? Хоть раз?

— Дело не во мне, Дэн. Я и рад бы помочь, но увы. Это все новое руководство. Ребята беспощадные, они бы и родных бабушек выгнали, если бы нашли модель подешевле. Ты не один такой. Никто не застрахован от увольнения, даже я.

— Ты не можешь так поступить! — воскликнул Дэнни. — Мне нужна эта работа. Очень нужна.

Альф вздохнул так, словно жалел о каждом решении, из-за которого оказался в этой ситуации.

— Прости, Дэн. Но у меня руки связаны.

Глава 7

Дэнни с таким остервенением утрамбовывал свои жалкие пожитки, что порвал пакет, швырнул его на пол, хотел пнуть — и снова выругался, попав ногой в дырку. Стянув с ботинка спутанный целлофан, он скомкал его, отбросил, опустился на лавочку и спрятал лицо в ладонях. Несколько минут спустя в раздевалку зашел Иван.

— Альф только что сказать мне, — объявил он, присаживаясь рядом.

Дэнни молча кивнул.

— Знаешь, у меня есть двоюродный брат, — продолжил Иван, — и он мне должен. Хочешь, я сейчас ему звонить? Он преподавать Альфу урок.

Украинец сложил пальцы пистолетиком и изобразил выстрел в голову:

— Бум! Понимаешь?

— Альф не виноват, — поднял голову Дэнни. — Но спасибо за предложение. Для меня это много значит.

— Что будешь делать? — спросил Иван. — Нужна новая работа? Я знаю много людей.

— Не пойми неправильно, — отозвался Дэнни, — но мне нужно что-нибудь... ну, легитимное.

— «Легитимное»? — нахмурился Иван. — Что значит «легитимное»?

— То самое.

Иван кивнул, хотя явно ничего не понял.

— Не волнуйся, я не пропаду. Это не единственная стройка, их полно. Есть то офисное здание в Брансвике или большой проект в Фаррингдоне, да и вообще кругом куча возможностей. Сложно будет не найти работу, а решить, какую выбрать.

Дэнни поднялся.

— Подожди. — Иван открыл шкафчик, вытащил завернутый в фольгу предмет, по форме напоминающий кирпич, и протянул

его Дэнни. — Держи. От Иваны.

С тех пор как не стало Лиз, Ивана раз в несколько недель пекла ему ореховый пирог. Если начистоту, то Дэнни ничего так не ждал, как этих пирогов (кроме дня, когда Уилл наконец заговорит, если такой вообще наступит), и не только из-за их невероятного вкуса. В самые трудные минуты, когда Уилл спал, а тишину квартиры нарушали лишь дурные мысли, эти небольшие знаки внимания напоминали Дэнни: даже если кажется, что он в мире совсем один, это не так. По крайней мере, пока на кухне есть пирог.

— Пахнет восхитительно, — сказал Дэнни, поднеся сверток к носу. — Спасибо, Иван. Поблагодари от меня Ивану, пожалуйста.

Тут снаружи донесся голос Альфа:

— Иван!

— Тебе пора, — заметил Дэнни.

Иван кивнул, но не сдвинулся с места.

— У тебя все будет в порядке?

— Конечно, приятель. Не волнуйся. Я мигом найду новую работу, вот увидишь.

***

Если не считать одной поездки в Маргит (Дэнни было всего семь, и запомнил он только ту ее часть, когда мама почти на час бросила его на карусели, а сама ушла в паб) и двух в Брайтон — сначала с Лиз, еще подростком, затем с Уиллом, уже родителем, — Дэнни ни разу за свои двадцать восемь лет не покидал столицу. Он полагал, что знает родной город лучше многих, но за две недели, последовавшие за увольнением, увидел больше улиц Лондона, чем за всю жизнь. Он побывал чуть ли не в каждом районе, в каждой зоне метро (включая зону девять) и видел бесчисленное количество мест, о существовании которых даже не подозревал (включая зону девять).

Чтобы не тревожить Уилла и избежать неловкой сцены с объяснением, по утрам Дэнни продолжал, как обычно, надевать потрепанную рабочую одежду и готовить завтрак на двоих. А отправив сына в школу, он проводил очередной долгий и бесполезный день в поисках работы.

Дэнни начал с центра Лондона: обошел все солидные строительные фирмы, которые украшали городской пейзаж огурцами, банками ветчины и другими зданиями, по форме почему-то напоминавшими содержимое холодильника. Затем перебрался в зону два, сначала в надежде найти работу в районе Канэри-Уорф или Доклендс, а позже, когда ничего не вышло, попытал счастья в Гринвиче, где возводили новые жилые дома. Чем дальше Дэнни уезжал от центра, тем меньше становились шансы на успех: крупное строительство сменялось мелочью вроде проектирования коттеджей и косметического ремонта.

Он предложил свои услуги даже старику, размазавшему по себе чуть ли не больше краски, чем по гаражу, который обновлял. Но в какие бы дебри Дэнни ни забирался, с кем бы ни говорил, ответ всегда был один. Никто не нуждался в его услугах, потому что на деле ему нечего было предложить. Он не был ни штукатуром, ни плотником, ни сварщиком. Не чинил крыши, не укладывал плитку или кирпич и, хотя кое-что смыслил в проводке и трубах, не мог считаться квалифицированным электриком или сантехником. Дэнни копал ямы. Таскал материал. Замешивал цемент. Забивал гвозди. И делал все это хорошо — как и целые толпы других людей. В том-то и загвоздка: ничто не выделяло его из массы разнорабочих, тоже искавших места; ему нечем было похвастаться на рынке труда. Он не получил образования, не считая однодневного курса по оказанию первой помощи, который прошел сто лет назад и начисто забыл, и никаких дипломов, кроме сертификата о сданных школьных экзаменах по рисованию (тройка с минусом) и географии (двойка). За последние годы он видел немало объявлений о курсах и мастер-классах — от столярных работ и установки окон до составления ведомостей. Все они дали бы полезные для его карьеры навыки

и помогли бы нанимателям разглядеть в Дэнни другие способности, помимо умения месить цемент. Но каждый раз он находил причину не записываться: то был слишком занят (даже если не был), то не хватало денег (даже когда хватало). В глубине души он всегда знал: этот день наступит — просто не рассчитывал, что так скоро. И вот Дэнни оказался весь в долгах и без источника дохода, рискуя на собственной шкуре узнать, как именно мистер Дент воспользуется своим молотком, если он не найдет работу, и быстро.

Дэнни чуть не подал заявку на единую социальную выплату, но передумал, увидев, сколько придется ждать. Деньги нужны были ему сейчас, а не через пять недель, и он стал стучаться во все двери. Супермаркеты. Склады. Офисы. Транспортные компании. Заводы. Доставка еды. Почта. Кафетерии. Магазины одежды. Пекарни. Универмаги. Клининговые фирмы. Утилизация отходов. Мясные лавки. Ювелирные. Закусочные. Рестораны. Салоны связи. Зоотовары. Кинотеатры. Книжные. Парикмахерские. Галереи. Зоопарки. Кладбища. Службы такси. Дэнни даже пытался устроиться парковочным инспектором — стать одним из тех, кого проклинал весь мир (включая многих парковочных инспекторов). Но то ли нигде не требовались сотрудники, то ли дело было в его резюме — настолько коротком, что поместилось бы на стикере и еще осталась бы куча места, — но Дэнни нигде не мог найти работу.

Еще одним непредвиденным препятствием, о котором Дэнни раньше не задумывался, оказалось то, что он отец-одиночка. С Лиз они всегда могли договориться, и кто-то из двоих постоянно присматривал за сыном. Потом отец подстроил свой график так, чтобы утром уходить позже Уилла и возвращаться аккурат к ужину. Нечто подобное требовалось и сейчас: няня была семье не по карману (как и большинству жителей Лондона), но и надолго оставлять сына одного отец не мог (как бы Уиллу того ни хотелось). Несколько раз Дэнни попадались вакансии ночных охранников с пометкой «приступить немедленно»; во многих объявлениях — где требовались обслуживающий персонал, работники в бары и кол-

центры — единственным условием была готовность к ночным сменам. Некоторые из этих вариантов подходили Дэнни больше многих других, но ему пришлось отказаться.

***

Спустя две недели после увольнения, бродя по Ислингтону, Дэнни вдруг заметил в какой-то мутной витрине листок с рукописным объявлением: «Требуется продавец на полную ставку». В первый момент Дэнни показалось, что это вовсе не магазин, а кунсткамера или место, где собираются сторонники теории плоской Земли. С витрины на него смотрели несколько покосившихся и выгоревших на солнце манекенов в диковинных нарядах — от клоунских масок с клыками и заляпанных кровью фартуков до черного латексного костюма с ярко-оранжевым кляпом. Только отступив на шаг и прочитав вывеску над входом, Дэнни понял: перед ним магазин маскарадных костюмов. Быстро пригладив одежду и волосы, он оглядел свое отражение в стекле и зашел внутрь.

Пахло там, как в бюро находок. Зал, где царила зловещая тишина, напоминал офис благотворительной организации — правда, такой, куда по большей части свои обноски жертвовали госпожи определенного рода, цирковые артисты и странная публика с фестиваля Burning Man. Направляясь мимо стеллажей к прилавку в глубине магазина, Дэнни слышал только скрип половиц и шум улицы, которая внезапно показалась ему очень далекой.

— Есть кто-нибудь? — крикнул Дэнни.

Он перегнулся через стойку, заглянул в распахнутую дверь подсобки и немного подождал. Ему было не по себе и очень хотелось уйти. Именно так Дэнни и собирался поступить, но стоило ему повернуться к выходу, как из-за стойки выскочил пират.

— Эй, на корабле! — заверещал он.

Дэнни заорал от испуга. Обернувшись, он увидел человека с повязкой на глазу. На плече у ряженого сидело чучело

попугая — не игрушка, напоминающая птицу, а настоящее чучело, вдобавок плохо набитое.

— Звиняй, парень, — протянул пират низким хриплым голосом, который совершенно не вязался с его молодежким видом. — Не хотел тебя напугать.

— Зачем тогда так выпрыгивать?! — рявкнул Дэнни.

Пират на мгновение задумался.

— Лады, я хотел тебя напугать: тут так скучно. — Его пиратский говор сменился на гнусавый бристольский. — Ты первый клиент за день. На самом деле даже за неделю.

— Не удивлен, — огрызнулся Дэнни, пытаюсь успокоиться.

— Нет, правда, думаю, я бы свихнулся, если б не Барри.

— Барри?

Мужчина кивнул на чучело попугая.

— Ясно, — буркнул Дэнни.

— Собственно, чем могу помочь? — спросил продавец.

— Я ищу...

— Нет, погоди, дай угадаю. Обычно у меня хорошо получается. Ну-ка... Пасха давно прошла, для Хэллоуина слишком рано, для Рождества тем более, а значит, тебе нужен костюм для... вечеринки с красотками и священниками!

— Нет, я...

— С полицейскими и грабителями? Это полицейские и грабители, точно!

— Нет...

— Расследование убийства?

— Послушайте...

— Понял! — щелкнул пальцами продавец. — Ты ищешь комбинезон в стиле диско на день рождения сестры!

— У меня нет сестры, — возразил Дэнни.

— Случаем не костюмированные похороны?

— Такие вообще бывают?

— Ты удивишься.

— Послушайте, я не за костюмом, а по объявлению.

— По какому объявлению?

— По тому, в витрине, — Дэнни бросил взгляд на входную дверь. — Насчет работы.

— Ах да, работа! Звиняй, я так давно его повесил, что уже начисто забыл.

— Ну теперь можете снять: вот он я, — Дэнни указал на себя нарочито замысловатым жестом.

— На самом деле мне нужна женщина, — сказал продавец.

— Это уж точно! — Дэнни смерил его взглядом.

— Да нет же! На личном фронте у меня нет проблем. Это босс ищет женщину. В магазин.

— А где босс?

Пират переместил повязку на другой глаз.

— Я босс, — заявил он.

— Ясно. — Дэнни покачал головой и повернулся уходить.

— Оставишь свой телефон? — окликнул его продавец.

— Зачем?

Мужчина пожал плечами.

— Может, как-нибудь сходим, пропустим по стаканчику. Ну знаешь, мы втроем, — он снова кивнул в сторону Барри.

— Мне пора, — пробормотал Дэнни, пятясь к выходу.

Еще мгновение — и дверь скрипнула, закрывшись у него за спиной.

— Отлично вышло, Барри, — вздохнул продавец.

Попугай не ответил.

***

Придя вечером домой, Дэнни обнаружил на диване перед телевизором Уилла, а на столе — письмо. Опасаясь найти там еще один счет, Дэнни отложил чтение. Первым делом он снял «рабочую» одежду, неторопливо принял душ и заварил чай — эти три вещи он делал, возвращаясь со стройки, и продолжал делать сейчас, чтобы не вызывать подозрений. И только после этого, упав в кресло, он распечатал конверт так осторожно, будто тот мог взорваться.

Это был не счет (Дэнни с облегчением выдохнул), но, судя по названию школы Уилла в шапке письма, едва ли стоило ждать хороших новостей: либо у сына неприятности, либо снова пора раскошелиться. В глубине души Дэнни надеялся на первое.

— Очередная школьная поездка? — спросил он скорее самого себя, чем Уилла. — Куда на этот раз?

Дэнни изучал письмо, а Уилл тем временем продолжал смотреть Top Gear.

— Стоунхендж? Ты же там уже был с мамой, помнишь? Тогда это стоило меньше пятидесяти фунтов. Хочешь поехать снова?

Уилл пожал плечами.

— Нет, конечно, тебе решать, — продолжил Дэнни. — Стоунхендж совершенно не изменился с прошлого раза. Он точно такой же. Хотя если ты считаешь, что в этой поездке узнаешь что-то новое... А в прошлый раз ты много узнал, это я точно помню. Я даже подумал: да этот парень теперь настоящий эксперт по Стоунхенджу, наверное, ему больше не нужно туда ездить! Но если ты хочешь еще раз посмотреть на эту старую грудку камней, я не против, только скажи. Или нет. В смысле не надо ничего говорить. Я просто... Ну ты понял, о чем я.

Уилл не ответил. Дэнни уставился на письмо.

— Слушай, давай как-нибудь съездим туда вдвоем? Только ты и я. Будет весело. Можем остаться на целый день, как вы с мамой тогда. Как тебе такой план?

Уилл снова пожал плечами. На фоне кто-то распинался о лошадиных силах.

— Класс! — Дэнни старался не замечать отсутствие у сына какого-либо воодушевления. — Сейчас принесу ужин.

Закрыв за собой кухонную дверь, он перечитал письмо в надежде обнаружить нечто такое, что избавило бы его от необходимости платить. Не найдя ничего похожего, Дэнни сунул лист обратно в конверт и бросил в мусорное ведро.

***

В этот погожий день в парке было полно народу. Пенсионеры нежились в шезлонгах, молодые родители катили коляски, офисные работники обедали или просто грелись на солнышке, а студенты болтали, рассевшись в кружки на траве.

Дэнни устроился на лавочке в тени и, не отрываясь, просматривал на экране телефона бесконечные страницы с вакансиями.

— Требуется опыт, требуется опыт, требуется опыт, — бормотал он себе под нос, листая объявления.

Похоже, даже для самой простой и черной работы требовался какой-то опыт: и чтобы стоять на кассе в магазине, и чтобы мыть полы в зале для игры в бинго. Даже для выгула собак необходим был как минимум двухлетний опыт работы с разными породами, цитата, «до уровня аляскинского маламута» (Дэнни решил, что уровень для начинающих — это чихуахуа или ши-тцу, хотя в объявлении это не уточнялось).

Открыв электронную почту, он нашел два отказа во входящих и третий — в спаме. Еще он получил письмо от женщины по имени Светлана, которой очень понравилась его страничка в Facebook, хотя он даже не был там зарегистрирован.

Дэнни вздохнул, убрал телефон и побрел через парк. Впереди он заметил толпу: люди глазели на уличных артистов, которых они с Уиллом видели пару недель назад. Среди них был гитарист с котом на плече: несколько человек снимали, как он играет. Немало народу собралось и вокруг фокусника. Белка-жонглер и цыпленок тоже были здесь, как и еще несколько новых для Дэнни лиц: мим, человек-оркестр, скрипач и живая статуя, упорно игнорировавшая детей, которые всячески пытались вывести ее из себя.

Дэнни наблюдал за артистами и снова удивлялся тому, как много им удавалось заработать, одеваясь в дурацкие костюмы и выставляя себя на посмешище. Он видел, какие представления собирали больше публики — те, в которых была хоть капля таланта, как, например, у скрипача или фокусника; но хоть убей

не понимал, как даже самые бездарные умудрялись вечером уйти с деньгами. Кажется, у человека-оркестра музыка получалась вообще случайно: он беспорядочно хлопал, взбрыкивал и дергался, надеясь хотя бы одной из конечностей взять нужный аккорд. Парень в костюме белки дольше подбирал свои орехи с земли, чем жонглировал. За одно это утро Дэнни уже потерял счет вакансиям, для которых не подходил из-за отсутствия опыта, а тут люди зарабатывали не просто на хлеб, а на хлеб с жирным слоем масла, хотя явно ничего не смыслили в том, что делают.

В этот момент у Дэнни появилась идея.

Глава 8

— Приветствую тебя, усталый путник! — изрек продавец маскарадных костюмов.

Вернее, так его понял Дэнни. Разобрать было сложно: на продавце были доспехи, и его голос приглушал шлем.

— А, это ты! — добавил он, поднимая забрало.

Дэнни подошел ближе.

— А где Барри? — спросил он, оглядываясь.

— Временно одолжил его старому вдовцу по имени Грэм.

— Что ж, пиратским вечеринкам все возрасты покорны.

— Костюм он не взял, — уточнил продавец. — Только Барри.

— Что за...

— Я не задавал вопросов. Нам нужны деньги.

— Понял, — кивнул Дэнни. — Что тут у вас самое дешевое?

— Сударь, позвольте мне бросить взгляд на те товары со скидками, дабы удовлетворить вашу просьбу. — Продавец повернулся к вешалкам у себя за спиной и принялся перебирать костюмы. Вытащив один, он положил его на стойку. — Как насчет этого?

Дэнни нахмурился.

— Это же... нацистская форма?

— Мы предпочитаем говорить «исторически точный военный костюм», — поправил его продавец.

— Это исторически точная нацистская форма.

— Ну если вдаваться в детали, то да.

— Ее хоть кто-нибудь брал напрокат? — поинтересовался Дэнни.

— Кажется, принц Гарри.

— Ясно. Честно говоря, я ищу что-то такое, в чем меня не побьют.

Продавец снова перебрал вешалки и достал костюм-тройку с синим галстуком. В другой руке он держал взъерошенный светлый парик.

— Ну?

— Что «ну»? — не понял Дэнни.

— Как тебе?

— Что это?

— Ясное дело, костюм Бориса Джонсона³.

— Я же сказал, что-нибудь такое, в чем меня не побьют, — сказал Дэнни.

— Значит... нет?

— Значит, нет. Кому вообще придет в голову одеться Борисом Джонсоном?

— Никому, — согласился продавец. — Поэтому костюм такой дешевый.

— Дайте что-нибудь другое.

Мужчина принялся перебирать вешалки в третий раз и выложил на стойку черно-белый костюм с маской.

— И что это такое? — Уставился на наряд Дэнни.

Раздался лязг металла: продавец задумчиво постучал пальцами по стойке. Затем он пошарил в поисках ярлыка и, обнаружив его на внутренней стороне костюма, пожал плечами, насколько позволяли доспехи.

— Это панда, — прочитал он.

— Вы уверены?

— Нет, но так здесь написано.

Дэнни с сомнением уставился на костюм. Если это и была панда, то самая грустная из всех, что он когда-либо видел: прожившая исключительно долгую жизнь, полную разочарований, измен и проигрышных ставок.

— Костюм воняет. — Дэнни непроизвольно поморщился.

— Врать не стану, — покачал головой продавец, — какой-то студент брал его напрокат для недели первокурсников, и его вырвало прямо на костюм. Не пойми неправильно, он абсолютно чистый, просто слегка пахнет «егермейстером» и кислятиной.

— Сколько вы за него хотите?

Продавец на мгновение задумался.

— Десятку?

— Даю пять фунтов.

— Десятку, и костюм Бориса Джонсона в подарок.

Дэнни вытащил из кармана смятую банкноту и положил на стойку.

— Пятерка, — отрезал он.

— По рукам, — кивнул продавец.

***

Дэнни заперся в кабинке общественного туалета в парке и начал свое неуклюжее перевоплощение. Дважды он чуть не угодил ногой в унитаз — пытаюсь стянуть одежду в крохотной импровизированной раздевалке, а затем с трудом втискивая ногу в штанину. Наконец он вывалился из кабинки в полном облачении.

— Все в порядке? — спросил Дэнни у мужчины, справлявшего малую нужду и глядевшего на него во все глаза. Кивнув, тот продолжил следить за гигантской пандой, изучающей себя в зеркале, и не заметил, что на несколько дюймов промахнулся мимо писсуара.

Дэнни вышел из туалета и побрел по парку в поисках подходящего места для выступления. Он решил пока держаться подальше от других артистов: отчасти из-за неуверенности, а отчасти из страха в первый же день ввязаться в спор за территорию. Появившись без приглашения, не представившись и не попросив взять его под крыло, он мог нарушить какой-нибудь негласный кодекс чести и нарваться на тумаки или как минимум косые взгляды.

Выбрав место — на порядочном отдалении, но настолько близко, чтобы заметить, если понадобится рвать когти, — Дэнни бросил сумку с одеждой на траву и поставил перед собой открытый пластиковый контейнер. Положив туда несколько монет, он нервно поправил костюм и замер в нерешительности.

Словно почуяв его страх, прямо перед ним возникла маленькая девочка. Ее мама чуть подотстала. Несмотря

на невинный облик ребенка — желтое платьице, голубые очки и собранные в две косички волосы, — Дэнни ощутил легкий испуг. Девочка молча ждала его дальнейших действий. Жонглировать и играть на гитаре Дэнни не умел, да и кота, которого можно посадить на плечо, у него не было; поэтому он сделал единственное, что пришло в голову: помахал.

Девочка смотрела на него широко распахнутыми глазами — такими они казались из-за толстых стекол в очках, а вовсе не потому, что ее удивила странно пахнущая панда.

Идеи иссякли, а смущение лишь крепло; Дэнни снова помахал. Девочка обернулась к маме. Та улыбнулась, словно извиняясь, достала из сумки кошелек и протянула дочке немного денег.

— Это мне? — спросил Дэнни, когда девочка подошла ближе, сжимая пальцами монету в один фунт.

Но вместо того, чтобы отдать деньги ему, девочка, зачарованная видом мелочи в контейнере, быстро сгребла ее и сунула в карман; мама, все еще улыбаясь, безучастно наблюдала за происходящим.

— Эй! — воскликнул Дэнни, инстинктивно хватая девочку за руку.

Та закричала, да так громко, что несколько человек остановились и обернулись.

— Тамара! — завопила мать. — Убери от нее руки, извращенец!

Женщина подбежала и сгребла дочь в охапку.

— Она украла мои деньги! — заявил Дэнни.

— Плохой дядя меня потрогал! — выла девчонка.

— Я ее не трогал! — возмутился Дэнни, обращаясь к прохожим, один из которых уже снимал его на телефон. — Ну то есть трогал, но не в том смысле, — добавил он, изобразив в воздухе кавычки, чем только усугубил свое положение.

— Скажите спасибо, что я не вызвала полицию! — воскликнула мать.

— Это вы скажите спасибо, что полицию не вызвал я! — отозвался Дэнни, тыкая пальцем в мех на груди. — Я тут

пострадавший!

— Пострадавший! — фыркнула мамаша и указала на дочь. — Ей всего пять!

— Столько же было мальчику из «Омена»!

— Вы что, назвали мою дочь Антихристом?! — Женщина повернулась к парню с телефоном. — Вы это записали? Он назвал мою дочь Антихристом!

— Не могли бы вы перестать снимать? — попросил Дэнни.

— Ни за что, — бросил прохожий. — Я это на YouTube выложу.

— Что значит «Антихрист»? — пропищала девчонка.

— Ничего, милая, — ответила мать. — Идем подальше от плохого дяди.

Женщина гордо удалилась, уводя дочку за собой. Та обернулась на ходу и, буквально на мгновение перестав театрально всхлипывать, нагло ухмыльнулась Дэнни.

Тот поднял свой контейнер и вздохнул: не хватало больше половины денег. Однако точно посчитать Дэнни не успел: неизвестно откуда выскочивший маленький мальчик пнул его в голень. Контейнер упал, и монеты разлетелись во все стороны.

Дэнни схватился за ушибленную ногу и стал вприпрыжку собирать мелочь. Мальчик хихикнул и снова его пнул.

— Прекрати! — рявкнул Дэнни.

Он замахал стоявшему неподалеку огромному мужику в слишком тесном костюме. Но тот был слишком занят: отчитывал по телефону какого-то Дейва, называя его некомпетентным придурком, и не обращал на сына ни малейшего внимания.

Мальчик поднял двухфунтовую монету и поманил Дэнни.

— Отдай! — закричал тот.

Мальчишка помотал головой.

— Отдай. Сейчас же, — отчеканил Дэнни, стараясь изобразить строгого отца.

Пацан вроде бы пошел на попятный и протянул пухлую ладошку, но как только Дэнни попытался забрать монету, отдернул руку и опять заехал ему по голени, а затем, неистово

хохоча, убежал показать папе монетку, которую только что «нашел» на дорожке.

Дэнни устало опустился на четвереньки и стал шарить по земле в поисках мелочи. Он и не заметил, как к нему приблизились другие дети, пока их ботинки не оказались прямо у него перед носом.

— Ты кто? — спросили красные ботинки. Они принадлежали девочке не старше шести лет, прижимавшей к груди вислоухого зайца.

— Барсук, дурочка, — ответил ее брат с такими же рыжими волосами и веснушками, как у сестры.

— Не люблю барсуков, — заметила девочка.

— На самом деле я панда. — Дэнни поднялся на ноги и отряхнулся.

— Не люблю панд, — нахмурилась сестра.

— А ты знаешь кунг-фу? — спросил брат.

— Панды не знают кунг-фу.

— А Кунг-Фу Панда знает, — настаивал мальчик.

— Кунг-Фу Панда — ненастоящая панда, — покачал головой Дэнни.

— Ты тоже!

Тут нечего было возразить.

— Покажи кунг-фу! — велел брат.

— Да, покажи кунг-фу! — заныла сестра.

— Нет.

— Почему? — протянула девочка.

— Потому что не умеет, — заявил мальчик.

— Точно, — подтвердил Дэнни.

— Ты худшая панда на свете!

— Ладно. Понял. Смотрите. — Дэнни изобразил несколько жалких ударов из карате. — Довольны?

— Фигня, — бросил брат.

— Фигня! — повторила сестра.

Мальчик указал на другую сторону парка.

— Там волшебник творит магию.

— Ну и молодец, — ответил Дэнни.

— Заставь меня исчезнуть! — потребовала девочка.

— Да если бы я мог.

— А жонглировать умеешь? — не унимался мальчик. — Там парень жонглировал.

— Да, пожонглируй!

— Слушайте. — Дэнни показал им монету. — Вот пятьдесят пенсов. Берите и уходите.

— Пятьдесят пенсов каждому? — уточнил мальчик.

— Хочу фунт! — заявила девочка.

Вздыхнув, Дэнни потряс коробку, словно пытался намыть золота.

— Вот. Два фунта. Один тебе и один тебе. А теперь, пожалуйста, уходите.

Дети выхватили деньги и убежали, на ходу споря, чья монета больше.

Дэнни опустился на ближайшую лавочку и закрыл лицо руками. Неизвестно, сколько он так просидел, пока вдруг не раздался скрип дерева: кто-то устроился рядом. Подняв голову, Дэнни увидел уличного музыканта с котом на плече и папироской в руке. На животном был стильный фиолетовый кардиган, тогда как на самом артисте — потрепанный твидовый пиджак, сбившаяся на бок бабочка, розовые вельветовые штаны и невысокий цилиндр с голубиным пером. Гитарист немного напоминал пугало, только из карманов торчала не солома, а табак для самокруток.

— Как ты заставил его так сидеть? — Дэнни кивнул в сторону кота.

— Милтона? — переспросил музыкант, не отрывая взгляда от самокрутки. — Он сам туда залезает. Притворяется, будто ему нравится вид, но я-то знаю: он просто наслаждается чувством собственного превосходства.

Он протянул Дэнни ладонь.

— Тим, — представился музыкант.

— Дэнни.

— Первый день? — спросил Тим, пожимая ему руку.

— Скорее последний.

— Все так плохо?

— Ну смотри: меня обозвали извращенцем, несколько раз пнули, у меня меньше денег, чем было, когда я начал, а начал я двадцать минут назад.

— Очень похоже на мой первый день, — вздохнул Тим.

— Серьезно?

— Ага. Ну извращенцем меня не обзывали. Но я слышал много других обидных слов. Бомж. Студентишка. Мудикантик, что бы это ни значило.

Он лизнул палец и постучал по сигарете, чтобы горела ровно.

— Погоди-ка, а почему тебя обозвали извращенцем?

— Я схватил маленькую девочку. — Дэнни пожал плечами. — Подумаешь.

Тим ответил не сразу.

— Понятно.

— Да не в том смысле! — спохватился Дэнни. — Она стащила у меня деньги, я поймал ее за руку, а все раздули из мухи слона.

— С такими вещами надо быть поосторожнее. Можно и лицензию потерять.

— Лицензию?

— Лицензию уличного артиста, — пояснил Тим. Дэнни нахмурился. — У тебя же есть лицензия? Так ведь?

— Естественно.

— Нет у тебя никакой лицензии, да?

— Нету.

— Тогда лучше обзаведись ею, пока копы не заявились. Они обожают ловить незаконных уличных артистов. Для них мы немногим лучше попрошаек.

— Разве есть разница?

— Слушай, получи-ка ты лицензию. Без нее ты просто чужак в костюме.

— А с ней?

— Чужак в костюме, но с лицензией, — пожал плечами Тим.

— Это долго?

— Недель пять-шесть.

— Пять-шесть недель! — ахнул Дэнни.

— Месяц, если повезет.

— Я не могу ждать так долго.

— Выбора у тебя особо нет, — заметил Тим. — Ну разве что ты знаешь кого-нибудь, кто может достать поддельную лицензию.

Он выпустил колечко дыма размером больше пончика. Милтон проводил его таким взглядом, будто хотел съесть.

— Куда ты так торопишься?

— Я уже два месяца не плачу за квартиру, и, если не отдам долг в ближайшие шесть недель, мой домовладелец — а я начинаю думать, что он дьявол во плоти или по крайней мере его близкий родственник, — отметелит меня и выселит нас.

— Вас?

— Нас с сыном.

— И ты решил стать... — Тим указал на костюм Дэнни, но не сумел подобрать нужных слов.

— Пандой.

— Точно, — кивнул Тим, хотя явно сомневался. — И ты хотел решить проблему, нарядившись пандой?

— Нет, я хотел решить проблему, вкалывая на стройке сверхурочно. Но меня уволили, и тогда я попытался найти новую работу. Но не смог. А потом увидел, сколько вы, ребята, зарабатываете, и подумал: к черту все, терять-то мне нечего!

— Некоторые артисты неплохо зарабатывают, но — с помощью таланта и трудолюбия. Если хочешь преуспеть, нужно хорошее шоу.

— Шоу?

— Ну да. Что ты умеешь делать?

— А этого недостаточно? — Дэнни указал на свой костюм.

— Ага, достаточно, чтобы тебя выселили. Ты умеешь играть?

— Например, в бадминтон? — уточнил Дэнни.

— Я имел в виду музыкальные инструменты.

— А, тогда нет.

— Танцуешь?

— Примерно так же, как и владею кунг-фу.

— Ты владеешь кунг-фу?

— Не-а.

— Тогда заведи кота, — посоветовал Том. — Мой приятель так и притягивает деньги. Все его обожают. Ну, кроме Эль-Магнифико. Ему кот не очень нравится.

— Эль-Магнифико? — не понял Дэнни.

Тим указал на фокусника.

— Вон тот парень. Редкостный чудак. Считает себя настоящим волшебником, вроде Гэндальфа какого-нибудь. На прошлой неделе пытался поджечь Милтона.

— Каким образом? — удивился Дэнни.

— Силой мысли. — Тим постучал по виску. — На твоём месте я бы держался от него подальше. В голове у него больше тараканов, чем в грязном чулане.

— Спасибо, что предупредил.

— Не за что. Возьми себя в руки. И придумай шоу.

Тим отбросил сигарету щелчком пальцев.

— И последнее, — добавил он, вставая. — Никогда не оставляй вещи без присмотра. Тут народ такой — всё сопрут, и глазом не успеешь моргнуть.

— Понял, — кивнул Дэнни. — Еще раз спасибо.

Он проводил музыканта взглядом, снова удивляясь тому, как спокойно сидит у него на плече кот, а потом вдруг вспомнил про оставленную в сторонке одежду. Подскочив, он бросился туда, где ее положил, но было слишком поздно. Сумка пропала.

Глава 9

Как-то раз Дэнни наблюдал такую картину: мужчина лет шестидесяти проскакал на «кузнечике» по всей Риджент-стрит в одних мешковатых трусах, опасно сползавших по мере приближения к площади Пикадилли. Его видели тысячи людей, но никто не задерживал на нем взгляд. Дэнни это очень нравилось в жителях Лондона. Их не могла смутить никакая странность — наоборот: чем чуднее, тем меньше их это волновало. Во всяком случае так Дэнни думал. Но когда за ним закрылись двери и автобус тронулся, стало ясно: сложившийся у него в голове образ лондонцев был не вполне точен.

Дэнни старался вести себя нормально — насколько это возможно, когда едешь в общественном транспорте в костюме панды. Однако поддерживать иллюзию нормальности мешали другие пассажиры, особенно подростки, снимавшие его на телефон, и одетая в непомерно огромный пуховик старушка, которая уставилась на Дэнни, как только он сел. Может быть, стоило снять маску — из-за нее он потел, а главное, чувствовал себя совсем глупо. Но из опасения, что его узнает кто-нибудь со стройки (или, еще хуже, из школы Уилла), Дэнни оставил маску на месте и старательно игнорировал взгляды окружающих.

Кряхтя, автобус подъехал к остановке, и в салон зашла темноволосая девушка, высокая и достаточно стройная, чтобы протискиваться через толпу, никому не мешая. Но она все равно всем мешала: отпихивала на своем пути даже тех, кто не перегораживал проход. Ее здоровенные серьги были крупнее, чем петли, висевшие на поручнях автобуса, а жвачку она жевала так громко, что Дэнни услышал ее гораздо раньше, чем почувствовал удар по голове.

— Осторожнее, — бросил Дэнни.

— Что? — Девушка уселась напротив. Ее и без того крошечная мини-юбка задралась еще выше.

— Вы стукнули меня сумочкой по голове.

— Ну и? Ты стукнул головой по моей сумочке, а я не возмущаюсь!

— У вас там кирпич, что ли? — спросил Дэнни, потирая голову.

— Кастеты, — буркнула она. — Хочешь взглянуть?

Дэнни изучал ее пальцы с кислотно-розовыми ногтями. Их украшало столько колец, что он засомневался, нужны ли этой дамочке кастеты. На зажатом в руке мобильнике стразами было выложено имя — «Кристалль».

Дэнни покачал головой и посмотрел в окно. Компания подростков смеялась над ним и показывала неприличные жесты. Он уставился в пол, пытаясь подсчитать, сколько остановок осталось проехать.

— А почему ты в костюме скунса? — поинтересовалась Кристалль.

Дэнни промолчал, надеясь, что она отстанет. Не сработало.

— Эй, скунс! Вонючка. Скунсище. Скунсерино. Скунсотрон. Скунс-навозник.

— Я не скунс, — вздохнул он.

— Нет? — удивилась Кристалль, принюхиваясь. — А пахнешь прямо как скунс.

— Вовсе нет, — возразил Дэнни, хотя не сомневался в ее правоте.

— Да! Воняешь, как носок со вчерашней блевотиной.

— Запах скунсов ничего общего с этим не имеет, — возразил Дэнни, вспомнив рассказ Мо: струя, которую выпускает скунс, на самом деле бьет в нос жуткой смесью горящих шин и гнилого лука. Он хотел было поделиться этим с Кристалль, но передумал.

— Зато ты пахнешь именно так, — скривилась та.

— Сказал же, я не скунс.

— А кто тогда? Хорек с чесоткой?

— Нет.

— Крыса с Эболой?

— Опять не угадала.

— Есть идеи? — Кристаль повернулась к сидевшей рядом старушке в пуховике.

— Извращенец, — выдала та, злобно глядя на Дэнни.

— Думаю, вы правы, — согласилась Кристаль.

— Я панда, ясно? Это костюм панды. Панды! Понятно? Супер.

Кристаль расхохоталась так, что жвачка вылетела у нее изо рта и маленьким серым завитком повисла на костюме Дэнни.

— Панда! — выпалила девушка. — Умора, блин!

— Я серьезно! — Дэнни разглядывал резиновое месиво, накрепко прилипшее к его меху.

— Не двигайся. — Кристаль навела на Дэнни телефон, пытаясь держать его ровно, несмотря на приступы смеха. Она сделала фото, посмотрела на результат и снова расхохоталась.

— Не вижу здесь ничего смешного.

— Тихо! — шикнула девица, бормоча что-то себе под нос, пока пальцы летали по экрану. — «Только гляньте на этого жалкого придурка лол неудивительно, что панды вымирают лол кто будет спать с таким лол хештег лох хештег извращенец».

Автобус начал тормозить, и Кристаль встала.

— Дайте хотя бы салфетку, — попросил Дэнни.

— Держи. — Она бросила ему пачку бумажных платочков, которые достала из сумки. — До скорого, мармеладный мишка. Понял? Мармеладный мишка!

— Оборжаться, — пробормотал Дэнни, пытаясь очистить мех салфеткой. Кристаль вышла на остановке, а старушка продолжила сверлить его злобным взглядом. — И я не извращенец.

***

Ивана открыла дверь и, завопив, тут же ее захлопнула.

Дэнни в полной растерянности стоял на лестничной клетке. Сообразив, что он все еще в маске панды, он потянулся ее снять, но в этот момент дверь распахнулась, и из квартиры вывалился Иван. Дэнни и пикнуть не успел, как здоровяк схватил его

за горло и прижал к стене, а Ивана принялась колотить его метлой.

— Стойте! — прохрипел Дэнни, пытаясь разжать пальцы Ивана. — Это я... Дэнни...

— Дэнни? — Иван чуть ослабил тиски на шее гостя.

— Дэнни? — Ивана тут же бросила метлу. — Почему ты оделся крысой?

— Да, почему? Ивана ненавидеть крыс!

— Это не крыса. — Дэнни снял маску и осторожно помассировал кадык. — Это панда.

— Я чуть тебе глаз не подбить, как панде. — Иван потряс кулаком у него перед носом. — Заходи, пока соседи не увидели. — Иван пропустил Дэнни в квартиру, которая была категорически мала для человека его габаритов. Хотя рядом с таким великаном все казалось категорически маленьким, даже вещи вроде автоматов с едой, холодильников и некоторых автомобилей.

Дэнни устроился среди вышитых вручную подушек, разбросанных по всему дивану. Иван опустился в старое кресло, обложенное кружевными салфеточками, и уставился на Дэнни так, словно хотел сообщить ему ужасную новость, но не мог подобрать слова.

— Что ж, — начал он, указывая на костюм панды. — Именно это англичане называют «нервным срывом».

— Нет, англичане называют это не «нервным срывом», а «антрепренерством».

— Это не французское слово?

— Хорошо, французы называют это «антрепренерством».

— Значит, «антрепренерство» — это нервный срыв по-французски?

— Нет.

— Я запутался.

— Слушай, нет у меня нервного срыва, ясно? — Дэнни рассеянно соскребал остатки засохшей жвачки с живота. — Теперь это моя работа.

— Люди платят за то, что ты одеваться как идиот?

— Этот идиот спас тебе жизнь! — прокричала Ивана с кухни.

— Он не спасал мне жизнь! — взвился Иван, после чего разразился длинной тирадой на украинском. — Ты не спасал мне жизнь, — повторил он, повернувшись к Дэнни.

— Я такого и не говорил.

— Хорошо. Потому что ты не спасал.

— Как скажешь. — Дэнни изо всех сил пытался сохранять серьезный вид.

— Значит, тебе платят за то, чтобы ты одеваться пандой? — последнее слово Иван выделил, чтобы жена слышала.

— Пока нет, — покачал головой Дэнни. — Но будут. Понимаешь, пару дней назад я был в парке «Веранда». Ну знаешь, где всякие артисты выступают? Музыканты, фокусники, танцоры и все прочие? В общем, я видел, как они там зарабатывают, — старик, да они деньги лопатой гребут, даже самые бездарные. Вот я и подумал: блин, я тоже так могу! Сегодня был мой первый день.

— И как прошло?

— Ну смотри. — Дэнни принялся загибать пальцы. — Меня обокрали дети, одежду стащили, на просторах интернета есть видео, где я называю маленькую девочку Антихристом, женщина в автобусе плюнула в меня жвачкой, гигантский украинец чуть меня не придушил, а потом меня поколотили метлой. Короче, день как день.

— Извини.

— Извини, Дэнни! — прокричала Ивана с кухни.

— Я все прощу, если вы одолжите мне какую-нибудь одежду. Нельзя, чтобы Уилл меня таким увидел.

— Он не знает, что ты теперь панда? — удивился Иван.

Дэнни покачал головой.

— Он думает, я до сих пор работаю на стройке. Не хочу его тревожить.

— Своим психическим расстройством? — Иван постучал по виску.

— Нет, нашими финансовыми проблемами. Мне нечем заплатить за квартиру, а наш домовладелец — не самый

отзывчивый человек на свете.

— Я тебе сказать: нужны деньги — я найди тебе работу. Я знаю много людей.

— Кстати, у тебя нет кого-нибудь, кто может достать поддельные документы?

— Конечно. Что тебе нужно? Права? Паспорт? Карта постоянного покупателя «Сейнсбери»⁴?

— Лицензия уличного артиста.

— Чтобы быть пандой, нужна лицензия?

— Не спрашивай. Можешь такую достать?

— Позвоню кое-кому, — пожал плечами Иван.

— Круто. Спасибо, Иван. Ты спас мне жизнь.

Иван поморщился.

— Извини. Щекотливая тема.

Тут Дэнни чихнул и вытащил платок из пачки, которую швырнула в него Кристаль.

— Откуда у тебя серветка из стрип-клуба? — вытаращил глаза Иван.

— Что? — пробормотал Дэнни, вытирая нос.

— «У Фэнни». — Иван указал на салфетку в руках у Дэнни. — Это стрип-клуб. В Шордиче.

Ивана высунулась из кухни и пристально посмотрела на мужа; тот, казалось, сжался под ее взглядом.

Дэнни уставился на салфетку. На ней розовыми буквами было выведено «У Фэнни».

— Долгая история, — бросил Дэнни. Иван усмехнулся. — И это не то, что ты подумал.

— Что? Я ничего не подумал.

— Тогда прекрати так улыбаться!

— Как?

— Слушай, просто дай мне одежду, ладно?

По-прежнему ухмыляясь, Иван поднялся с кресла и исчез в коридоре.

Дэнни направился на кухню, где Ивана нарезала овощи.

— Пирог был просто восхитительный, — сказал он ей с порога. — Мне пришлось буквально прятать его: Уилл мигом съел бы все до последней крошки.

Женщина отложила нож и вытерла руки о фартук.

— Как он? — спросила она, облокотившись о кухонный стол.

— Если бы я знал, — вздохнул Дэнни.

— А ты? Ты как?

— По-моему, тут все очевидно. — Дэнни указал на свой костюм. Оба засмеялись, но улыбки быстро сошли с лиц.

Иван вернулся с парой армейских штанов и футболкой с птицами из Angry Birds.

— Держи. — Он протянул все это Дэнни.

— Это вещи Юрия?

— Конечно, — кивнул Иван.

— Ему же двенадцать. Иван, я не могу носить одежду двенадцатилетнего пацана!

— Ты правда думать, что моя будет тебе как раз?

Дэнни со вздохом расстегнул костюм панды, оставив его болтаться на талии, и натянул футболку поверх нижней рубашки.

— А вообще, — он помахал руками, показывая, как болтается футболка, — нет ли каких-нибудь вещей, из которых Юрий уже вырос?

***

Уилл пришел домой всего на несколько минут позже Дэнни. Тот только успел сменить футболку с Angry Birds на собственную, когда услышал, как открылась и закрылась входная дверь.

— Привет, приятель! — воскликнул Дэнни, высунувшись из спальни. Уилл и Мо как раз появились в гостиной. — Ой, привет, Мо.

— Здравствуйте, мистер Малули. Как работа?

— Работа? — не понял Дэнни: со дня увольнения никто не задавал ему этого вопроса. — Ах да, работа! На стройке. Где я работаю. Все здорово, спасибо. Ну не прям здорово...

нормально. Довольно тухло, если вдуматься. Постоянно копаю, ношу всякое и... Ты останешься на ужин? Мы будем очень рады.

— Спасибо, мистер Малули, но, если вы не против, мы с Уиллом пойдем ужинать ко мне. Только пару игр возьмем.

— Ясно, — отозвался Дэнни.

Он испытал облегчение, потому что в холодильнике осталась только банка фасоли и несколько картофельных вафель, но почувствовал и укол разочарования: вечер предстояло провести без Уилла. Пусть они с сыном почти не разговаривали, но тихий ужин вдвоем все равно был главной радостью его дня.

Уилл запихнул в рюкзак несколько видеоигр и подтолкнул Мо к двери.

— До свидания, мистер Малули.

— Пока, Мо. Развлекайся, Уилл.

Дэнни провожал их взглядом, пока дети не скрылись из виду. Уилл так и не обернулся.

***

Закинув костюм панды в стиральную машинку, Дэнни щедро налил туда геля и выбрал адский трехчасовой режим: Лиз использовала его редко, когда Уилл был помладше и с наслаждением катался в такой грязи, в которую даже собаки не рискнули бы сунуться. По окончании цикла Дэнни с опаской понюхал костюм. Стало чуть лучше, но пах он, наверное, так же, как дикий медведь после спячки. Дэнни принялся поливать мех освежителем воздуха, пока не онемел палец, а затем стал искать, куда спрятать костюм. Вешать его в гардероб было нельзя — иначе провоняла бы остальная одежда. Вместо этого Дэнни водрузил костюм на распахнутую створку шкафа, так что груда меха оказалась в узком пространстве между дверцей и стеной, возле открытого окна.

Вконец измотанный после такого долгого и насыщенного дня, Дэнни упал в кресло и медленно потер лицо. Почувствовав, что за ним наблюдают, он повернулся к Лиз, глядевшей на него с фотографии на кофейном столике. Дэнни улыбнулся в ответ.

— Господи, Лиз, что я творю?

Глава 10

Дэнни не хотелось без лицензии возвращаться в парк, где его ждали разгневанные родители и их пинающиеся злобные гномы, поэтому на следующий день он остался дома.

Вдохновленный разговором с Тимом, он решил набросать список вещей, за которые ему могли бы платить. Десять минут спустя лист все еще оставался девственно чистым. Тогда Дэнни принялся составлять перечень того, что делать не умел.

Он не владел музыкальными инструментами, это точно. Времени учиться тоже не было. Он мог бы, пожалуй, освоить треугольник, на котором немного играл в школьном оркестре, — пока учитель не рассудил, что это слишком хорошо для Дэнни, и не вручил ему игрушечную свистульку. Но даже если он был мастером игры на треугольнике, Моцартом металла и ударником-виртуозом, он сильно сомневался, соберет ли толпу панда, стучащая по согнутому кусочку прута на веревочке, как бы круто она это ни делала.

Дэнни ничего не знал и о фокусах, хотя его отец провернул трюк с исчезновением покруче Дэвида Копперфилда. Но, как и любой уважающий себя иллюзионист, он не раскрыл секрета и не вернулся выступить на бис. Что касается жонглирования, то Дэнни и бабочку не мог поймать, не говоря уже о кеглях, теннисных мячиках, огромных орехах или какие там еще предметы люди подбрасывали и ловили забавы ради. Однако и это удавалось ему лучше, чем танцы — слово, которое он дважды подчеркнул и сопровождал несколькими восклицательными знаками.

Они с Лиз были во многом похожи. Оба спали в носках; обоим нравилась паста «Мармайт»⁵; оба наизусть знали песню из заставки ситкома «Принц из Беверли-Хиллз»; оба с радостью пригласили бы Пирса Моргана⁶ на званый ужин, чтобы отравить; но в вопросе танцев они были как небо и земля. Лиз могла танцевать под любую музыку. Поп. Классику. Панк. Транс.

Регги. Кантри. Даже под построк, хотя Дэнни считал это чем-то из области фантастики. Мама Лиз говорила, что дочь научилась танцевать раньше, чем ходить: так естественно она двигалась. Ее с ранних лет отдали в балетную школу, но четкие границы пришлись Лиз не по нраву. Ей не хватало терпения и дисциплинированности, чтобы танцевать по чужим правилам. Чем больше правил, тем меньше веселья, а если нет веселья — это уже не танцы, а выступление. Этого Лиз совершенно не хотела, а потому забросила занятия и устроилась в местную начальную школу помощницей учителя на полставки. В глубине души Дэнни уважал это решение, хотя и знал, какой редкий и яркий дар она загубила.

Он понял, как талантлива Лиз, впервые встретив ее. Их общая подруга Кэти, которая в итоге вышла замуж за удивительно несимпатичного тучного мужчину, умудрившегося, несмотря на свои недостатки, завести как минимум три интрижки, пригласила Лиз на школьную дискотеку. Тот вечер надолго запомнился всем присутствовавшим уже потому, что кто-то и впрямь танцевал. Подростки ходили на дискотеки не ради танцев, а затем, чтобы кого-нибудь облапать, попытаться облапать или хотя бы сделать вид, будто лапают, а потом растрезвонить об этом одноклассникам. Танцпол для всех был как чудаковатый дядюшка на дне рождения: без него не обходится ни один праздник, но все старательно его избегают. Все, кроме Лиз, естественно. Пока другие копошились в темноте или притворялись захмелевшими с одного глотка принесенного кем-то коктейля «Бакарди Бризер», Лиз зажигала на танцполе к вящей радости диджея, чей труд иначе остался бы напрасным. Когда же музыка стихла и учителя отправили детей по домам, чтобы наконец повеселиться самим, Лиз, Дэнни и их друг Стью пошли к Кэти: ее родители уехали на все выходные. Четверо подростков выпили найденную в дальнем углу бара бутылку анисового бренди. В результате Кэти уснула, упав лицом в клумбу; Стью наутро обнаружил в кармане два своих зуба; а Дэнни и Лиз проснулись вместе — в обнимку и полностью

одетые. Они не помнили, как так вышло, но совершенно не хотели отпускать друг друга.

Насколько естественно на танцполе смотрелась его покойная жена, настолько противоестественно — сам Дэнни. У него была всего одна проблема: отсутствие чувства ритма. Он слышал мелодию и мог качать головой в такт, но стоило подключить другие конечности, как все шло наперекосяк. Руки и ноги выходили из-под контроля — беспорядочно били и хлестали воздух. Они не следовали музыке и не слушались даже Дэнни, а подчинялись одному лишь богу дрянных танцев — безжалостной сущности, задобрить которую можно было единственным способом: публично принеся в жертву собственное достоинство. Короче говоря, на танцпол Дэнни ступил бы только в том случае, если бы все вокруг было объято огнем.

Но чем дольше он размышлял, тем отчетливее понимал: нравится ему это или нет (конечно, нет!), танцы были лучшим вариантом. В отличие от музыкантов, фокусников и других артистов, танцорам для номера не нужен был специальный инвентарь: только проигрыватель (а он имелся) и ноги (тоже, по крайней мере, на ближайшие полтора месяца). Осторожно потирая синяк на голени, Дэнни логично рассудил, что детям будет куда сложнее попасть по движущейся цели, чем, например, по гитаристу, миму или тому глупцу или храбрецу, который решится работать живой статуей.

Он уставился на написанное слово — «танцы» — и поежился от одного его вида. Но затем вспомнил молоток мистера Дента, и по телу пробежала настоящая судорога — такое бывает, когда ярлычок футболки случайно касается шеи и в первое мгновение кажется, что это был паук.

Зазвонил телефон; Дэнни, все еще дрожа, взял трубку.

— Какая ты панда? — спросил Иван.

— Что? — не понял Дэнни.

— Панда, — повторил украинец, — какая ты панда?

— Китайская, наверное. Не знаю. А бывают какие-то другие?

— Для лицензии, — уточнил Иван. — Кажется, я найти человека, чтобы тебе помочь, но ему надо знать, какая ты панда. Ты петь? Танцевать? Играть на гармошке? Что?

Дэнни уставился на блокнот у себя на коленях.

— Ну?

— Я танцую, — сказал он наконец. — Я танцующая панда.

Глава 11

Когда на следующий вечер позвонил Иван, Дэнни в одиночестве смотрел телевизор. Уилл попросил разрешения переночевать у Мо (точнее, просил-то Мо), и Дэнни нехотя согласился. Впрочем, позже он порадовался такому раскладу: Иван назначил встречу в полночь в Пекхэме. Кроме того, украинец предложил дать Дэнни тридцать фунтов займа — именно столько стоила лицензия, — но тот вежливо отказался: не хотел снова влезать в долги, даже если брать у друга. У него было немного денег, отложенных на самый крайний случай, но запас быстро таял. Почти все это осталось от Лиз — точнее, от родителей, даривших ей конверты с купюрами на каждый день рождения, Рождество и вообще по любому подвернувшемуся поводу. Лиз сердилась: она считала это — может, справедливо, а может, нет — язвительным намеком на то, что они не гребут деньги лопатой, и отказывалась их тратить. Однако сейчас, вынимая из оставшейся маленькой пачки три купюры и засовывая их в карман, Дэнни внезапно почувствовал благодарность за эти подарки.

***

Здание выглядело так, словно его постановили снести и даже приступили к исполнению приговора, но потом городской Совет передумал и помиловал этого хромого уродца. Иван прятался возле испсанного граффити подъезда, где некто по прозвищу Наггетс и, кажется, Ошеломляшка соревновались, кто изрисует больше свободных поверхностей. Ошеломляшка, похоже, выигрывал.

Иван выглядел обеспокоенным, и его волнение передалось Дэнни: если нервничал Иван, значит, точно было из-за чего.

— Все хорошо? — обратился к Ивану Дэнни.

— Деньги взял? — ответил тот вопросом на вопрос.

Дэнни показал ему купюры. Иван кивнул.

— Оружие взял? — спросил украинец.

— Оружие?

— Ну знаешь, бах-бах, вжик-вжик. — Иван сопровождал слова соответствующими жестами.

— Нет, Иван. Я не брал оружие. Ты ничего такого не говорил.

Украинец кивнул и посмотрел на часы.

— Мне кажется или ты что-то недоговариваешь?

— Все в порядке. Идти.

Зайдя в подъезд следом за Иваном, Дэнни оказался в тускло освещенном вестибюле. Там пахло как в туалете, где заканчивается освежитель воздуха. Иван нажал кнопку вызова, и лифт, к немалому изумлению Дэнни, заработал, но так стучал и лязгал, будто спускался на последнем издыхании.

— Может, лучше по лестнице?

— Иди, если хочешь, — процедил Иван. Двери лифта со скрипом открылись. — Я ехать.

Дэнни уставился в темноту лестничного пролета. Там царил такой мрак, что можно было разглядеть только первые пять ступенек и валявшуюся на них кучу тряпья, которая при ближайшем рассмотрении оказалась человеком. Дэнни не понял, дышит тот или нет, и все же выбрал лифт.

— А этот тип, к которому мы едем... Откуда ты его знаешь?

— Я и не знаю, — буркнул Иван. — Мой друг — он знает. Ну, друг сестры друга. Он однажды имеет бизнес с Акулой, говорит — хорошие услуги.

— Его правда зовут Акула?

— Ну, это не настоящее имя. Так его зовут люди.

— Спасибо за пояснение, — ухмыльнулся Дэнни. — Почему люди зовут его Акулой?

— Он любить воду? Не знаю. Почему еще его могут звать Акулой?

— Потому что дает в долг под безумные проценты? Или ест людей? Потому что он безжалостный хищник со стеклянным взглядом?

Иван на секунду задумался.

— Верно подмечено, — кивнул он.

Лифт резко качнулся. Дэнни схватил Ивана за руку и тут же отпустил, когда понял, что насмерть они не разобьются.

— Они были похожи на настоящие?

— Кто?

— Документы, которые купил друг сестры друга. Кстати, это был паспорт? Или права?

— Динамит, — ответил Иван.

— Динамит?!

— Не то слово. Не динамит.

— Слава богу, — выдохнул Дэнни.

— Ручную бомбу. Знаешь, когда вытягиваешь такую штуковину и бросаешь?

— Гранату?

— Гранату, — кивнул Иван. — Он купить гранату. Советскую «лимонку». Хорошая штука.

— Иван, что за черт?! Я думал, этот тип продает поддельные документы!

— Он много чего продавать, — улыбнулся Иван. — Такая работа.

Лифт замер, и двери разъехались в стороны. Дэнни старался не отставать от Ивана, пока они шагали по длинному грязному коридору к единственной двери, из-под которой пробивался свет. Иван постучал шесть раз: сначала три удара, потом два и еще один. Внутри квартиры звякнула цепочка, щелкнул замок, и показался одетый в черную кожаную куртку кряжистый мужчина с залезанными волосами и густыми усами.

— Мы искать Акулу, — сказал Иван.

Мужчина смерил его взглядом и что-то проворчал, а затем так же с головы до ног осмотрел Дэнни. С пугающей тщательностью обыскав обоих, он снова что-то пробурчал, отступил в сторону и жестом велел им заходить.

В квартире не было ровным счетом ничего полезного или ценного. Гниющие доски пола не застелили коврами, из пустых проемов тянулись ржавые петли, с потолков свисали оголенные провода. Даже окна отсутствовали: рамы либо затянули черными мешками для мусора, либо закрыли отсыревшим

картоном. Остались только стол и кресло, где сидел человек с полным золотых зубов ртом. Левый глаз у него слегка косил вправо.

— Танцующий медведь! — Акула говорил с непонятным акцентом: что-то к северу от Манчестера, но к югу от Ньюкасла. Он поднялся и приветственно раскинул руки в стороны.

Дэнни жутко волновался: он понятия не имел, как правильно вести себя при встрече с воротилами преступного мира, и счел необходимым обнять Акулу — что и сделал, к изрядному удивлению последнего и ужасу Ивана.

— Итак. — Хозяин неловко поправил пиджак, опустился в кресло и жестом велел гостям сесть, хотя в комнате больше не было мебели. — Сколько вам нужно, господа?

— Сколько? — Дэнни бросил взгляд на Ивана, но тот пожал плечами. — Только одну, если можно.

— Только одну, если можно, — повторил Акула, пытаюсь передразнить Дэнни, но вышло похоже на Дика ван Дайка⁷, изображающего плохую пародию на Дика ван Дайка. Хозяин вытащил из ящика стола пластиковый пакет с застежкой и положил перед собой. — Вуаля.

— Что это? — спросил Дэнни с нервным смешком.

— Что это? — снова передразнив Дэнни, Акула бросил на своего приятеля взгляд, словно говоривший: «Ты только посмотри на этого парня». — То, что вы просили.

Дэнни повернулся к Ивану, надеясь на какое-то объяснение, но тот тоже казался сбитым с толку.

Акула вытащил из пакета горсть таблеток, закинул одну в рот, а остальные протянул Дэнни.

— Вот. Попробуйте, — подмигнул он Дэнни косящим глазом.

— Не стоит, правда.

— Это хороший продукт. Даю слово.

— Спасибо, но...

— Давай.

— Я...

Акула достал из кармана электрошокер и положил на стол.

—...совсем не против! — закончил Дэнни. Он схватил таблетку с протянутой руки и, морщась, проглотил, ощутив болезненную сухость в горле. Иван сделал то же самое.

Акула ответил им стальной ухмылкой, одним жадным движением отправил в рот оставшиеся таблетки — штук шесть или семь — и вдруг дернулся, схватившись за грудь. Дэнни решил было, что это сердечный приступ, но пока силился вспомнить уроки по оказанию первой помощи (в ритме какой песенки надо делать массаж сердца? и как правильно: на пятнадцать нажатий — два вдоха или пятнадцать вдохов на два нажатия?) и решить, этично ли вообще спасать того, кто торгует наркотиками и иногда гранатами, Акула сунул руку в карман и вытащил вибрирующий мобильник. Пока он разговаривал с каким-то Родни, Дэнни попытался общаться с Иваном с помощью брошенных украдкой взглядов.

«Что мы только что приняли?!» — спросил взгляд Дэнни.

«Что?» — ответил взгляд Ивана.

«Я чувствую себя странно. У меня покалывает пальцы. У тебя покалывает пальцы? У меня покалывает пальцы!»

«Почему ты так на меня смотришь?»

«У меня начинается припадок? Да?»

«Нет, серьезно, перестань так на меня смотреть!»

«Кажется, нам пора уходить», — показал Дэнни бровями.

«Ты ведешь себя как безумный».

«Может, сбежим? А?»

«У тебя брови сами по себе двигаются, что ли?»

«Хотя у него электрошокер. Так что идея плохая».

«У меня покалывает пальцы. — Иван потер руку об руку. — У тебя покалывает?»

«Как думаешь, странно будет, если я станцую? Прямо сейчас?»

— Итак, — обернулся к ним Акула, положив трубку, — на чем мы остановились?

— Деньги, — ответил его спутник. Дэнни совсем забыл, что тот стоит у него за спиной.

— Послушайте, здесь, кажется, какая-то ошибка, — вмешался Дэнни, — мы пришли не за тем... что сейчас проглотили.

— Ошибка? — повторил Акула. Сверкнули золотые зубы, но его улыбка осталась холодной. — Какая ошибка? Вы просили танцующего медведя? Вот вам танцующий медведь, — он ткнул пальцем в пакет с таблетками. — Просили один килограмм — тут один килограмм.

И снова подтолкнул пакет, на этот раз более сердито.

— Видите ли... это я танцующий медведь. Я.

— Ты — танцующий медведь?!

— Да, — Дэнни раскачивался из стороны в сторону, сам не зная почему.

Акула постучал пальцами по столу, словно играл на маленьком барабанчике, и перевел взгляд на Ивана:

— Он прикалывается?

— Он танцующий медведь, — ответил Иван. Доски болезненно заскрипели под его весом, когда он начал двигаться в одному ему слышном ритме.

— Я уличный артист, — пояснил Дэнни, притоптывая и двигая бедрами так, словно исполнял шуплаттлер⁸. — Мне нужна лицензия.

— Для танцев, — добавил Иван и закружился, раскинув руки. — Ему нужна лицензия, чтобы танцевать!

— Лицензия, чтобы танцевать? — удивился Акула, качая головой. Пальцы забарабанили по столу еще активнее.

— Да! — ответил Дэнни. Он даже не подозревал, что способен выкидывать такие коленца. — Лицензия, чтобы танцевать!

— Но нам не нужна лицензия, чтобы танцевать! — Акула оттолкнулся от кресла и вскочил. — Смотрите!

Он замахал руками, как ветряная мельница, изобразил пинок в воздухе, а потом пристроился к ноге своего приятеля. Судя по смирению, отразившемуся у того на лице, это происходило уже не в первый и точно не в последний раз.

— Нет, не нужна! — В подтверждение своих слов Иван жестами показал большую рыбу, рыбку поменьше и картонные

коробки.

— Вам — нет! — воскликнул Дэнни, безуспешно пытаюсь изобразить лунную походку. — А мне — да!

— Нам — нет! — повторил Иван, приседая и выпрыгивая — видимо, это был гопак. — Ему — да!

— Вы можете? — Дэнни, сбросив куртку, вытирал пот со лба.

— Да! — Акула, щелкнув пальцами, принялся бегать на месте. — Помогу! Но сначала потанцуем!

— Мы уже танцуем! — отозвался Дэнни.

— Я никак не остановиться! — с ноткой паники в голосе добавил Иван.

— Сколько это обычно продолжается?! — взвыл Дэнни.

— Пока звучит музыка! — ответил Акула.

— Какая музыка? — удивился Иван.

— Вот именно!

***

Дэнни не знал, долго ли они танцевали с Акулой. Проснувшись утром, он не мог вспомнить, во сколько попал домой и как вообще добрался до квартиры, хотя, кажется, они с Иваном танцевали посреди Розенхайтского туннеля, а машины объезжали их. Он не был уверен, исполнит ли Акула его просьбу, но несколько дней спустя обнаружил в почтовом ящике конверт. Внутри, как и было обещано, лежала лицензия уличного артиста. И записка, прочитав которую Дэнни улыбнулся. Послание гласило: «Продолжай танцевать!»

Глава 12

Дэнни пнул свой контейнер — не настолько сильно, чтобы его опрокинуть, хотя очень хотелось, но достаточно, чтобы монеты внутри звякнули. Дэнни уставился на них, надеясь увидеть поднявшиеся со дна деньги покрупнее: два фунта, один, пятьдесят пенсов — словом, хоть что-нибудь серебряное; но видел только старую бронзовую мелочь.

Он сгреб свои гроши, пересчитал и записал итоговую сумму в блокнот.

— Фунт двенадцать, — пробормотал он.

Число выглядело грустно даже без знака минуса перед ним. Всего за первую официальную неделю работы выручка Дэнни составила 13,46 фунта, или 34 пенса в час — примерно столько же, сколько получали бездомные. И Дэнни не преувеличивал, а знал наверняка: именно так сказал ему настоящий бомж тем утром — без самодовольства, а с искренней жалостью.

Преыдущие семь дней Дэнни провел, дрыгаясь, расхаживая, спотыкаясь и потея под коллекцию музыкальных дисков Лиз, но пока сэкономил лишь на том, что каждый вечер возвращался домой пешком — целых четыре мили. Самый удачный день принес ему чуть больше семи фунтов — и то пятерку он просто нашел в парке. А самой большой толпой, которую ему удалось собрать, была группа по спортивной ходьбе, которая просто остановилась рядом с ним перевести дух, а потом, сверкая пятками, удалилась.

Причина его провала была проста: он не умел танцевать. Дэнни не владел даже очаровательно-дерьмовым стилем, заставлявшим окружающих вспоминать о родителях и тянуться за телефоном, чтобы позвонить им. Не получалось у него и «так ужасно, что даже смешно», чтобы подростки снимали его и выкладывали на YouTube — Дэнни почему-то находил это оскорбительным, учитывая, над какими странными вещами

смеялись в интернете. Кажется, забавным его считала только Кристаль: однажды она проходила через парк как раз тогда, когда Дэнни пытался изуродовать макарену.

Заметив у нее во рту жвачку, Дэнни испугался, что она снова в него плюнет, и танцевальными движениями уплыл из зоны поражения, притворяясь, будто не видит ее — однако это было весьма непросто, так как девушка стояла прямо перед ним. Чем дольше он танцевал, тем громче она смеялась, и чем громче она смеялась, тем больше он злился. В конце концов он просто выключил музыку, сложил руки на груди и стал ждать, когда Кристаль уйдет.

— Продолжай! — воскликнула она. — Это самое смешное, что я видела за сегодня!

— Видимо, ты утром не смотрелась в зеркало, — бросил Дэнни, все еще обиженный после их стычки в автобусе.

— Сказал человек в костюме барсучьего геморроя.

— Я тебе уже говорил, я панда.

— Да пофиг. Вызвать тебе скорую или как? — Она помахала у него перед носом телефоном.

— Зачем мне скорая?

— Стоп, хочешь сказать, это был не припадок?

— Очень смешно, — отозвался Дэнни. — Это называется «танцы». Просто чтоб ты знала.

— Нет, это называется «выставлять себя идиотом на публике». Просто чтоб ты знал.

— Ну, кажется, людям нравится.

— Уверен? — Кристаль уставилась на жалкие гроши у него в контейнере. — Как-то странно они это демонстрируют.

— Тогда покажи, как надо.

— Не хочу терять время.

— Просто ты не умеешь.

— Еще как умею!

— Докажи! — воскликнул Дэнни, срывая маску. Он впервые оказался с ней лицом к лицу.

— Что?..

Дэнни бросил ей маску и начал расстегивать спрятанную в меху молнию. После случая с украденной сумкой он поступал умнее и надевал под костюм спортивные штаны и футболку.

— Ставлю двадцать фунтов, что ты не заработаешь больше в ближайшие десять минут, — сказал он, швырнув костюм ей под ноги.

— За двадцать фунтов я это даже не надену, не говоря уже о том, чтобы танцевать. — Кристаль пнула костюм и попятилась, словно тот мог броситься на нее.

— Хорошо. Пятьдесят.

— У меня нет времени на такую ерунду. — Кристаль развернулась и двинулась прочь по дорожке.

— Так и думал. — Дэнни ухмыльнулся, наслаждаясь редкой победой. Он поднял костюм с травы и стряхнул с него окурки. Но не успел он снова одеться пандой, как Кристаль примчалась обратно.

— Сотня! — заявила она.

Дэнни улыбнулся.

— Идет.

Кристаль поставила сумочку на траву и очень осторожно влезла в костюм, словно так материал мог не коснуться ее кожи.

Опустившись на корточки рядом с магнитофоном, она выбрала диск из коллекции Лиз и включила, бормоча себе под нос, какое это старье и что единственные, кто до сих пор слушает диски, — Дэнни даже не пытался понять почему — это дорожные регулировщики, девственники и те, кто держит дома змей.

Выполнив несколько глубоких вдохов, как ныряльщик перед прыжком, Кристаль задержала дыхание, натянула маску и нажала «плей». Дэнни наблюдал со стороны, уверенный, что уже разбогател на сто фунтов. Но тут Кристаль начала танцевать, двигаясь под музыку так, словно всю жизнь, с тех пор как ее впервые показал ультразвук, слушала только эту песню, и улыбка быстро сошла с его лица. Вокруг тут же собралась толпа: прохожие замедляли шаг и останавливались посмотреть; в конце концов Дэнни пришлось расталкивать их,

чтобы видеть происходящее. Остальные артисты приостановили свои номера, когда зрители перетекли от них к танцующей в другом конце парка панды. Но даже с такого расстояния они отлично слышали вопли и аплодисменты, когда Кристаль сделала сальто назад и приземлилась на шпагат. Однако громче всех радовался Дэнни: его контейнер на глазах наполнялся деньгами.

Песня кончилась; Кристаль поклонилась, а затем, сорвав маску, бросила ее Дэнни под ноги.

— Это было невероятно! — воскликнул он, когда толпа начала рассасываться.

— Знаю. Плати.

— Где ты научилась так танцевать?

— Я танцовщица. Плати.

— Можешь меня научить?

— Не буду я тебя учить! — Девушка выбралась из костюма и швырнула его Дэнни.

— Пожалуйста. Я недавно потерял работу, и мне очень...

— У-у-у! Плати.

— Домовладелец меня убьет в прямом смысле, если я...

— Класс. Но сначала заплати, — повторила она, тыкая пальцем Дэнни в грудь.

— Не могу. — Он поднял костюм и стал натягивать на себя.

— Что?!

— У меня нет денег.

— Но мы договорились!

— Знаю, — отозвался Дэнни, застегиваясь. — Извини, правда. Но если ты меня научишь...

— Тогда я заберу это, — Кристаль высыпала содержимое контейнера себе в сумочку. — Козел.

Она повернулась уходить — и врезалась прямо в Эль-Магнифико. По обе стороны от него стояли белка-жонглер и цыпленок-брейкдансер, изо всех сил пытавшиеся выглядеть угрожающе.

До сих пор по совету Тима Дэнни держался от фокусника подальше. Теперь же он смог как следует разглядеть

конкурента: они были почти ровесниками, но у Эль-Магнифико оказалось меньше щетины, больше волос и однозначно больше подводки — не только на глазах, но и на верхней губе, где красовались тонкие нарисованные усики. У него было лицо французского официанта, чьи рекомендации по подбору вин только что проигнорировали.

— Так-так-так, — протянул Эль-Магнифико. — Неужели Кристина собственной персоной?

— Так-так-так, — передразнила его Кристаль. — Эль-Козлифико собственной персоной.

— Я же говорил не называть меня так!

— А я говорила, засунь свою сосиску в тостер, — бросила девушка.

— А ты совсем не изменилась, — вздохнул Эль-Магнифико.

— Ты ходишь в моем халате! — Она указала на костюм фокусника. — Так и знала, что это ты его спер!

— Он не твой, — возмутился Эль-Магнифико. — И это не халат, а мантия волшебника!

— Нет, халат! Поправка: женский халат, и к тому же мой!

— Опять начинается, — закатил глаза маг.

— Этот придурок спер мой халат, — пожаловалась Кристаль, повернувшись к Дэнни.

— Ничего я не спер, Кристина! Мне его мама купила!

— С чего вдруг мама купила тебе женский халат?

— Черт возьми, это не женский халат! Это, блин, мантия! Так одеваются фокусники!

— Дэвид Блейн нет, — возразила Кристаль.

— Он иллюзионист! — отчеканил Эль-Магнифико. — У них совершенно другой дресс-код!

— Как насчет Ури Геллера?

— Я похож на человека, который гнет ложки?! — возмутился маг. — Впрочем, нет, не отвечай.

— Пол Дэниэлс так не одевался, — вставил Дэнни.

— Прошу прощения, а ты вообще кто? — нахмурился фокусник. — Ах да, точно! Новичок. Кажется, тебя тут на днях

обокрали. Очень сочувствую. В наши дни никому нельзя доверять.

Фокусник испустил виноватый смешок; белка и цыпленок тоже. Дэнни прищурился.

— Ладно, мне пора бежать. Рад был увидеться, Кристина. А тебе, хорек...

— Я панда.

— Удачи, панда. Судя по тому, как ты танцуешь, она тебе понадобится. Пуф! — Он швырнул на землю дымовую бомбу и скрылся в облаке, которое явно казалось ему непроницаемым. Кажется, он не понял, что его по-прежнему видно. Белка и цыпленок убежали следом.

— Ну и козел, — бросила Кристаль, провожая его взглядом.

— Так вы с ним?..

— Заткнись.

— Извини, — Дэнни попытался сдержать улыбку. — Слушай, что-то у нас с тобой не задалось: будто не с той ноги встали. Начнем с начала?

— Ничего удивительного, приятель. — Кристаль двинулась в противоположную от Эль-Магнифико сторону. — У тебя обе ноги левые.

— Так научи меня танцевать! — крикнул Дэнни.

Кристаль даже не остановилась.

— Урок первый. — Развернувшись прямо на ходу, она показала ему средний палец. — Вращение!

Дэнни вздохнул и устался на маску у себя в руках.

— Похоже, остались только мы с тобой. — С этими словами он натянул ее на голову и вставил в проигрыватель новый диск.

Дэнни уже собирался нажать на «плей», когда услышал какой-то шум, доносившийся из рощицы в дальней части парка. Подняв голову, он увидел трех подростков в школьной форме. Те смеялись и что-то кричали пареньку помладше, со светлыми волосами. Тот шел на несколько шагов впереди, повесив голову.

Голоса Дэнни не узнал, зато сразу же узнал молчание.

***

— Куда это ты идешь, Уилли? — спросил Марк. Тони бросил желудь Уиллу в голову. — Эй, Уилли! Уилли Вонь-ка! Парня своего ищешь?

Уилл ускорил шаг, но трое преследователей не отставали.

— Эй, лузер! — крикнул Гэвин. — Он с тобой разговаривает!

— Знаете, кажется, это незаконно — показывать такую головку в публичных местах, — заметил Марк.

— Согласен, приятель, — кивнул Тони.

— Отвратительное поведение, — добавил Гэвин.

— Думаю, надо прикрыть чем-нибудь, пока никто не увидел, — продолжил Марк.

Гэвин стащил с плеч Уилла рюкзак, а Тони схватил край пиджака и натянул ему на голову.

— Гораздо лучше! — заявил Марк.

— Точно, — согласился Тони.

Уилл сжался под пиджаком, который прижимали хулиганы.

— И все-таки я считаю, надо преподать ему урок, — продолжил Марк. — Ведь нельзя допустить, чтобы такое повторилось!

— Да, проучи его, Марк! — усмехнулся Гэвин.

Марк ударил Уилла кулаком в живот с такой силой, что тот захрипел и согнулся пополам.

— Еще раз! — воскликнул Тони.

— Хочешь еще? — прошептал Марк, наклонившись к пиджаку.

Уилл покачал головой, и ткань зашуршала.

— Не слышу, — настаивал Марк.

— Думаю, ему нравится, — заявил Гэвин.

— Скажи «хватит», и я перестану, — продолжил Марк. — Всего одно слово — и я оставлю тебя в покое.

Уилл ничего не отвечал, обмякнув в руках Тони и Гэвина. Те держали его, чтобы не упал и не убежал.

— Давай, — процедил Марк. — У тебя три секунды. Раз.

Уилл задержался, но хулиганы не ослабляли хватку.

— Два. Просто скажи «хватит», и я перестану.

Тони и Гэвин сжали Уилла еще сильнее: тот попятился, как запутавшийся в сетях зверек.

— Три!

Марк занес кулак, но в этот момент на них из кустов выпрыгнул Дэнни, рыча и размахивая руками так, будто хулиганы и впрямь могли поверить в нападение настоящей, пусть и необычайно резвой панды. Но те решили, что на них бросился жуткий извращенец в меховом костюме и маске, и тут же скрылись среди деревьев: Марк бежал впереди, его прихвостни не отставали, бросив Уилла выпутываться из пиджака.

— Спасибо, — пробормотал тот, расправляя и отряхивая одежду.

Дэнни кивнул, не сводя глаз с мальчишек и борясь с настойчивым желанием совершить угрожающее, но абсолютно бесполезное действие — броситься следом, потрясая кулаком. Только через несколько секунд он в полной мере осознал произошедшее. Он это услышал — или решил, что услышал; или надеялся, но не мог до конца поверить. Он внимательно прислушался к последовавшему молчанию, пытаясь уловить хотя бы эхо, — но голос сына стих, и осталось лишь воспоминание; Дэнни засомневался, не померещилось ли ему то «спасибо».

Отец повернулся к Уиллу и открыл рот, чтобы продолжить разговор, пусть даже на считанные секунды. Но даже если бы он смог заговорить или найти нужные слова, было уже поздно: мальчик ушел.

Глава 13

Паб «Косоглазая коза» был из тех заведений, где при виде незнакомца останавливали музыку, пока воспроизводивший ее автомат не разбивали об чью-то голову. Если позвонить по телефону, нацарапанному на стене туалета в подобной пивнушке, тебе действительно отвечали. Дэнни это знал наверняка: как-то раз, вскоре после смерти Лиз, он набрал один из номеров — не ради неприличных услуг, выписанных губной помадой рядом с цифрами, а потому что ужасно надрался и хотел поговорить хоть с кем-нибудь, даже если это женщина лет двадцати по имени Бернадетт, которая по голосу подозрительно напоминала разменявшего пятый десяток Иана, работавшего на полставки в пиццерии дальше по улице. В пабе воняло грязными полотенцами, и постоянными клиентами там являлись наркоманы, хулиганы, алкоголики и бомжи, нередко подпиравшие барную стойку или прятавшиеся в углу так, чтобы видеть дверь. Некоторые даже жили там: например, одна девушка иногда спала за игровым автоматом и держала в туалете зубную щетку. И все-таки, несмотря на многочисленные недостатки, в «Косоглазой козе» было дешево, она находилась близко к дому, а по четвергам там подавали неожиданно вкусный карри.

Дэнни, потягивая пиво, наблюдал за одним из завсегдатаев — его любовно называли Жулик Кен (а нелюбовно — Хапуга Гэри): тот материл телевизор, не подозревая, что скачки, которые он смотрел — и на которые поставил кругленькую сумму, поддавшись уговорам другого частого гостя со странным прозвищем Шпатель, — на самом деле повтор «Гранд Нэшнл» 1998 года, а его фаворит даже не сможет финишировать.

Когда Иван зашел в паб, все головы разом повернулись к нему. Но, оценив его габариты, клиенты быстро вернулись к своим напиткам.

— Ивана не простить, если я пропущу кулинарное шоу, так что выкладывай срочную новость, — сказал украинец, усаживаясь на стул напротив Дэнни.

— Дело в Уилле, — сказал Дэнни.

Иван выпрямился, и стул под ним скрипнул.

— Он в порядке?

— Более чем. Он заговорил.

— Он говорить? — удивился Иван. Дэнни редко видел, как его друг улыбается, но сейчас был как раз такой случай.

— Знаю. Поверить не могу.

Дэнни дернулся: Иван похлопал его по спине так сильно, что у него отпустило зажатый нерв в левом плече и разболелся другой, в правом.

— Отличные новости! — обрадовался Иван. — Что он сказать?

— Он сказал: «Спасибо», — ответил Дэнни, массируя плечо.

— А ты что сказать?

— Ничего.

Иван нахмурился.

— Твой сын говорить впервые за целую вечность, а ты — ничего?

— Знаю, знаю. Поверь, я пытался, но... ну, не смог.

— Почему не смог?

— Наверное, от шока. Не ожидал. И в любом случае я был в костюме.

— Крысы?

— Панды.

— Я думал, ты скрывать от Уилла, что ты крыса. Панда. Или кто там.

— Я и скрываю, — кивнул Дэнни. — Поэтому не смог ничего сказать. Я был в парке, увидел, как Уилла бьют другие мальчишки, и бросился на помощь. Он сказал: «Спасибо», я не ответил, и с тех пор он снова молчит. Не знаю, что делать. Вдруг он больше не заговорит? Вдруг это — всё?

— Легко. — Иван вытащил из своего пакета завернутый в фольгу сверток и протянул Дэнни. Только в «Косоглазой козе» никто не обращал внимания на обмен завернутыми в фольгу

свертками. — Скажи, он не есть пирог, пока не заговорить. Если не заговорить, ты есть весь пирог. Ты в любом случае в выигрыше.

— Спасибо, Иван, — улыбнулся Дэнни.

Заиграла оглушительно громкая украинская поп-музыка. Иван выудил телефон из кармана, взглянул на экран и выругался, прежде чем ответить. Ивана кричала целую минуту — так громко, что разбудила одного из местных выпивох. Тот поднял голову и сонно огляделся. К щеке у него прилипла картонная подставка для пива.

— Надо идти, — буркнул Иван: жена бросила трубку, не дав ему договорить. — Не волнуйся за Уилла. Говорить раз — говорить снова. Вот увидишь.

— Надеюсь, ты прав, — ответил Дэнни. — Приятного просмотра.

— Да яйца себе поджарить и то приятнее, — пробормотал Иван и растворился в ночи.

Не успела за ним закрыться дверь, как в паб зашел мистер Дент. Следом под скрип отодвигаемых стульев и нервные шепотки, заполнившие помещение, появился Редж. Испугались даже те, кто зарабатывал себе на жизнь, пугая других. Дэнни покосился на пожарный выход, прикидывая, удастся ли до него добежать.

— Тебе как обычно, Редж? — закричал Чарли, хозяин паба.

— И пиво для юного Дэниэла. — Редж медленно приковылял к столу Дэнни. Протянув костыли Денту, он осторожно опустился на стул, где совсем недавно сидел Иван. Дент остался стоять, нависая над ними, как чересчур ретивая нянька.

— Очень мило с твоей стороны, Редж, но на самом деле я уже...

Договорить он не успел: появился Чарли с пинтой пива для Дэнни и цветастым напитком, в котором плавал маленький бумажный зонтик, пестрая изогнутая соломинка и вишенка; край стакана украшал кусочек ананаса. Все вместе напоминало не коктейль, а скорее дешевую путевку на курорт в Испании.

Редж чокнулся с Дэнни.

— Обожаю хорошую пина-коладу. — Домовладелец облизал шершавым языком губы и принялся потягивать коктейль. — Мало кто знает, но секрет хорошей пина-колады — в кокосе. Не так ли, Дент?

Верзила кивнул, как заправский эксперт в этой области.

— Видишь ли, большинство используют кокосовое молоко, но в настоящую пина-коладу добавляют «Коко Лопес». Это такая штука из Пуэрто-Рико, тут ее сложно найти, но Чарли специально ее закупает. Вот настолько он хорош.

Редж сделал еще глоток, а Дэнни тем временем пытался понять, к чему он клонит.

— Напоминает о днях моей молодости, — сказал Редж с легкой ностальгией. — О том, как я сидел на солнышке у воды, пялился на девчонок.

— В Пуэрто-Рико? — удивился Дэнни. Он думал, Редж никогда не уезжал дальше пригорода, не говоря уже про Сан-Хуан.

— В Брайтоне, Дэн. Не тормози.

— В Брайтоне. Точно.

— Хотя тогда там было похоже на Пуэрто-Рико, если тусоваться в правильной компании.

Редж взял ананас и шумно обсосал мякоть.

— Я тебе рассказывал, почему хожу на костылях, Дэниэл? — спросил он.

— Нет, Редж. — Дэнни прикрыл руками колени, опасаясь, что Редж продемонстрирует прямо на нем.

— Все из-за надувного замка.

Дэнни кивнул, но через мгновение нахмурился.

— Ты упал с батута? В виде замка? — уточнил он.

— Нет, тупица. Не упал. Я был хозяином надувного замка.

— Да. Извини. Я подумал...

— Он назывался Буги-Замок. Знаю, дурацкое название, но на дворе были семидесятые. Вся эта модная музыка, буги-вуги. Короче, рядом с пляжем была площадь со всей этой ярмарочной ерундой. Ну, знаешь, когда сбиваешь кокосовые орехи, катаешься на машинках, лопаешь сахарную вату и всякое такое.

Сейчас все это дело снесли, но тогда место пользовалось популярностью.

Редж вытащил из коктейля зонтик и облизнул ножку, а потом принялся ковыряться ею во рту, как зубочисткой.

— Ярмарка принадлежала Гарри Макгуайру. Тот еще был подлец. Огромный цыган — ну, знаешь такой типаж: золотые зубы, все пальцы в перстнях. Хотя, если подумать, прямо как у меня. — Он вытянул руки, демонстрируя безвкусную коллекцию колец, печаток и тому подобного. На одном из украшений были выбиты инициалы Гарри Макгуайра.

Дэнни притворился, будто с восхищением рассматривает все это несправедливо нажитое богатство.

— Я снял у старины Гарри участок: чудесное местечко между машинками и каруселью. Оно находилось прямо у входа, и все посетители проходили мимо по пути на ярмарку или обратно. Хорошая новость для меня и плохая — для родителей, ибо нет в мире ребенка, который мог бы проследовать мимо батута, не захотев на нем поскакать. Аренда влетела мне в копейку, но уже в первый месяц я зашибал столько, что мог бы заплатить за год вперед, если бы повел себя умнее. Правда, я в свои двадцать любил повеселиться, а денег у меня было больше, чем мозгов, и я поступил так же, как и любой молодой балбес на моем месте: пошел и все спустил. Послушай, Дэн: июнь 74-го был улетным. Никогда у меня такого не случалось, ни до, ни после.

Редж помешал коктейль соломинкой и улыбнулся напитку, словно поднял со дна давно забытые воспоминания.

— Конечно, знай я, что вот-вот наступит самое паршивое лето от начала времен, отложил бы немного на черный день — точнее, как выяснилось, на черный сезон. Газетчики окрестили эту заразу «Диким дрезденским дождем». Черт знает, почему дрезденским. Думаю, им просто хотелось свалить все на Германию. Тогда еще было модно ненавидеть фрицев. Даже немецкую овчарку нельзя было назвать немецкой, чтобы тебя не заподозрили в симпатиях к нацистам. Приходилось говорить «эльзасская», как будто симпатизировать французам — лучше.

Короче, в июне стояла страшная жара, но потом наступил июль — и полило как из ведра. Ну, пока рано волноваться, подумал я, постепенно тучи разойдутся. Но вот уже наступил август, а чертов ливень и не думал утихать. Затем внезапно наступил сентябрь, и угадай что?

— Все еще лило? — предположил Дэнни.

— Все еще лило. Перестало, только когда осень была уже в самом разгаре, а я — в долгах по самые яйца. Видишь ли, другим аттракционам непогода не мешала: у одних крыша, у других — брезент, а вот мой замок с открытым верхом быстро превратился в бассейн, вроде таких, где обычно ловят резиновых уточек — вот только утки там плавали настоящие. Шли дни — ни одного клиента. Ну, кроме того паренька, Рикки. Странный был пацан: кусался, как бешеная макака. Однажды я застукал его, когда он пытался прогрызть в батуте дырку. Пришлось лупить парня по голове его же ботинком, пока не отцепился.

Домовладелец выловил из стакана вишенку и бросил в рот. Дэнни поморщился, услышав хруст, но Редж просто разгрыз ядро, как крокодил — кость. Мо как-то рассказывал, что в вишневых косточках содержится вещество, которое в организме человека превращается в цианистый калий, но Дэнни решил не говорить об этом Реджу.

— Пардон, на чем я остановился? — прищурился тот.

— Мальчик — бешеная макака, — подсказал Дэнни.

— Нет, до этого. Ах да! Каждую неделю Гарри приходил за арендной платой, и я отдавал ему все, что мог наскрести, обещая рассчитаться полностью через семь дней. Но мне никогда не удавалось накопить всю сумму, а проценты капали, и это ничуть не облегчало мне жизнь. Долг рос как снежный ком. Клиент не шел, и я терял деньги; я не платил, и Гарри лишался прибыли. Ни он, ни я — да даже чертовы немцы не были виноваты. Простое невезение. Вот так паршиво все сложилось. К тому же мы не подписывали договор, и я не удивился, когда Гарри решил выкинуть меня с ярмарки. Не удивился и тогда, когда он вознамерился присвоить замок

в счет долга. Он стоил как минимум втрое дороже, но я уже на все махнул рукой; просто хотел покончить с этим и сказал себе: пусть забирает. Однако одно меня удивило — хотя с чего бы, если подумать: Гарри решил, что мой батут не стоит даже половины суммы, которую я за него отдал, а значит, я все еще должен ему адову прорву денег — а их у меня не было. И он это знал. Вот почему он так поступил: в мире было всего одно занятие, которое Гарри любил больше, чем грести наличные лопатой, — ломать кости. Дэн, смотрел «Мизери»⁹?

Дэнни кивнул.

— Вот было примерно как там, только вместо Кэти Бейтс — Гарри, а вместо кровати — бильярдный стол¹⁰. Четверо сыновей Гарри держали меня, еще семеро смотрели. Не знаю, где находились остальные трое. Гарри взял кувалду — такими обычно забивали колышки для палаток — и размахивал ею, пока мои ноги не повисли, как два пакета с ломаным печеньем. Только тогда он сказал, что мы в расчете.

Редж принялся тянуть коктейль через соломинку, пока на дне стакана не забулькало.

— Этот старый урод преподавал мне ценный урок. Болезненный, заметь, но ценный. Иногда — неважно, нравится тебе это или нет, — приходится платить, даже если ты не сделал ничего плохого. Просто порой происходят вещи, которые ты не можешь контролировать: например, все лето идет дождь, хотя и не должен бы; это неправильно и нечестно, но все равно приходится платить. Понимаешь, к чему я?

— Да, Редж. — Дэнни вытер вспотевшие ладони об штаны.

— Молодец, — кивнул Редж. — Знал, что ты поймешь. Дент?

Мистер Дент передал Реджу костыли и помог подняться.

— Оставляю тебя наедине с пивом, — бросил домовладелец, направляясь к выходу. — Не забудь дать Чарли на чай, когда будешь расплачиваться.

Глава 14

Старушка с сумкой-тележкой в шотландскую клетку и в тапочках с рюшами наблюдала, как Дэнни пытается заставить себя танцевать для единственного зрителя. У ее ног лежал плешивый черный шнауцер, который не моргал так долго, что Дэнни начал волноваться, не умер ли тот (возможно, от шока, вызванного его выступлением). Когда песня кончилась, он поклонился и стал ждать реакции: в идеале такой, когда старушка дает ему денег. Но ни она, ни собака даже не пошевелились. Дэнни смущенно стоял перед ними, будто пукнул в полном народе лифте, а проехать нужно еще десять этажей. Дэнни надеялся — неловкость подтолкнет старушку к действиям, но, кажется, ее все устраивало. Он сконфузился еще больше и просто продолжил танцевать. Это длилось уже сорок пять минут. Прошел почти час, прежде чем старушка раскрыла сумочку, достала кошелек, вытащила две шоколадные конфеты и грязную немецкую марку — и бросила все это Дэнни в контейнер. Тот поблагодарил ее и проводил взглядом. Старушка медленно брела через парк, волоча за собой тележку и, кажется, даже не заметив отсутствие своей собаки, оставшейся лежать там, где ее бросили. Только когда Дэнни потыкал ее ногой, псина лениво восстала из мертвых и поковыляла следом за хозяйкой.

Дэнни развернул конфету и сунул в рот. Кладя фантик в карман, он нащупал там какой-то предмет и вытащил одну из салфеток, которые ему дала Кристаль. Запихнув ее обратно в карман, он потряс контейнер со своей скудной дневной выручкой.

Уже не первый раз за неделю Дэнни поймал себя на мысли, что серьезно сомневается в своих решениях. Даже не первый раз за день. Он и до этого избегал своего отражения в зеркале, но теперь, когда видел там потерявшую надежду панду, стало только хуже. Он купил этот костюм только затем, чтобы легко

и быстро разжиться деньгами, но за три недели не скопил почти ничего в счет долга Реджу. И не научился танцевать. Наверное, у него было помрачение рассудка, когда он счел эту идею удачной. А теперь все прошло, и Дэнни смотрел на вещи предельно трезво.

— Смешно, — пробормотал он, уставившись на горсть монет в контейнере.

Вздохнув, он взглянул на часы. Приближался вечер, и парк пустел. Уличные артисты собирали вещи после очередного весьма неплохого дня. Человек-оркестр забыл снять цимбалы с колен, будто подтверждая подозрения Дэнни, что он не плохой музыкант, а просто глухой; живая статуя чуть ли не бежала прочь из парка, словно пытаясь наверстать время, которое неподвижно простояла в роли; Эль-Магнифико ухмылялся, пересчитывая оскорбительно толстую пачку денег. Дэнни очень захотелось, чтобы внезапный порыв ветра вырвал купюры из рук фокусника и унес прямо под работавшую неподалеку газонокосилку.

Тут подошел Тим: за спиной гитара, Милтон растянулся на плечах, как меховой воротник.

— Как поживает танцующая панда?

— Сам посмотри. — Дэнни кивнул на контейнер.

— Ой, — удивился Тим, заглянув внутрь. — Это что, шоколадная конфета?

— Ага. Если бы можно было расплачиваться конфетами, пивными крышками, пуговицами и камнями, я бы в момент разделался с долгом.

— Меняю на «Фрутеллу».

— Какого цвета? — уточнил Дэнни.

Тим покопался в кармане.

— Красная, — ответил он, осмотрев конфету.

— Идет.

— Обожаю шоколадные. — Тим развернул фантик и сунул конфету в рот. — Они напоминают мне о бабушке. У нее вечно было полно шоколадок.

— Ну а мне они напоминают о том, что все это — глупая затея.

— Эй! Мне потребовалось несколько недель, чтобы заработать первую шоколадку. Не расстраивайся, ты растешь над собой.

— Слишком медленно. — Дэнни закрыл контейнер и убрал его в сумку. — Кстати, сколько ты уже этим занимаешься?

— Четыре года. Приходил сюда практиковаться, когда соседи по общежитию уставали от шума. Я вообще не собирался зарабатывать этим на жизнь, но, с другой стороны, я и кота не планировал заводить.

— Похоже, из вас вышла отличная команда, — заметил Дэнни, кивая на кота.

— Команда? — рассмеялся Тим. — Никакая это не команда. Он давно взял меня в заложники. Однажды я нашел его спящим в моем чехле, и с тех пор он не отстает.

— Что ты изучал в универе? Музыка?

— Финансы.

Дэнни расхохотался.

— Серьезно?

— А что?

— Ничего. Просто... ты не очень похож на финансиста.

— Сочту за комплимент, — улыбнулся Тим. — Хочешь верь, хочешь нет, но я собирался заниматься инвестициями. Точнее, это моя мама хотела, чтобы я занимался инвестициями; к тому же она платила за учебу, так что меня никто особо не спрашивал.

— Вряд ли она обрадовалась, что ты не доучился.

— Думаешь, я недоучка? Потому что играю на гитаре с котом на плече?

— Нет, так написано у тебя на значке. — Дэнни указал на россыпь разноцветных жетонов, приколотых к нагрудному карману Тима.

— А, ну да. Он выглядит более стильно, чем значок «великий финансист», — только поэтому я его и купил.

— Стало быть, ты доучился?

— Был лучшим на потоке.

— В таком случае, не пойми неправильно, какого лешего ты тут забыл? Ты мог такие деньжищи зашибать, что тебе не надо было бы этим заниматься.

— Большинству из нас и не надо. Нам просто нравится. Никто не становится уличным артистом потому, что у них проблемы. Ну, никто, кроме тебя. Не пойми неправильно, — улыбнулся Тим.

— Шах и мат, — ответил Дэнни.

— Я честно пытался. Поработал в банке пару лет. Терпеть его не мог. Хорошую зарплату получал, но был совершенно несчастен — как и все, с кем работал. Не знаю, кто придумал, что деньги могут сделать тебя счастливым, но он нес полную околесицу.

— Никто такого не говорил, — заметил Дэнни.

— То есть?

— Никто никогда не утверждал, что счастье — в деньгах. Наоборот, говорят, его не купишь.

— Правда?

— Ага. Точно.

— Значит, мама врала, — вздохнул Тим.

— Кажется, вот он вполне счастлив, — Дэнни кивнул в сторону Эль-Магнифико. Тот в очередной раз пересчитывал свои денежки.

— Это практически единственное, что его волнует. Ну еще мантия. Он ее просто обожает. Однажды какой-то ребенок наступил на край — так этот безумный грозился разорвать пацана на кусочки. Напугал маму до смерти.

— Это даже не мантия, а женский халат. Он его спер у своей бывшей.

— Уверен?

— Ну, я слышал.

— Нет, в смысле у него точно была девушка? Настоящая?

— О да, вполне настоящая, — ухмыльнулся Дэнни. — Настоящая стерва. Зато танцует потрясающе. Никогда такого

не видел. Просил дать мне пару уроков, но она обозвала меня тупицей и показала неприличный жест. А еще обокрала.

— Может, она тебе поможет, если ее задобрить.

— Каким образом? Я себе даже поездку на автобусе не могу позволить.

— Как насчет симпатичного шелкового халата? — предложил Тим, не сводя глаз с Эль-Магнифико. Тот как раз закончил пересчитывать деньги и теперь аккуратно складывал мантию.

— Так нельзя, — сказал Дэнни, глядя, как маг убирает свое одеяние в сумку.

— Почему?

— Это воровство.

— Нельзя украсть уже украденное. Это двойная ответственность, или как там это называется. К тому же считай это мезью за твою одежду.

— Мы точно не знаем, он ли ее стащил.

— Его видела живая статуя. Она мне рассказала.

— И она его не остановила?

— Не хотела выходить из роли.

— Чудесно. — Дэнни пожевал губу и уставился на Эль-Магнифико. — Ладно. Как мы это провернем?

Тим ухмыльнулся.

— Иди за мной.

***

Фокусник деловито вытаскивал из рукавов цветы, игральные карты и разноцветные платки. Он не заметил, как подошел Тим.

— Милтон написал для тебя песню, — начал музыкант. — Хочешь послушать?

Эль-Магнифико не обратил на него внимания.

— Круто, — весело сказал Тим.

Он принялся дергать струны и подкручивать колки, настраивая гитару. Затем прочистил горло и запел на манер средневековой баллады:

— Жил-был отстойный волшебник, наглый, как бедный нахлебник, кирпичка просит сопельник, и звали его Эль-Магнифико!

— Отвали, хиппи! — бросил фокусник, не глядя на музыканта.

— Любил носить халат и так ему был рад — надел бы на парад и даже в выходные!

— Предупреждаю тебя! — Эль-Магнифико повернулся к Тиму, не замечая подкравшегося сзади Дэнни. — Проваливай, пока не загорелся!

— Мечтал глаза закрыть и всех испепелить, стараясь не дымить, но все безрезультатно!

— Так! Ты сам напросился! — рывкнул Эль-Магнифико, указав на Милтона. — Прощайся со своим приятелем! — Маг положил пальцы на виски и изобразил такую гримасу, словно только что ударился мизинчиком ноги об угол. Дэнни тем временем осторожно вытащил мантию у него из сумки.

— Но лопнет его голова! И люди воскликнут: «Ура!» И будут бить в колокола! И наступит мир во всем мире!

Эль-Магнифико задрожал, как задний ряд кресел на вечернем сеансе в кино. Дэнни у него за спиной показал Тиму два больших пальца и тихонько ретировался, спрятав мантию под мышкой.

Музыкант кивнул и двинулся в противоположную сторону.

— Окончен наш рассказ; прошу, простите нас, ведь мы спешим в магаз за свитером коту!

Фокусник резко выдохнул. Тело обмякло, руки опустились по швам.

— В следующий раз, хиппи! — прокричал он вслед Тиму. — В следующий раз!

Глава 15

Под ногами у Дэнни шуршал мусор. Он попал в тот район Лондона, где всегда было темно, независимо от погоды и времени суток. В него врезался пошатывающийся пьяница, выругался и зигзагом пошел дальше, петляя по дороге, как моряк, бредущий по палубе в шторм. Даже голуби смотрели на Дэнни враждебно. Они сидели на дороге, как пернатые гопники, не желая улетать, и их приходилось обходить.

Он остановился перед черными дверями, над которыми висела похожая на скелет незажженная неоновая вывеска «У Фэнни». Дэнни не хотел, чтобы кто-то видел, как он заходит в стрип-клуб в десять утра, поэтому подождал, пока улица не опустеет. Затем дернул ручку и, обнаружив, что дверь не заперта, проскользнул внутрь.

Дэнни очутился в длинном темном коридоре, где пахло детскими влажными салфетками и чем-то еще; он не смог распознать эту вонь, но решил: так пахнут разбитые мечты. Пройдя мимо пустой гардеробной и туалетов — на мужском было написано «члены», а на женском «дамы», — Дэнни оказался в большом зале с несколькими подиумами и таким количеством зеркал, какого не набралось бы и в сборнике рассказов Борхеса. Из центра каждой платформы до потолка, покрытого плитками цвета патоки, тянулись шести. Кажется, их поставили лет за десять до запрета на курение в общественных местах.

В дальнем конце зала за стойкой бара хозяйничала женщина, одетая как судья на детском конкурсе красоты.

- Здравствуйте, — обратился к ней Дэнни.
- Проваливай, — бросила женщина, не отрывая глаз от калькулятора. — Мы закрыты.
- Я ищу Кристаль.
- Как и все. Приходи вечером, как и все. А пока проваливай.

— Послушайте, она мне нужна буквально на минутку. У меня есть для нее кое-что.

— Все так говорят.

— Правда? — удивился Дэнни.

Женщина вздохнула и все-таки взглянула на него. Ее лицо покрывал толстый слой косметики, но никакой макияж не смог бы замаскировать разбитое сердце, разочарования, полуночные звонки и энергетика по утрам — целую жизнь, читавшуюся в ее морщинах.

— Да, идиот, правда! И вполне возможно, кому-нибудь в нашем отвратительном мире нужно то, что ты можешь предложить. Может, придется заплатить, напоить, докопаться, снять в интернете — но такие люди есть, они где-то там, ждут тебя, так что повернись, выйди отсюда и ищи свою родственную душу. Готова поклясться, Кристаль совершенно не интересуется твой сморщенный стручок. Понял?

— Мой сморщенный... Стоп, что? — не понял Дэнни. — Нет, я не... Дайте покажу...

— Везувий! — закричала женщина.

Не успел Дэнни уточнить значение слова «Везувий», как из-за двери за баром выскочил мужик с мускулистыми руками, покрытыми татуировками.

— Этот чудака уже уходит, — процедила женщина.

— Вовсе я не ухожу! — возмутился Дэнни. Он никак не мог поверить в реальность всего происходящего.

— Пожалуйста, проводи его до двери, Зуви.

— Можно, сначала обыщу? — спросил Зуви. — Кажется, ему понравится.

Дэнни посмотрел на его руки. На костяшках правой было выбито open, а на левой — wide¹¹. Дэнни понятия не имел, что это значит, но любое возможное объяснение, которое он мог придумать, звучало болезненно.

— Все в порядке, Фэнни, — сказала Кристаль, неожиданно появившаяся из-за спины верзилы. — Он не опасен. Придурок, но безобидный.

— Точно, — кивнул Дэнни. — Да. В смысле, я безобидный.

— Что ж, значит, сегодня твой счастливый день, — ответила Фэнни. — Пойдем, Зуви. Оставим сладкую парочку наедине.

Везувий, явно разочарованный мирным исходом дела, исчез за дверью следом за Фэнни.

— Спасибо, — начал Дэнни, — я...

— Принес деньги, которые мне должен?

— Что? Нет, я...

— Тогда отвали, — бросила Кристаль и повернулась уходить.

— Подожди! — выпалил Дэнни, копясь в своем пакете. — У меня для тебя кое-что есть.

Он вытащил и развернул мантию Эль-Магнифико.

Кристаль смотрела на нее во все глаза. Попыталась нахмуриться, но ее рот дернулся, словно она с трудом сдерживала улыбку.

— Как ты это достал?

— Магия.

Кристаль рассмеялась. Дэнни улыбнулся.

— Что смешного? — спросил он.

— Это не мой!

— В смысле?

— Халат не мой! Я это сказала, просто чтобы его позлить, — хохотала девушка.

— Ну, думаю, это разозлит его еще больше, — пожал плечами Дэнни.

Кристаль взяла у него халат и повертела в руках.

— Почему ты это сделал?

— Потому что я хороший человек, — ответил Дэнни. Кристаль уставилась на него. — И мне нужна твоя помощь.

— Блин, так и знала!

— Научи меня основам, — взмолился Дэнни. — Пожалуйста. Только основам.

— Нет, — отрезала Кристаль.

— Пожалуйста.

— Нет!

— Я дам тебе сто фунтов, — предложил Дэнни, напрасно пытаясь вызвать у нее улыбку.

— Лучше я дам тебе сто фунтов, если прыгнешь под автобус. Дэнни на минуту задумался.

— Автобус должен ехать? — уточнил он.

— Да.

— Как быстро?

— Так быстро, чтобы ты сдох! — прорычала Кристаль. — Но достаточно медленно, чтобы ты это почувствовал!

— Ясно, — отозвался Дэнни. — Так себе предложение.

— Ага, как и тратить на тебя время, пытаясь научить танцам за просто так.

— Послушай, взгляни на это с другой стороны. Чем лучше я танцую, тем больше буду зарабатывать — и тем меньше достанется Эль-Магнифико. Не думай обо мне. Думай о том, как подгадишь своему бывшему.

На сей раз Кристаль не ответила. Она закусила губу и покачала головой, словно не соглашаясь с каким-то невидимым советчиком.

— Пожалуйста. Научи — и больше никогда меня не увидишь.

— Обещаешь?

— Чтоб я сдох, если вру.

— Надеюсь на это, — отрезала Кристаль. — Ладно, идем. Разберемся с этим сразу.

Она жестом велела ему следовать за ней.

— Что, прямо сейчас? — опешил Дэнни, но Кристаль уже исчезла.

Дэнни нырнул следом за ней в дверь за баром, миновал короткий коридор и оказался в большом помещении с деревянными полами и мутным зеркалом во всю стену. Комната походила на балетную студию, только с диско-шарами и шестами. Пахло сигаретным дымом и «редбуллом».

— У тебя два часа, — сказала Кристаль. — Если не выучишь основы за это время, можешь катиться обратно, расставлять банки на полках, или драить общественные туалеты, или чем ты там занимался.

— На самом деле я работал на стройке. Меня уволили месяц назад.

— Я не спрашивала, и мне плевать, — Кристаль наклонилась к большой стереосистеме, стоявшей в углу. — Начнем. У меня мало времени.

Зеркало завибрировало: из динамиков полилась песня ABBA Gimme! Gimme! Gimme!

Девушка повесила куртку на крючок и встала посреди комнаты. Дэнни замешкался в дверях.

— Иди сюда, дубина! — заорала она, указывая на пол рядом с собой.

Дэнни глубоко вздохнул и встал перед зеркалом.

— Хорошо, — начала Кристаль, — вот так. Ноги шире, голову опусти, почувствуй ритм. Три, два, один! И-и-и-и-и начинай с плеча. Легонько. Расслабь его.

Она аккуратно повела плечом в такт музыке. Дэнни затряс рукой туда-сюда, как бракованный робот.

— Теперь другое плечо, — продолжила танцовщица. — Вот так. Влево — вправо, влево — вправо. Просто отдайся ритму полностью.

Дэнни отдался ритму полностью, но ритм его отверг и сбежал, не оставив шансов поймать себя.

— Медленно подключи бедра, а потом руки. Вот так. Короткие движения, ничего сложного. Щелкай пальцами, если тебе так легче. Вот так. Щелчок — движение. Щелчок — движение.

Дэнни стал щелкать, но этот жест только еще больше его запутал. Он чувствовал себя так, словно дотанцевался до зоны плохой видимости и не мог найти выход.

— Теперь ноги. Парни никогда не подключают ноги, слишком боятся сесть в лужу. Но нельзя танцевать без ног. И опять: не усложняй, просто повторяй. Шаг, два, шаг, два.

Дэнни вытер пот со лба. Он чувствовал себя так, будто решил бежать марафон и только сейчас понял, как далеко до финишной черты.

— Давай! — воскликнула Кристаль. — Продолжай! У тебя хорошо получается. Теперь все вместе. Голова, руки, плечи, бедра, ноги. Проникнись. Давай, танцуй. Танцуй так, будто хочешь, чтобы тебе послали мужчину после полуночи¹².

— Голова, плечи, руки, голова, плечи, руки, — пыхтел Дэнни, двигая не той частью тела, которую называл. Его лицо блестело, как висевший над головой диско-шар, и он не знал точно, от пота или от слез.

— Последняя растяжка. Не расслабляйся! Танцуй! Двадцать секунд. Выложись по полной. Десять секунд. Давай! Пять секунд. Четыре. Три. Две. Одна. И. Отдых.

Дэнни согнулся пополам и положил руки на колени, пытаюсь таким образом удержаться и не упасть. С кончика носа капал пот. Дышал он громко и с трудом, а выглядел так, будто его вот-вот вырвет, или он вот-вот умрет, или его вырвет и он умрет.

Кристаль улыбнулась, как замыслившая убийство жена перед совместным прыжком с парашютом.

— Готов ко второму заходу? — подмигнула она.

***

Страдания были для Дэнни не в новинку. Пожалуй, они могли даже считаться его близкими знакомыми. Но за следующие два часа все его былые трудности вдруг чудом испарились. Нет, он не растворился в музыке или возвышенном искусстве танца: просто тренировка с Кристаль оказалась таким испытанием, что все остальные просто померкли, пока он сосредоточился на простой цели — выжить.

Сложно было сказать, какая часть процесса давалась ему тяжелее: все оказались одинаково сложными. Основной проблемой оказалась его физическая форма. Дэнни всегда считал себя вполне здоровым. Он смог бы осилить марафон и вообще долго бежать, только если бы его преследовало голодное чудовище, но вполне мог догнать автобус без риска заработать аневризму. Ну или подняться по лестнице, если лифт сломался, не предупреждая заранее полицию, где искать его

тело. Он не ел органическую капусту с тофу на завтрак каждый день (да и вообще их не ел, если уж на то пошло), но и не курил, а выпивал редко. И если годы работы в строительном бизнесе многих его коллег наградили красными лицами и лишними килограммами, так как те обманчиво полагали, что можно постоянно есть пирожные, если ты все время двигаешься, то Дэнни благодаря ежедневным физическим нагрузкам превратился из щуплого пацана в сильного стройного мужчину.

Но уже в начале занятия с Кристаль стало ясно: дело было не в недостатке силы (если только силы духа: та покинула Дэнни практически сразу) — ему не хватало выносливости. Он не смог продержаться даже одну песню: в середине ему пришлось остановиться перевести дух, проверить пульс и погуглить, при скольких ударах в минуту человеческое сердце взрывается. Даже без костюма панды он потел так обильно, что в какой-то момент Кристаль пришлось вызвать уборщицу протереть пол: на нем можно было поскользнуться.

Другой проблемой была координация Дэнни, точнее, ее отсутствие. Он трясся, когда должен был покачиваться, покачивался, когда должен был вращаться, вращался, когда должен был вышагивать, а вместо шагов делал такое, чему даже Кристаль не могла подобрать название. Вдобавок она не облегчала ему жизнь. Повторять за ней было все равно что преследовать беглого преступника, знавшего дорогу, которой не знал ты сам. Она газовала на прямой, ускорялась на поворотах и тормозила, только если Дэнни сворачивал не туда или улетал в кювет. Он не поспевал за ней, даже если она убирала ногу с педали газа. В общем, прошло два мучительных часа, прежде чем Кристаль наконец выключила музыку и бросила ему несвежее полотенце. Дэнни с радостью вытер лицо. Девушка выглядела невероятно спокойной, как будто только что проснулась после долгого блаженного сна, и вспотела лишь однажды: когда ей пришлось помочь Дэнни добрести из студии обратно в бар.

— Зуви, две бутылки воды, пожалуйста, — попросила Кристаль, — и живительный поцелуй для него.

Она кивнула на Дэнни, пытавшегося забраться на барный стул рядом с ней.

— За поцелуй денег не возьму, — подмигнув Дэнни, Везувий поставил перед ними две бутылки воды.

— Не волнуйся, — добавила Кристаль. Везувий снова принялся протирать стаканы. — Ему нравятся только женатые.

— Я женат, — вставил Дэнни между длинными глотками. — Типа.

— Типа?

— Долгая история, — ответил он, глядя на безымянный палец. Он никогда не беспокоился за сохранность обручального кольца, пока Лиз была жива, но после ее смерти вдруг испугался его потерять, а потому завернул в тряпочку, положил в спичечный коробок и убрал в ящик прикроватного столика, где оно и лежало до сих пор.

— У каждого проходящего сюда мужчины есть долгая история, — заметила Кристаль. — Не говори. Дай угадаю. Жена сбежала с другим? К нам такие часто приходят.

Дэнни покачал головой и сделал еще глоток.

Кристаль на мгновение задумалась.

— Сбежала с другой?

— Не-а.

— С пандой?

— Очень смешно.

— С карликом? К нам однажды приходил парень, так его жена...

— Она умерла, — перебил ее Дэнни.

Какое-то время Кристаль смотрела на него в замешательстве.

— Ты же шутишь, да? — наконец спросила она.

— Если бы. — Дэнни закрыл бутылку.

— Что случилось?

— Она погибла в автокатастрофе чуть больше года назад.

— Черт! — выдохнула Кристаль. — Мне жаль.

Она крутанула двумя пальцами горлышко бутылки, и та завертелась на барной стойке.

— Мама всегда говорила, что я слишком много болтаю.

— Пожалуй, мы с твоей мамой поладили бы, — улыбнулся Дэнни.

— И ты был бы единственным, кому это удалось. — Кристаль отпила воды; на какое-то время повисла тишина.

— Кстати, она была танцовщицей, — нарушил молчание Дэнни. Кристаль нахмурилась. — Лиз.

— Она явно тебя ничему не научила.

— Точнее и не скажешь, — кивнул Дэнни. — Спасибо. Знаю, ты не хотела меня учить. Если тебя это утешит, сегодня я, скорее всего, умру во сне.

— Честно говоря, я думала, ты прямо там коньки отбросишь.

— Я был близок к этому. В какой-то момент свет начал меркнуть, и помню, как подумал: «Вот оно. Так все и кончится».

— Постоянно говорю Фэнни: там надо починить лампочку.

Оба улыбнулись.

— Нет, правда, спасибо, — сказал Дэнни.

— Не стоит благодарности. Никогда не думала, что целых два часа смотреть, как взрослого мужика вот-вот стошнит, может быть так увлекательно.

— Не понимаю, как ты этим занимаешься. — Дэнни поморщился, осторожно потеряв коленку.

— Это легко. Встаешь рано, ложишься поздно, всегда держишь лед в холодильнике и так часто мажешься обезболивающим, что у тебя практически развивается зависимость. Танцуешь шесть-семь дней в неделю, месяц работаешь, месяц отдыхаешь, так примерно лет пять — и вжух, тебе тоже хватит профессионализма, чтобы кружиться на шесте в стремном ночном клубе, пока старые козлы, из которых уже песок сыплется, запихивают десятифунтовые купюры тебе в трусы.

— С моей способностью танцевать — хорошо, если десять пенсов сунут.

— Честно говоря, все не настолько плохо. Не пойми неправильно, ты был ужасен. Просто отвратителен. Мне даже стало тебя жалко. Но все-таки я ожидала худшего. Немного

практики, и все наладится. Ладно, много практики. Целая тонна практики. Но у тебя получится.

— Нет, пока я не научусь слушать ритм. А я не научусь. У меня больше шансов поймать пулю, чем ритм.

— Ну, с этим я могу помочь, — голос Кристаль звучал искренне.

— Ох, сомневаюсь.

— Купи метроном.

— Купить что?..

— Это такая штука с тикающей стрелкой, — объяснила Кристаль, в подтверждение своих слов качая пальцем. — Он нужен, чтобы следить за временем.

— Вообще-то это называется «часы».

— Нет, тупица, часы... Черт, не буду объяснять. Просто погугли: метроном. Купи такой и пользуйся. Причем не только когда танцуешь, а вообще когда чем-то занят. Режешь лук. Моешь посуду. Чистишь зубы. Драишь окна. Делай все это под метроном — и будешь держать ритм, даже не задумываясь.

— Поиск ничего не дает. — Дэнни показал Кристаль телефон.

— Да не «метро-гном», придурок... Черт, дай сюда! — Она выхватила у него телефон и начала печатать, постукивая ногтями по стеклу. — Вот. Купи такой. А лучше скачай бесплатно. Найди приложение с метрономом.

— Спасибо. Есть еще советы?

— Ага. Пересмотри все фильмы про танцы, что ты видел. Потом составь список тех, которые не видел, и их тоже посмотри.

— Это будет очень длинный список.

— Ты никогда не смотрел фильмы про танцы?

— Смотря что ты под этим подразумеваешь.

— Просто фильмы, но про танцы.

— А, тогда нет.

— «Танец-вспышка»? «Свободные»? «Билли Эллиот»? «Строго по правилам»? Пожалуйста, скажи, ты хотя бы смотрел «Грязные танцы»? Ответь «да», и я смогу тебя простить.

Дэнни помотал головой.

— Сколько раз Лиз пыталась заставить меня посмотреть это кино вместе. — Сказав это, он вдруг понял, что не может назвать ни одной достойной причины, почему всегда отказывался. — Это был один из ее любимых фильмов.

— Похоже, она бы мне понравилась, — заметила Кристаль.

— И я так думаю. — Дэнни перевернул бутылку вверх дном, глядя, как капельки воды стекают по пластику.

— Что ж, посмотри этот фильм. А потом пересмотри. Раз сто. В нем есть все, что тебе нужно знать. Не только о танцах, но и о жизни. — Кристаль соскользнула со стула. — Ладно, мне пора размяться.

— Размяться? — удивился Дэнни. — Ты до сих пор не размялась? Ты же танцевала два часа!

— Это другая разминка. — Кристаль кивнула в сторону подиума, где еще одна танцовщица кружилась на шесте с сигаретой в зубах.

— Ясно, — улыбнулся Дэнни. Он прекрасно понял намек. — Тогда я пойду.

— Удачи тебе с пандой и прочим, — бросила Кристаль через плечо.

— Спасибо, — ответил Дэнни. Он точно знал: удача ему понадобится.

Глава 16

Уилл смотрел, как мистер Коулман ходит вдоль доски, выводя что-то крупными буквами. Маркер поскрипывал, скользя по пластику. Закончив, учитель прочитал написанное:

— Международный день «Кем работают ваши родители». Кто-нибудь о таком слышал?

Некоторые в классе покачали головой.

— Я тоже нет, но, видимо, такой существует, и сегодня мы должны об этом поговорить. Кстати, если вдруг вам интересно, вчера отмечался Международный день уток — поверить не могу, что мы его пропустили! А завтра будет Международный день клевых недооцененных учителей, много работающих и мало получающих, так что расскажите всем об этом.

В ответ раздался лишь один звук: по чьей-то парте прокатился карандаш и со стуком упал на пол.

— В общем, сегодня наша цель — отпраздновать... видимо, капитализм, хотя если верить вот этому симпатичному листочку (его вручили мне боги образования), то, цитирую, «это день, когда мы отмечаем многообразие способов, которыми наши родители помогают планете вращаться». Просто чтобы вы знали: ваши родители не вращают планету. Ее вращает физика. Но идею вы поняли. Даже если у кого-то родители сейчас не работают — не переживайте, Земля не остановится. По крайней мере до тех пор, пока солнце не взорвется и не уничтожит этот шарик, который мы называем домом. Что же касается тех, чьи родители работают... сколько из вас знают, чем занимаются ваши мамы и папы?

Несколько ребят подняли руки, в том числе и Уилл, до сих пор не подозревавший, что его отец сменил сферу деятельности.

— Отлично. Может, кто-нибудь из вас выйдет к доске и немного расскажет об их работе? Необязательно длинный

монолог, — добавил мистер Коулман. — Всего пару слов.

Мистер Коулман заметил, как Уилл медленно опустил руку.

— А впрочем, — продолжил учитель, — давайте лучше поиграем. Не рассказывайте, что делают ваши родители, а покажите.

— Это как, видео записать? — удивился Джиндал.

— Почему я должен снимать, как моя мама работает? — воскликнул Аткинс.

— Кажется, у меня есть ролик о том, как папа поколотил воришку, когда работал охранником в «Заре». — Кабига принялся листать файлы на телефоне.

— Я не про видео, — вмешался мистер Коулман. — Подключите воображение!

По классу пробежала волна недовольного бормотания.

— Как в шарадах? — спросил Мо.

— Именно, Мо, — кивнул мистер Коулман. — Как в шарадах.

— Почему нельзя просто рассказать? — выкрикнул какой-то ученик с заднего ряда.

— Потому что это скучно! Так сделают во всех остальных классах. У нас будет веселее. — Мистер Коулман бросил взгляд на Уилла. Тот едва заметно улыбнулся в знак признательности.

— Странное у вас представление о веселье, мистер Коулман.

— Давайте я начну, — предложил учитель. — Покажу вам, кем работал мой отец.

Он снял пиджак и повесил на спинку стула.

— Ваш отец был стриптизером?! — крикнул кто-то. Класс расхохотался.

— Очень смешно, — проворчал мистер Коулман. — Я еще не начал. Так. Поехали.

Он уселся на стул и взял пару невидимых барабанных палочек. Затем постучал ими над головой, как заправский музыкант на рок-концерте, и разразился зажигательным, хоть и абсолютно беззвучным соло.

— Гитарист! — прокричал Картрайт.

— Барабанщик! — завопили остальные.

— Точно! — мистер Коулман вытер пот со лба.

— Ерунда какая-то, — пробормотал Картрайт.

— Ударник в Лондонском симфоническом оркестре, если быть точным. Видели бы вы его. Он был потрясающим.

— Не сомневаюсь, — отозвался Мо. — Девушки обожают барабанщиков!

— А ты откуда знаешь? — спросил Кабига.

— Да он сам девчонка, — съязвила Клэр Уилкинс, сидевшая позади Мо. Все захихикали.

— Хорошо, что хоть кто-то из нас, — отрезал Мо. Класс взорвался возгласами «жжешь!» и «круто!».

— Да не в этом смысле, — вмешался мистер Коулман, слишком поздно осознавший двусмысленность своей фразы. — Я имел в виду потрясающим барабанщиком. Хотя женщины и правда им интересовались. Все, кроме моей мамы, пожалуй. Так, кто хочет продолжить? Мо? Давай, покажи всем, как надо.

— Запросто. — Мо занял учительское место, схватился обеими руками за невидимый руль, нажал на клаксон, заорал на панджаби и показал несколько резких жестов другим водителям, нарушавшим правила на его воображаемой дороге.

— Таксист! — закричали все.

— Отлично, Мо, — похвалил его мистер Коулман, когда Мо вернулся на свое место. — Пожалуйста, напомни мне никогда не садиться в машину к твоему папе.

— Мой папа — риелтор, — заметил Мо. — Это мама — таксист.

— Тогда напомни, чтобы на родительском собрании я говорил о тебе только хорошее. Уилл, твоя очередь. Иди сюда и покажи класс.

Уилл выбрался из-за парты, неловко постоял с минуту, а затем взял воображаемую лопату и без особого рвения воткнул в землю.

— Шахтер! — закричал кто-то.

— Золотодобытчик! — предположил другой ученик.

— Барабанщик! — завопил Картрайт.

Все, в том числе и Уилл, засмеялись. Он отложил невидимую лопату и стал укладывать кирпичи, на сей раз с большим

рвением; но со стороны выглядело так, будто он пытается вскарабкаться по стене, а не построить ее.

— Альпинист!

— Человек-паук!

Уилл опять рассмеялся и повернулся к мистеру Коулману за помощью. Тот улыбнулся и пожал плечами.

— На меня не смотри, Человек-паук!

Уилл взял воображаемый молоток и сделал вид, что забивает гвоздь.

— Рабочий! — закричал Джиндал.

Уилл указал на него и жестами попросил продолжать.

— Плотник! — выкрикнул Джиндал.

— Строитель! — предположил Картрайт.

Уилл поднял два больших пальца.

— Молодец, Уилл. И ты молодец, Картрайт! — Тот от похвалы учителя просиял так, словно получил целую тройку с минусом за контрольную по математике. — Садись, Уилл, думаю, после такого тебе надо отдохнуть.

Несколько человек похлопали Уилла по спине, пока он возвращался на место, а кое-кто даже игриво стукнул его по руке.

— Итак, — продолжил мистер Коулман, обменявшись с Уиллом кивками. — Кто следующий?

***

Игра продолжалась еще какое-то время (и шла бы дольше, если бы один из учеников не потратил добрых десять минут, неуклюже пытаясь изобразить гастроэнтеролога), но вскоре прозвенел звонок, и началось одно из тех парадоксальных перемещений, когда школьники пулей вылетают из одного класса и еле тащатся, подходя к другому.

— Уилл? — позвал его мистер Коулман, когда Уилл и Мо попытались одновременно протиснуться в дверь. — Можно тебя на пару слов?

Мальчики испуганно переглянулись, и Уилл покорно вернулся в класс — узнать, какое наказание ожидает его за неведомую промашку.

— Все нормально, Мо, — сказал мистер Коулман, заметив, что тот все еще стоит в дверях. — Твои услуги секретаря мне сегодня не понадобятся, спасибо.

Мо взглянул на Уилла, пожал плечами и закрыл за собой дверь. Уилл сел.

— У тебя неплохо получилось, — начал учитель. — Ты мог бы стать звездой кино. Ну, во всяком случае немного кино.

Уилл улыбнулся, прекратил ерзать и стал ждать, пока мистер Коулман подберет нужные слова.

— Я знаю, это не мое дело, Уилл, и наверняка тебе уже надоели чужие советы и указы, но я... ну... просто хотел сказать тебе: я понимаю. Почему ты молчишь. Не буду притворяться, будто понимаю, через что тебе пришлось пройти год назад, но я немного знаю о том, каково это — потерять близкого человека.

Уилл опустил взгляд на свои руки и принялся аккуратно чистить ноготь на большом пальце.

— Дедушка умер, когда мне было примерно столько же, сколько тебе. Впрочем, он был мне скорее как отец. Папа постоянно репетировал, а мать-медсестра часто работала по ночам, поэтому первые десять лет дедушка растил меня практически один. У него были седые волосы, а глаза — серые, как и вся его одежда, но когда он заходил в комнату, то будто бы наполнял ее светом. Он уже тогда был старым, но я думал, он останется со мной навсегда, ведь так мы обычно и думаем, разве нет? Его смерть стала для меня настоящим шоком: меня словно сбил из ниоткуда появившийся поезд, несущийся на всех парах. Я очень долго не мог говорить о нем после этого. Ни с мамой, ни с папой, ни с друзьями. Просто не знал, что сказать. Мне казалось очень странным говорить о нем в прошедшем времени, поэтому я не мог говорить о нем вообще, если ты меня понимаешь.

Уилл кивнул, все еще не сводя глаз со своих запястий.

— Однажды папа подарил мне старого плюшевого кролика. Раньше я его никогда не видел, но отец сказал, что игрушка принадлежала дедушке. Он нашел ее, разбирая вещи, и решил, что она мне понравится. Кролика звали Колин, и это, наверное, был самый жалкий кролик в мире. У него не хватало ноги, уха и целых клоков шерсти. Он выглядел так, будто его переехала газонокосилка. Но даже с одним ухом Колин прекрасно умел слушать. Я мог говорить с ним о дедушке так, как ни с кем из людей.

Уголок рта Уилла едва заметно дернулся.

— Знаю, знаю. Давай, смейся. Я тебе это рассказываю только потому, что ты никому не скажешь. Иначе меня бы, скорее всего, на следующий же день уволили.

Уилл заверил мистера Коулмана, что его секрет в безопасности: приложил палец к губам и чуть склонил голову.

— Спасибо, я очень это ценю. — Стул под учителем заскрипел: он откинулся на спинку и сложил руки на груди.

— Честно говоря, я мог спокойно говорить с кроликом, так как, в отличие от всех остальных — семьи, друзей, учителей, — он не пытался мне помочь. Не притворялся, что понимает мои чувства. Не ждал, когда я «стану таким, как прежде», — мистер Коулман изобразил в воздухе кавычки, — как будто ничего не изменилось и жизнь идет своим чередом, хотя прямо в ее центре зияет дыра. Он ничего не ждал, ведь... ну, был плюшевой игрушкой. Он мог только слушать. Это он и делал. Слушал. И это помогло. Я уже думал, что никогда не смогу снова говорить о дедушке. Но с тех пор я понял: о трудных вещах необязательно будет трудно говорить. Сложнее всего найти того, с кем поговорить: неважно, человека или кролика. Конечно, я не предлагаю тебе говорить с животными, но если ты вдруг начнешь, то не рассказывай никому, кто тебя надоумил. Впрочем, уверен, Колин с удовольствием даст тебе бесплатную консультацию. И ты всегда можешь поговорить со мной, хотя сейчас ты, наверное, уже считаешь меня сумасшедшим. Или можем поиграть в шарады, если захочешь.

Уилл улыбнулся, представив, как Мо кричит на класс из своего воображаемого такси.

— Я вот о чем, Уилл: когда происходят страшные вещи, которые мы не в состоянии осмыслить, иногда на помощь может прийти что-то столь же неожиданное. Понимаешь? Или я просто разглагольствую, как идиот?

Уилл покачал головой из стороны в сторону, как бы показывая: и того и другого понемножку.

— Что ж, мне этого достаточно. — Мистер Коулман вырвал из блокнота на пружинке листок бумаги, написал: «Прошу прощения за опоздание Уилла и Мо; я разглагольствовал, как идиот», расписался и вручил его Уиллу. — Отдайте следующему учителю, чтобы у вас не было проблем.

Уилл посмотрел на записку и нахмурился, увидев имя Мо. Мистер Коулман кивнул на дверь. Уилл обернулся и заметил, как лицо Мо исчезает в окошке.

— Ждал тебя все это время, — заметил учитель. — В шарадах он хорош, но вот прятаться не умеет. Тебе пора.

Глава 17

Когда Дэнни было двенадцать, он, пытаясь впечатлить девочку, жившую на одной с ним улице, влез на сикомор. Помимо того чтобы похвастаться своей ловкостью — как и большинство мальчишек его возраста, он считал это одним из главных признаков отличного парня, — он хотел спасти кошку, которая даже не принадлежала этой девочке (чего он на тот момент не знал) и которую не требовалось спасать (в мыслях промелькнуло нечто подобное, но он отчаянно искал повод продемонстрировать свою подростковую удаль: так почему бы не спасти кошку?). Словно подыгрывая ему, кошка спокойно ждала, пока он преодолет самые сложные участки, а когда Дэнни оказался у нее под носом (и под когтями), рванула вниз по стволу и молнией взлетела на соседнее дерево. Дэнни провисел на ветке ровно столько, чтобы понять, как глупо выглядит; нога дрогнула, и он полетел вниз.

Он чудом не задел ни одного сука: невероятная удача, благодаря которой пострадало лишь его чувство собственного достоинства. Дэнни часто думал, как повезло ему выжить и уйти с места происшествия — прихрамывая, но сохранив в целости конечности и голову. Иногда ему снились кошмары о том дне, и посреди ночи он просыпался, вздрагивая: ему чудилось, будто он снова падает. И хотя обычно он просыпался до того, как разбиться, — как того требует классический сюжет снов о падении, — тем вечером, когда Дэнни забрался в кровать после тренировки с Кристаль, ему снова приснилось, как он летит вниз под полным ужаса взглядом девочки и полным злорадства взглядом кошки. Но на этот раз он не только ударился о землю, не успев проснуться, но еще и все ветки пересчитал. Он лежал под деревом в агонии, пока звук будильника не избавил его от страданий. Дэнни медленно открыл глаза и попытался его выключить, но даже малейшее движение причиняло такие муки, словно кто-то вломился

в квартиру и всю ночь избивал его скалкой. Какое-то время он пытался понять, почему травмы из сна беспокоят наяву, а потом в его заторможенном мозге что-то щелкнуло: во сне просто проявилась его реальная боль после вчерашнего визита в клуб.

Дэнни заставил себя подняться, влез в тапочки и поковылял на кухню. Приготовил завтрак, игнорируя любопытные взгляды Уилла, и проводил его в школу. Затем медленно опустился на диван, будто в ванну с обжигающе горячей водой, и принялся размышлять над ситуацией.

Сегодня он не будет танцевать — это ясно. Как и следующие несколько дней, если только у него не откроется дар регенерации, как у Росомахи. И все же, с учетом скудности его заработка, Дэнни был уверен: простой никак не отразится на его финансовом положении. Конечно, он жалел о потерянном времени, которое мог бы потратить на тренировки, но был не в состоянии пошевелить даже пальцем, не боясь, что тот отвалится. Пришлось смириться и оттачивать все танцевальные движения только в голове.

Вспомнив разговор с Кристаль, он сполз с дивана к тумбочке под телевизором, где среди DVD-дисков и компьютерных игр отыскал «Грязные танцы». Когда-то у Лиз была видеокассета, но она смотрела этот фильм так часто, что пленка стерлась (особенно в тех местах, где Патрик Суэйзи красовался без футболки), поэтому как-то на Рождество муж подарил ей диск. Впрочем, и диск она пыталась засмотреть до дыр.

Дэнни сбился со счета, силясь вспомнить, сколько раз она предлагала ему посмотреть «Грязные танцы» вместе: сначала всерьез, а потом со смехом, когда поняла всю тщетность своих усилий. Со временем это стало их общей шуткой: Дэнни каждый раз выдумывал всё более сложные отмазки. Он собирался однажды уступить ей — тогда, когда она будет меньше всего этого ждать, либо согласиться, либо самому предложить посмотреть. Ему даже в голову не приходило, что этот день никогда не наступит, а шутка будет казаться не смешной, а невыносимо жестокой. И сейчас, с первыми аккордами песни

в заставке, Дэнни взял фотографию Лиз и «посадил» рядом на диван.

— Лучше поздно, чем никогда, да? — сказал он жене сквозь слезы, когда начался вступительный монолог Бэби Хаусман. — И никаких спойлеров, договорились?

Следующие полтора часа они провели вместе. Дэнни делал заметки, извиняясь всякий раз, когда ему приходилось отматывать какую-нибудь сцену назад, чтобы записать что-то о движениях ног Дженнифер Грей или гладко выбритом торсе Патрика Суэйзи. Он обрадовался, когда Джонни Касл вытащил Бэби из ее угла. А на финальных титрах он прижал Лиз к груди и заплакал так горько, что у соседней завывала собака. Он оплакивал все свои упрямые отказы потанцевать с ней — а он вечно говорил ей «нет», — и то, что отпускал ее танцевать одну. На самом деле Лиз это даже нравилось, но теперь, стоило ему представить ее посреди площадки, в толпе незнакомых людей, а себя — наблюдающим со стороны... сердце разрывалось. Он больше заботился о том, как не выставить себя дураком, чем о том, как заставить ее улыбнуться, — и об этом тоже плакал; а затем не мог не рассмеяться от мысли: человек, боявшийся танцевать из страха показаться смешным, теперь делает заметки, чтобы научиться хорошо двигаться в костюме панды. Дэнни не мог понять, как оказался в таком положении, но знал: Лиз бы им гордилась. Злилась бы — как он мог так долго откладывать со своими первыми па? — но гордилась бы.

Промокнув глаза рукавом, Дэнни стал искать всевозможные фильмы о танцах. Начал с перечисленных Кристаль, а потом составил список забытых ею. «Лихорадка субботнего вечера». «Поющие под дождем». «Мулен Руж». «Шаг вперед» (все части, даже последняя). «Мой парень — псих». «За мной последний танец». «Супер-Майк». «Ла-Ла Ленд». И все старые клипы Торвилл и Дина¹³, которые только смог найти. Следующие два дня он занимался только этим: запускал фильмы, когда Уилл уходил в школу, и смотрел до его возвращения, после его отхода ко сну и до пробуждения, вставая с дивана лишь затем, чтобы

сбегать в туалет, принести еды с кухни или размять затекшие, но уже оживающие мышцы.

Достаточно восстановившись, Дэнни начал отрабатывать движения, показанные Кристаль и подсмотренные в фильмах. Он скачал приложение с метрономом, включал его и изо всех сил старался попасть в ритм, когда чистил зубы, подстригал ногти или барабанил пальцами по обеденному столу. Идя от входной двери до кухни и обратно. Кивая и двигая плечами. Намывая окна впервые после смерти Лиз, а потом намывая их снова — до тех пор, пока открывающийся вид не показался ему симпатичнее. Отскребая пятно, оставленное на ковре грязными ботинками. Нарезая морковь на ломтики. Потом ломтики на кусочки. Потом — на кусочки помельче. В то время они ели много моркови, хотя ни он, ни Уилл не были от этого в восторге. Морковь ли помогла, или метроном, или Кристаль, или Джонни Касл, но, вернувшись через пять дней в парк, Дэнни понял: что-то изменилось. Его танцевальные способности всё еще оставляли желать лучшего, но он хотя бы отточил их до такой степени, чтобы собрать небольшую толпу. И если раньше те немногие, кто останавливался поглазеть, смотрели на него, как на дохлую мышь у себя в сэндвиче, то новым зрителям, кажется, нравились его выступления: может, публика и не рукоплескала, но охотно отдавала ему мелочь. В первый день после возвращения он заработал больше, чем за все предыдущие. И хотя до того, чтобы собрать всю сумму для Реджа, было еще далеко, Дэнни с радостью признал: его усилия оказались вознаграждены.

Казалось, день и так уже сложился лучше некуда, но тут Дэнни просиял, увидев несущегося через парк Эль-Магнифико в наряде, похожем на фиолетовый домашний халат.

— Где она?! — рявкнул фокусник. Без мантии он выглядел бледным и хрупким, как краб, которого вытащили из панциря.

— Ты что это, халат надел? — Дэнни, сняв маску, разглядывал его наряд.

— Да! И ты сам знаешь почему, пушистый гаденыш!

— Надеюсь, под ним что-нибудь есть.

— Кончай паясничать, хорек! Где она?!

— Какая еще «она»? — Дэнни изо всех сил пытался сохранять серьезность.

— Сам знаешь! — воскликнул Эль-Магнифико. — Где мантия?!

— Какая мантия?

— Сам знаешь какая!

— Прости, Ла-Фантастико, я понятия не имею, о чем ты.

— Это не мое имя, тебе это известно! И ты прекрасно понимаешь, о чем я! Вы с этим шутом гороховым ее сперли! — Он указал на Тима через парк.

— У тебя украли мантию?! Ужас. В наши дни никому нельзя доверять, да? — Дэнни снова натянул маску, пряча улыбку.

Эль-Магнифико затрясся. У него задергался глаз.

— Погоди. Ты просто злишься или пытаешься меня поджечь? — уточнил Дэнни.

— Ты за это заплатишь! — Провозгласив угрозу, Эль-Магнифико двинулся прочь. Халат вздымался у него на плечах, как свирепый подписчик, ищущий мальчишку-газетчика, который испортил его экземпляр «Телеграфа».

Дэнни сел на землю и, посмеиваясь, стал завязывать шнурки, готовясь к следующему выступлению.

— Привет, — сказал голос: чужой, но в то же время почему-то знакомый.

Дэнни уставился на свои ботинки. От волнения у него побежали мурашки, кровь громко застучала в ушах. Он глубоко вдохнул и поднял голову. Прямо перед ним стоял сын.

— Спасибо еще раз, что помог тогда.

Дэнни кивнул, не зная, что еще сделать. Повисло неловкое молчание.

— Кстати, что ты за животное? — Уилл накрутил на руку галстук и снова растянул его. — Панда, да?

Дэнни снова кивнул, смутно осознавая, что Уилл — первый, кто угадал правильно; но он был слишком ошеломлен, чтобы этому порадоваться.

— Почему ты не разговариваешь?

Дэнни замер, пытаясь решить, как ответить на вопрос, когда нельзя просто кивнуть или покачать головой. Бросив взгляд на сумку у ног, он вытащил блокнот, в который записывал свои доходы, и накорябал ответ печатными буквами, чтобы Уилл не узнал его ужасный почерк.

«Потому что я панда», — гласила записка.

— Понимаю, — улыбнулся Уилл. — Ну что ты не хочешь разговаривать. Я тоже не говорю.

«Точно?» — написал Дэнни.

— Ну, обычно не говорю. Ты первый, с кем я заговорил за год. И первая панда, с которой я заговорил... в жизни, наверное.

«И как тебе?»

— Не знаю, — пожал плечами Уилл. — Нормально. Странно. И то и другое.

«Почему ты замолчал?» — написал Дэнни. От жгучего желания получить ответ на вопрос, который мучил его со дня аварии, у него чуть дрогнула рука.

Уилл медлил так долго, что Дэнни решил: он снова потерял сына.

— Сложно объяснить, — наконец сказал мальчик.

«Попробуй, — попытался настоять Дэнни. — Панды отлично умеют слушать».

В доказательство он потрепал побитое молью ухо и случайно оторвал его с концами.

— Может, в другой раз. — Уилл подал Дэнни упавшее ухо. — Мне пора.

Ручка зависла над листом: отец силился придумать, как продолжить этот разговор, но, когда закончил писать, Уилл был уже на полпути к выходу из парка. Дэнни взглянул на бумажку и вздохнул.

«Подожди», — гласила надпись.

Глава 18

— Привет, Уилл! — крикнул Дэнни, захлопнув входную дверь, и стал взволнованно расхаживать по квартире. — Эй, Уилл! Ты дома, приятель?

В тот день он рано ушел из парка: не мог сосредоточиться ни на чем другом, кроме неожиданной встречи с сыном. Даже сейчас, несколько часов спустя, произошедшее казалось ему нереальным, будто его как по волшебству излечили от смертельной болезни.

Уилл играл со своим айпадом на кровати.

— Вот ты где! — воскликнул Дэнни. Стараясь придать себе непринужденный вид, он как бы невзначай прислонился к косяку, но потом вспомнил, что никогда так не стоит, а значит, наверное, выглядит подозрительно, и отстранился. — Как твой день?

Уилл пожал плечами и снова уткнулся в планшет.

— Что-нибудь интересненькое? — как ни в чем не бывало продолжил Дэнни.

Сын покачал головой, не поднимая взгляда.

— В школе все нормально?

Мальчик кивнул, все еще не отрываясь от экрана.

Дэнни сменил тактику.

— Что хочешь на ужин?

Сын пожал плечами.

— Можем заказать что-нибудь. Пиццу. Бургеры. Куриные крылышки. Только скажи.

Уилл наконец отложил планшет и посмотрел на Дэнни.

— Любое блюдо, — продолжил отец: сейчас он напоминал собачку, ждущую, когда ей бросят мячик. — Только скажи.

Уилл прищурился. На долю секунды его рот приоткрылся; казалось, он вот-вот заговорит. Дэнни подался вперед, готовый ловить каждый звук, но услышал только, как сын оглушительно

чихнул. Мальчик вытер нос, пожал плечами и снова уставился в айпад.

Дэнни медленно вышел из комнаты и, закрывая дверь, мысленно упрекал себя за веру в то, что все будет так просто. Однако он не смог сдержать улыбку, вытаскивая ледяную лазанью из пустынной морозилки, которую давно пора было разморозить. Он продолжал улыбаться даже на следующее утро, по дороге в парк.

***

В тот день Дэнни танцевал для самой большой толпы, которую ему удалось собрать. Перед ним стояло как минимум тридцать человек. Никто не пришел из-за его безупречных движений — они таковыми не являлись. И не из-за его идеального чувства ритма — Дэнни не особо попадал в такт. Их привлекло то, что этот парень, пусть и не самый способный, все равно выкладывался на полную катушку. Он выступал с энергией, которой на самом деле не чувствовал, двигался с уверенностью, значительно превосходившей его навыки, и без своего извечного страха показаться смешным. Нет, смешным он все равно выглядел, но Дэнни это не волновало — только не в тот день. Он не замечал окруживших его людей. Как и Эль-Магнифико, хмуро глядевшего на него через парк. Он не видел, не слышал и не чувствовал ничего, кроме музыки. Когда трек закончился и Дэнни поклонился, он улыбался вовсе не из-за звона монет, падавших ему в контейнер. Его согрели аплодисменты — *настоящие* аплодисменты. Он даже не заметил деньги, пока зрители не разошлись, а затем с удивлением обнаружил: одно пятиминутное выступление принесло ему больше десяти фунтов мелочью.

К вечеру он заработал больше шестидесяти фунтов и горстку пенни, а к концу недели — почти половину своей зарплаты на стройплощадке, и получил при этом гораздо больше удовольствия. Впервые с тех пор, как он стал танцующей

пандой, Дэнни почувствовал: может быть, не такая уж это безумная затея.

— Чтоб меня! — воскликнул Тим, увидев, как Дэнни пересчитывает деньги. — Сдается мне, пора начать одевать Милтона в костюм животного!

— Милтон и так животное. — Дэнни кивнул коту.

— Людям разонравились кошки. Им нравятся панды. Теперь ты главное развлечение в парке. Глянь-ка, деньги так и текут!

— Едва ли. Я все еще не могу заплатить за квартиру.

— Может, тогда тебе поможет это. — Тим вытащил из нагрудного кармана флаер и протянул Дэнни.

— Что это? — спросил тот, сжав бумажку пушистыми пальцами.

— Батл уличных артистов. Через месяц. Главный приз...

— Десять штук! — вскрикнул Дэнни. — Чтоб меня!

— Должно помочь с платой за квартиру.

— Только если я выиграю.

— Что ж, тогда постарайся.

— Погоди. — Дэнни вытащил из кармана телефон. — А сколько времени?

— Почти четыре.

— Блин! — Дэнни похлопал по флаеру тыльной стороной ладони. — Я опоздал. Регистрация закрылась в три.

— Знаю, — кивнул музыкант, — поэтому вписал тебя еще утром.

— Ты серьезно? — воскликнул Дэнни. Тим кивнул. — Я сейчас очень хочу тебя обнять. Можно тебя обнять?

— Не стоит. Милтон слегка ревнив. В общем-то именно из-за него у меня нет девушки. Из-за него и из-за моей физиономии.

— Понял. Обойдемся рукопожатием?

— Пожалуй, это лучший вариант, — ответил Тим.

Они пожали руки.

— Кстати, почему ты мне помогаешь? — поинтересовался Дэнни. — Разве мы не будем соперниками?

— Ага, но гораздо важнее, что мы будем противостоять Эль-Магнифико, а чем больше у него конкурентов, тем меньше его

шансы забрать приз. Я не против проиграть тебе. Но не этому Дэвиду Попенфильду.

Дэнни уставился на флаер в полной уверенности, что ближе к призовым деньгам ему уже не подобраться. Его шансы на победу были меньше крошечной сигаретки у Тима за ухом, но он знал: попытаться нужно. А еще — если он хочет хотя бы побороться за приз, ему понадобится вся возможная помощь.

***

Гремела музыка, мерцали огни стробоскопа; разочарованные женщины танцевали перед шумными мужчинами с зализанными волосами и влажными от пота воротничками. Дэнни протиснулся сквозь толпу к бару, где Везувий обслуживал клиентов. Тот, заметив его, подмигнул.

— Вернулся за поцелуем?

— Приберегу его на черный день, — улыбнулся Дэнни.

— А сегодня не черный? — Везувий кивнул на влажные темные пятна на его футболке.

Дэнни опустил взгляд и поморщился: он был весь в чужом поту.

— Если бы. — Он взял со стойки бесплатную салфетку и принялся осторожно вытираться. — Кристаль здесь?

— А почему тут, по-твоему, столько народу?

Приглушенный рокот толпы нарастал по мере того, как стихала музыка.

— Ты как раз вовремя, — сказал Везувий, указывая куда-то через плечо Дэнни. Свет погас, и зал погрузился в темноту.

Дэнни обернулся. Лучи нескольких прожекторов скрестились на пустом подиуме с шестом на фоне темно-красного занавеса. Посетители отпихивали друг друга, пытаясь занять места поближе к сцене в ожидании гвоздя программы. Стены и пол задрожали от такого глубокого баса, что Дэнни почувствовал, как звук проникает ему под кожу. Пару секунд спустя из-за занавеса под свет прожекторов выскользнула Кристаль в ковбойской шляпе, сапогах и с ремнем на бедрах, на котором

висела кобура. На ней было белье из таких узеньких полос коровьей шкуры, что животное, скорее всего, и не заметило пропажи.

Толпа заревела и засвистела: Кристаль подошла к шесту. Какой-то мужик попытался ухватить ее за ногу, но получил нехилый пинок в лицо.

— Молодец! — сказал Везувий с истинно отеческой гордостью.

До этого дня Дэнни был в мужском клубе лишь однажды. Вскоре после того, как он стал работать с Альфом, один из каменщиков пригласил всех на мальчишник. Изначально планировался рейд по барам, но затем самбука полилась рекой, и кто-то предложил отправиться в «Бульвар Сансет», стрип-клуб с дурной славой. Дэнни позвонил Лиз, объяснил ситуацию (он надеялся, что она запретит ему туда соваться, но, кажется, она сочла поход мужа в стрип-клуб просто уморительно смешной идеей) и неохотно поплелся вместе со всеми. Он не горел желанием совать деньги, которых у него не было, в трусы незнакомым женщинам, но проработал на стройке всего пару недель и не хотел, чтобы его запомнили как единственного, кто рано удрал с вечеринки.

Дэнни отдал свой входной билет, дававший право на один бесплатный танец, коллеге. Но тот вручил его одной из стриптизерш и указал на Дэнни, который и глазом не успел моргнуть, как у него на коленях устроилась костлявая девочка-подросток с прямыми светлыми волосами и глазами темнее, чем переулочек в Уайтчепеле¹⁴. Ему не хотелось обижать ее просьбой слезть, да и сбросить ее он не мог — его бы отметелили клубные вышибалы, казалось, только и ждавшие, чтобы кто-нибудь нарушил запрет и прикоснулся к работнице. Пришлось пережить две минуты неловкой возни. Дэнни уставился в потолок, а девица дергалась у него на коленях, положив руки ему на плечи и устремив взгляд куда-то между ним и мрачным мужиком, следившим за ней из угла. Когда все закончилось и он робко положил чаевые — не в подставленную

подвязку, а прямо ей в руки, — девушка даже не улыбнулась, а просто слезла с него и забралась на следующего клиента, которого указал мужик в углу. Эротика во всем этом было примерно столько же, сколько в поездке в «Икею». Дэнни предпочел бы «Икею», хотя вообще-то терпеть ее не мог. У стриптизерши был такой вид, будто она с большей готовностью сиганула бы с тарзанки без веревки, чем села на колени к незнакомцу. Но, наблюдая за тем, в какой восторг приводит толпу Кристаль, Дэнни не мог не заметить: ей это очень нравится. Она танцевала не для мужчин, расталкивавших друг друга локтями, чтобы бросить к ее ногам деньги, которые могли бы потратить на ипотеку или репетиторов для детей. Она танцевала для себя, и они платили ей за это.

— Красиво, правда? — подмигнул Везувий.

Дэнни прекрасно понял, что он имел в виду. Кристаль не просто выступала: она анализировала, сканировала лица, следила за языком тела, изучала личности, находила слабости, давила на запылившиеся от неиспользования кнопки и манипулировала людьми, сталкивая их лбами. Она могла заставить главного скупера в зале раскошелиться, просто уделив больше внимания его соседу. Могла отобрать последнюю десятку у бедняка и все равно заставить его почувствовать себя богачом. Могла сделать так, чтобы последний неудачник ощутил себя так, словно выиграл в лотерею, всего лишь вовремя подмигнув. А когда, увидев Дэнни, она послала ему мимолетную улыбку, даже он испытал неясное теплое трепетание внутри, которое не прекращалось до тех пор, пока она не закончила выступление и не присоединилась к нему у бара.

— Ты же вроде обещал оставить меня в покое. — Кристаль жадно глотнула воды из протянутой Везувием бутылки.

— Хочу показать тебе кое-что. Возможно, тебе будет интересно, — произнес Дэнни как раз тогда, когда мимо проходила Фэнни. Та бросила на него подозрительный взгляд. — И нет, Фэнни, это не то, что ты подумала.

Женщина ухмыльнулась и исчезла в подсобке.

— Вот. — Дэнни развернул флаер и положил его на стойку.

— Что это такое? — Кристаль в замешательстве вглядывалась в листок.

— Батл уличных артистов. Победитель получит десять тысяч.

— Спасибо, капитан Очевидность. Я имею в виду, почему ты мне это показываешь?

— Я буду участвовать, — ответил Дэнни.

— Поздравляю.

— И собираюсь победить.

— Так держать.

— С твоей помощью.

— Да ну? — бросила девушка. — Это как же? Мне убить остальных конкурсантов?

— Научить меня всему, что знаешь.

— За месяц?

— Ага. Ну, за три с половиной недели.

— Ты пьян? — Кристаль повернулась к Везувию. — Он пил? Тот пожал плечами.

— Я серьезно, — продолжил Дэнни. — Думаю, мы справимся.

— Нет, Дэнни, не справимся.

— Поделим выигрыш. Пятьдесят на пятьдесят. Ровно пополам.

— Невозможно.

— Возможно. Надо просто поделить на два. Это просто!

— Нет же, тупица. Я другое имею в виду: нам не хватит времени.

— Хорошо, а если шестьдесят на сорок?

— Дэнни, дело не в деньгах, а...

— Ладно, семьдесят на тридцать, и это мое последнее предложение.

— Ты до сих пор должен мне сотню! — не выдержала она.

— И сто фунтов сверху, естественно.

— Дэнни, я бы помогла, если бы могла, правда. Но ты слишком сырой для конкурса, и тебе ни за что не подготовиться, даже если будешь заниматься двадцать четыре часа в сутки. На твоём месте я бы выкинула это из головы и сосредоточилась

на простых элементах, которые я тебе показала. — Она швырнула пустую бутылку в мусорку и поправила свой ковбойский лифчик. — Мне надо работать.

— Подожди! — воскликнул Дэнни, когда она повернулась уходить.

— Извини, Дэнни.

— Пстой, просто послушай меня одну секундочку, пожалуйста!

Кристалль вздохнула и жестом позволила ему продолжать.

— У меня есть сын, Уилл. Ему одиннадцать. Он был в машине, когда жена разбилась, и с тех пор не произнес ни слова. Серьезно, вообще ни одного! Ему ни к чему лишние проблемы, честно. Вот почему я не говорил ему, что потерял работу, и подавно не говорил, что теперь я чертова панда! Он думает, я по-прежнему вкалываю на стройке и могу платить за квартиру, хотя на самом деле нет, и через месяц убудочный домовладелец нас вышвырнет, вот только сначала переломает мне все части тела, которые, по его мнению, мне дороги, — просто вот такой он убудок! И единственный способ избежать всего этого — победить на конкурсе. Знаю, шансов мало и затея почти безнадежная, но я должен попытаться! Если нет, то я в полной заднице. Пожалуйста, помоги мне! Я никогда никого ни о чем не просил, но тебя умоляю!

Кристалль помотала головой, но не отказываясь, а словно вопрошая: «Какого маленького пушистика я убила в прошлой жизни, какую старушку обманула, чтобы заслужить такое наказание?» Она обернулась к Везувию, не пропустившему ни слова из этого разговора.

— Ну? — спросила она.

Везувий посмотрел на Дэнни. Тот постарался принять жалкий вид: в последнее время ему это очень хорошо удавалось. Везувий перевел взгляд на Кристалль и кивнул.

— Seriously?! — воскликнула девушка, раскинув руки, словно она статуя Кристалль-искупительницы над Рио-де-Жанейро.

Везувий пожал плечами.

— Не ожидала от тебя, Зуви, — вздохнула она. — Ладно. Так и быть. Помогу. Главное, чтобы ты понимал: нам не выиграть.

— Правда?

— Что нам не выиграть? Абсолютная.

— Что ты сможешь, — уточнил Дэнни.

— Сказала же. Понедельник. Восемь утра. Не опаздывай!

— Спасибо! — воскликнул Дэнни. — Серьезно. Ты не представляешь, сколько это для меня значит. Ты такая... Зараза!

— Ты совсем?..

— Да не ты! — выпалил он, пока Кристаль его не ударила. — Тот мужик!

Дэнни указал на смертельно-бледного мужчину с худым лицом, стоявшего у Кристаль за спиной.

— Он. Из-за него меня уволили!

Неподалеку от сцены беседовали трое мужчин в черных костюмах. Видок у них был такой, словно они только что с похорон. Причем в роли покойника явно выступал Виктор: его бледное лицо в холодном белом луче прожектора казалось почти прозрачным.

— Так это он во всем виноват?!

Дэнни кивнул. Сжав челюсть, он смотрел на Виктора точно так же, как Эль-Магнифико — на того, кого отчаянно хотел поджечь.

— Зуви, — воскликнула Кристаль, — передай микрофон, пожалуйста.

Она скрылась за дверью в глубине бара. Дэнни все еще удивлялся, куда она пропала, когда зрители в зале вдруг начали хлопать и кричать. Он обернулся и увидел Кристаль, стоявшую в центре сцены в окружении клиентов, явно ожидавших танец на бис.

— Вам весело? — выкрикнула она и направила микрофон в толпу.

Зрители согласно завопили.

— Так и думала. Поиграем немного?

Толпа снова разразилась одобрительными возгласами.

— Приз — приватный танец с вашей покорной слугой... — Она дождалась, пока зал успокоится. — Его получит тот, кто первым окунет головой в унитаз вон того мужика!

Везувий погасил лампы и направил единственный оставшийся луч прямо на Виктора. Тот хотел прикрыть глаза ладонью, но остальные решили, что он тянет руку: мол, вот он я, и мне реально нравится роль человека-ершика.

— И пусть победит сильнейший! — Под возглас Кристаль толпа накинулась на еще сильнее побледневшего Виктора и поволокла его в сторону туалета.

Глава 19

Парень с прической, состоящей, кажется, из одного гигантского дреда, медленно толкал перед собой дребезжащую тележку с напитками. Дэнни наблюдал за ним с лавочки. Маска лежала рядом. Она насквозь пропиталась потом после нервной и абсолютно провальной попытки панды изобразить свою версию «Гангам-стайла».

Дэнни купил банку пепси (хотя при ближайшем рассмотрении это оказалось нечто под названием «Попси») и приложил ко лбу, наблюдая, как пожилая дама в слишком толстом для такого солнечного дня кардигане пытается пристегнуть поводок к ошейнику чересчур подвижного бигля. Стоило ей приблизиться к собаке на расстояние вытянутой руки, как бигль тут же убежал, а потом терпеливо ждал, пока она не подойдет снова, — и так до бесконечности. Заметив Дэнни — или почуяв странный запах, исходивший от его костюма даже после стольких стирок, — пес подбежал и с любопытством понюхал покрытую мехом ногу, словно решая: укусить, запрыгнуть на нее или написать. Он все еще пребывал в раздумьях, когда пожилая дама подкралась сзади и защелкнула карабин поводка. Она заговорщицки кивнула Дэнни, словно они годами вместе ловили собак. Кивнув в ответ, тот проводил старушку взглядом: бигль пытался запутать поводок так, чтобы та споткнулась.

Дэнни едва успел надеть маску, как вдруг совсем рядом раздался голос.

— Ты так целыми днями и сидишь в парке?

Перед ним возник Уилл. Дэнни нашарил неуклюжими лапами блокнот и ручку.

«Это лучше, чем сидеть посреди шоссе», — написал он.

— Неужели у тебя нет работы или какого-нибудь занятия?

«Я панда. Это и есть моя работа».

Уилл улыбнулся, снял рюкзак и устроился рядом на лавочке.

«Разве у тебя нет работы?» — написал Дэнни.

— Ага, есть, — Уилл снял галстук и намотал на руку. — Школа. Вкалываешь дни напролет и не получаешь ни гроша. Худшая работа на свете.

«Да, моя мне больше по душе».

— Мне тоже, — согласился Уилл. — Только не сегодня.

Прищурившись, он бросил взгляд на солнце.

— Слишком жарко для панды.

«Нормально. У панд есть сложные охлаждающие механизмы».

— Правда? Какие?

Дэнни показал ему банку «Попси».

— Очень сложно, — заметил Уилл, закатив глаза.

Дэнни уставился на непочатый напиток, не понимая, как сделать глоток, не раскрыв при этом своей личности.

— Головоломка мистера Картера, — сказал Уилл будто бы самому себе.

Отец посмотрел на него в замешательстве.

— Это с урока математики. Наш учитель, мистер Картер, пишет задачу на доске в начале каждого урока, а в конце выбирает того, кто должен ее решить. Он называет это головоломками. Ненавижу их.

«Почему?» — написал Дэнни: он не знал, к чему приведет эта беседа, но не хотел, чтобы сын замолчал.

— Никогда не могу их понять. Иногда я знаю ответ, но чаще нет, и тогда сижу тихо, опускаю глаза и надеюсь, что меня не вызовут, — Уилл на минуту задумался. — Сложно объяснить, но, в общем-то, из-за этого я и перестал говорить.

«Из-за математики?» — написал Дэнни и мысленно пометил себе: найти этого мистера Картера и задать ему головоломку собственного сочинения.

— Нет, — ответил Уилл, — не из-за математики. Просто... ну, в прошлом году случилось кое-что плохое. Очень плохое, и в этом не было никакого смысла.

Он потянул за конец галстука, и тот затянулся вокруг руки, как крошечный удав.

— Это было как задачи мистера Картера, только в миллион раз хуже. Я не знал, что делать, и поэтому поступил так же, как всегда делал на уроках математики.

«Замолчал и надеялся, что тебя оставят в покое?» — написал Дэнни. Уилл кивнул. Дэнни мысленно исправил свою пометку: «Подкараулить мистера Картера на школьной парковке».

— Я думал, все пройдет, если не придавать этому значения. Думал, если я не буду привлекать внимания, то проблема рассосется сама собой. — Уилл развернул галстук и снова принялся наматывать на руку. — В голове это звучало логично. А теперь — просто странно.

Вот оно. Все оказалось так просто. После четырнадцати месяцев вопросов Дэнни наконец-то получил ответ. Он откинулся на спинку лавочки, ожидая, что его накроет волной облегчения, но когда оно все-таки пришло, то показалось ему не волной, а скорее струйкой. Куда сильнее он ощущал тоску: потому что Уилл страдал молча, потому что он, Дэнни, допустил все это, и потому, что потребовались такие нелепые обстоятельства, чтобы узнать правду.

Он поймал на себе взгляд Уилла, схватил блокнот и накорябал:

«Это не странно».

— Спасибо.

«Странно разговаривать с пандой».

— Мой учитель говорил с одноухим кроликом по имени Колин.

Дэнни оставил это замечание без ответа.

— И потом, если я странный, раз разговариваю с пандой, то ты тогда какой?

«Очень странный».

— Тогда, похоже, мы просто два чудака в парке, — заметил Уилл.

«Меня это устраивает».

— Меня тоже, — улыбнулся мальчик.

Дэнни отметил себе: надо будет объяснить Уиллу, как опасно разговаривать с чудаками в парках.

Он смотрел на сына, тщательно обдумывая свой следующий шаг. В обычных обстоятельствах можно было бы вежливо спросить о прошлогодних событиях, но Дэнни и так слишком хорошо знал эту историю и не хотел вынуждать сына говорить против воли (хотя если прошедшие месяцы его чему-то и научили, так это одному: Уилла просто невозможно заставить говорить, если он не желает). Но опять же, вдруг он на самом деле хотел об этом поговорить? И если Дэнни не задаст свой вопрос, то лишит сына первого и, может быть, единственного шанса открыться? Дэнни в нерешительности уставился на блокнот у себя в руках.

— Кто-нибудь из твоих знакомых умер? — спросил Уилл.

Дэнни задумался, как ответить на этот вопрос. Он не собирался говорить Уиллу, кто он, но и врать тоже не хотел. Он и без того жалел о том, как по-дурацки все сложилось.

«Да», — написал он, надеясь избежать дальнейших расспросов.

— Ты скучаешь по этому человеку?

Дэнни кивнул. «Очень». Пока сын беспокойно ерзал рядом, он прислушался к парочке воробьев, чирикавших на ветках прямо над ними.

— Моя мама погибла в автокатастрофе, — сказал Уилл. — Это случилось больше года назад, но мне до сих пор ее очень не хватает.

Голос мальчика звучал глухо, словно тот пытался спрятаться.

— Очень странно произносить это вслух.

Ручка Дэнни зависла над блокнотом. Он мог бы написать ему столько всего — столько всего, что смущенно бормотали люди на похоронах и после них («Мне жаль. Очень жаль. Сочувствую твоей утрате. Богу нужен был еще один ангел» — Господи, как он ненавидел это выражение!), и хотя все это говорилось из лучших побуждений, слова ровным счетом никак не влияли на его чувства.

«Наверняка она была замечательной мамой», — написал Дэнни.

— Да. — Уилл выдернул нитку из рукава и бросил на землю. — Самой лучшей на свете.

Какое-то время они сидели молча, глядя в разные стороны, но думая об одном и том же.

— Отстойно, когда люди умирают, да? — наконец сказал Уилл.

«Полный отстой».

Дэнни смотрел на парня с тележкой: тот пытался починить сломанный зонтик. Стоило ему распрямить прутики с одной стороны, как зонт складывался с другой; а когда парню наконец удалось раскрыть его целиком, налетел ветерок — и снова все перевернул. Проходившая мимо парочка рассмеялась, но Дэнни хорошо знал, как сложно удержать то, что рассыпается прямо у тебя в руках.

— Хочешь, расскажу одну глупость? — спросил Уилл. Дэнни жестом попросил его продолжать. — Я хочу поговорить с ней о случившемся. Поговорить с мамой о том, что ее больше нет. Она всегда помогала мне в таких случаях.

Кивнув, Дэнни вытер глаза тыльной стороной ладони, забыв про маску на лице.

«А с папой ты поговорить не можешь?» — написал он.

Сын покачал головой.

— Это не то. Мама — это мама, но она была мне еще и другом, понимаешь? А папа... он ну... просто папа. Все время работает, очень рано уходит и поздно возвращается, поэтому обычно мы все делали вдвоем с мамой.

«Чем вы занимались?» — написал Дэнни.

Уилл пожал плечами.

— Всяким. Однажды ездили в Брайтон. И в Стоунхендж. Было круто. А еще она готовила потрясающие блинчики! По тайному рецепту, который достался ей от бабушки. Она его прятала в кулинарной книге. Иногда я достаю этот листок, сам не знаю — зачем. Наверное, просто проверить, на месте ли он. Когда мама умерла, мы остались вдвоем с папой, и все... даже не знаю... изменилось.

«Будто ты живешь с кем-то чужим?»

— Ага. Чужим. Он ведь ничего обо мне не знает. До сих пор думает, что мне нравится Паровозик Томас, хотя я уже в средней школе. Думает, я люблю арахисовое масло, а я его терпеть не могу. И мы никогда ничего не делаем вместе, как с мамой. Он даже почти не говорит о ней.

«Может, для него это слишком болезненно», — Дэнни хотел, но не мог вычеркнуть первое слово.

— Может, — согласился Уилл. — Или он просто хочет о ней забыть.

Дэнни с такой яростью принялся выводить буквы, что ручка громко заскребла по бумаге.

«Это неправда!» — гласила надпись. Дэнни подчеркнул ее двумя линиями.

— Откуда ты знаешь? — нахмурился Уилл.

Дэнни захотелось схватить его за плечи и все-все-все объяснить. Он не забыл Лиз, не смог бы ее забыть ни за что на свете — даже через миллион лет, даже когда мир рухнет, развалится на мелкие кусочки, которые распадутся на крошечные пылинки в самых дальних уголках космоса — и даже тогда она останется с ним; когда его поглотит пустота и неизвестность, он обрадуется бесконечному мраку, ведь она будет рядом. Но он не мог сказать ничего из этого и потому просто написал первый пришедший ему на ум довод.

«Я же панда».

Уилл улыбнулся.

— Как скажешь. — Мальчик встал и набросил на плечи рюкзак. — Пожалуй, мне пора.

«Рад был поговорить».

— Ты же ничего не сказал!

Дэнни зачеркнул слово «поговорить» и написал «послушать».

— Так лучше, — кивнул Уилл. — Увидимся.

Он направился к выходу из парка. Светлые волосы развевались на ветру. Дэнни смотрел, как удаляется его фигурка, пока она совсем не скрылась из виду. Только после этого он снял маску и спрятал лицо в ладонях.

Глава 20

Тем вечером, когда Уилл ушел спать — или притворился, будто идет спать, а сам тайком играл с айпадом, — Дэнни пролистал страницы в блокноте, где делал заметки в образе панды. Между своими репликами он наспех вписал все, что сумел вспомнить из сказанного Уиллом, чтобы сохранить хоть какое-то, пусть и неидеальное, напоминание о, возможно, последнем разговоре с сыном. Резким движением Дэнни подчеркнул некоторые слова и предложения. «Ничего не знает обо мне». «Чужой». «Может, он просто хочет о ней забыть». «Даже никогда не говорит о ней». Каждая фраза по-своему причиняла ему боль, но больше всего ранило одно-единственное слово, которое он обвел несколько раз. Целиком предложение звучало так: «Мама была мне другом, но папа — он просто папа». Дэнни то и дело возвращался к слову «просто». Он не считал этот укор жестоким или несправедливым: это была правда. Он и впрямь был просто папой. Не другом. Он не знал его так, как знала Лиз. Та могла бы составить о сыне целую энциклопедию. Она знала все, начиная с размера ноги и заканчивая тем, кто, по его мнению, должен был победить — стегозавр или трицератопс, случись между ними схватка. Какая стрижка нравится ему больше всего. В каких местах его щекотать. Когда Уилл был младше, она могла назвать имена всех его плюшевых игрушек, даже если он сам их забывал (или притворялся, будто забыл). Она знала его любимое блюдо и любимый цвет, знала, чего он боится и что можно найти у него в кармане в определенный день. Знала, какую конфету он выберет, если получит целую банку, и куда потом денет фантик. Если бы Уилл отправился в путешествие во времени, она бы точно сказала, в какой эпохе его искать и в каком замке. Лиз знала, какой десерт он закажет в кафе, как разделается с воппером из «Бургер Кинга», какую фишку выберет в «Монополии» и какие улицы купит. Ну а Дэнни провел столько бесконечных часов жизни сына на стройке — не

из любви к работе, а чтобы обеспечить тому лучшую жизнь, — что буквально ничего не знал. Вкалывая без конца, он в каком-то смысле лишал Уилла отца, не отдавая себе в этом отчета. Не то чтобы он мог как-то изменить ситуацию. У Дэнни не было выбора, кроме как работать сверхурочно. Он не мог просто выйти, когда надо, и остаться дома, когда нет. Надо было пахать постоянно, что он и делал. Иногда Лиз в шутку называла его трудоголиком, и это была чистая правда. Но они оба знали: дело не в жадности, а в нужде. Даже с учетом зарплаты Лиз после покупки продуктов и оплаты квартиры и счетов у них оставалось совсем мало денег. После ее смерти стало еще хуже, поэтому Дэнни работал даже больше, чем прежде.

И все же деньги были не единственной причиной. Как-то раз Дэнни пришлось работать со столяром, у которого на каникулах утонула дочка. Вот она плескалась у берега — а уже через минуту пропала: девочку утащило в море огромной волной, а когда она схлынула, было поздно. Два дня спустя тот столяр уже вернулся на стройку, и Дэнни никак не мог взять в толк почему. Он думал, человеку, пережившему такую невыразимую трагедию, будет не до работы; но, потеряв Лиз, он наконец-то понял тот поступок столяра. Когда все происходящее утрачивало смысл, когда разум превращался из верного друга в злейшего врага, иногда только работа спасала от безумия. На площадке Дэнни мог отвлечься от мыслей, поставить их на паузу и запереть в шкафчике практически на весь день. Труд позволял ему забыться, пусть и ненадолго, лишь до наступления ночи: вместе с ней возвращался мрак, с которым Дэнни боролся даже после рассвета. Сын выбрал молчание, а отец — работу. Последние четырнадцать месяцев каждый из них пытался справиться с трагедией по-своему. Во всяком случае, так считал Дэнни, хотя на самом деле не мог сказать, была ли это искренняя убежденность или просто способ упиваться жалостью к себе. Однако разговор с Уиллом дал понять: тот вовсе не справляется. Совсем. Молчание не было для него выходом — напротив: он выбрал молчание потому, что выхода не видел.

В тот момент Дэнни осознал: в их жизнях смерть Лиз оставила не одну дыру, а две. Не только в семье, но еще и между ними появилась зияющая пустота, которую Уилл заполнял молчанием, а Дэнни работой, хотя на самом деле они должны были заполнить ее друг другом. Можно сказать, Лиз соединяла их двоих как мост, и теперь, когда он рухнул, отец и сын остались жить по разные стороны расширяющейся пропасти, наблюдая друг за другом издалека. Если Дэнни быстро не придумает, как сократить расстояние между ними, то вскоре они потеряют друг друга навсегда.

Охваченный запоздалой потребностью предпринять что-нибудь, Дэнни придвинул к себе блокнот и перечитал все сказанное Уиллом в парке. Потеряв столько времени, он не готов был ждать ни секунды: он жаждал изменить хоть что-то в их отношениях к лучшему. Но, хотя все перечисленное в заметках было вполне осуществимо, ничего нельзя было сделать прямо сейчас, в десять часов вечера вторника. Не вытаскивать же Уилла из постели и не тащить среди ночи в Стоунхендж. Для внезапной поездки к побережью время тоже было неподходящее.

Вдруг Дэнни осенило. Он пошел на кухню, открыл шкафчик, вытащил банку с арахисовым маслом и выкинул в ведро.

— Путь длиной в тысячу миль... — Он не смог вспомнить продолжение цитаты, но не сомневался: она сюда подходит.

У муки давно истек срок годности, и она тоже отправилась в мусорку. Дэнни вспомнил, как Уилл рассказывал о блинчиках, которые готовила Лиз. Она всегда утверждала, что секретный рецепт передала ей бабушка, а той — ее бабушка и так далее, вплоть до начала времен, хотя на самом деле ничего в нем не было секретного и никакая бабушка его не передавала. Лиз просто замочила на ночь лист бумаги в чайной заварке, чтобы он походил на пергамент. Потом она слово в слово переписала на него рецепт с сайта Джейми Оливера и озаглавила его «Бабушкин тайный рецепт блинчиков». Еще она добавила пугалок, вроде тех, которые пишут на картах сокровищ: какие

проклятия и бедствия подстерегают того, кто дерзнет бросить взгляд на страничку.

Дэнни заглянул на полку над микроволновкой, где пылились несколько кулинарных книг. Он медленно пролистал их, периодически задерживая взгляд на забавных пометках, оставленных Лиз наверху страниц (запеченная фасоль: «Сытно, но пукотно»; спагетти болоньезе: «В следующий раз взять к блюду вина»; домашняя паста: «Только для садистов»; домашний кетчуп: «Зачем я вообще заморочилась?»), пока наконец не нашел то, что искал.

Дэнни переписал список ингредиентов — стандартный набор для блинчиков, но он ничего не смыслил в готовке и потому скопировал все слово в слово, а книгу вернул на полку. Затем сбегал в магазин на углу и купил столько яиц, молока и муки, сколько смог унести.

Предчувствуя неминуемую катастрофу, он влез на стул и отключил пожарную сигнализацию, достал и повязал фартук Лиз, посыпал руки мукой, вымыл их, поняв, что это было лишним, и принялся готовить.

В тот вечер Дэнни испек немало блинчиков. Первая партия сгорела, вторая не хотела пропекаться, третья липла к сковородке. Когда он понял, как этого избежать (и добавил сливочного масла), блинчик прилип уже к потолку. Дэнни испортил штук двадцать, прежде чем переложить на тарелку хотя бы один, но его ликование длилось недолго — попробовав блинчик, он понял: тесто пересолено. Он начал сначала (и опять все спалил), а потом еще раз (и снова недодержал), затем уронил несколько штук на пол и наконец около двух часов ночи отправился спать, весь в ожогах и синяках, выжатый как лимон, но в полной уверенности, что способен приготовить приличный блинчик.

***

На следующее утро, пройдя мимо гостиной, Уилл остановился, нахмурился и принялся. Как зомби, он лунной походкой

вернулся назад и замер в дверях.

— Доброе утро, приятель! — бросил Дэнни через плечо. Он загоразживал плиту, и Уилл не видел, что он делает. — Хорошо спал?

Уилл не ответил. Его околдовали звуки и ароматы, лившиеся из кухни.

— Присаживайся, — улыбнулся Дэнни. — Le petit déjeuner est prêt.

Сын уставился на него в недоумении.

— Это значит «завтрак готов». По-французски.

Кивок, но никакого движения.

— Просто заходи и садись, ладно?

Увидев кленовый сироп, Уилл вышел из ступора. Он знал, что это, знал для чего, но не мог понять, почему он стоит на их столе. Мальчик все еще таращился на бутылку, когда из кухни появился Дэнни с увесистой тарелкой блинчиков. Уилл, еще больше, чем обычно, лишенный дара речи, уставился на гору еды.

— Что? — Дэнни с грохотом опустил блюдо на стол.

Сын протянул руки, указывая на блинчики.

— Решил, что наступило время перемен, — улыбнулся Дэнни. — Что думаешь?

Уилл с готовностью кивнул, как будто Дэнни предложил давать ему больше карманных денег.

— Круто, — Дэнни снова исчез в кухне. — Подожди секунду, я за приборами.

Он вытащил из сушки тарелку и кружку с Паровозиком Томасом, задержал взгляд на обоих предметах. Затем вытянул руки и разжал пальцы. Раздался звон осколков.

— Я нечаянно! — воскликнул Дэнни, когда сын прибежал на шум. — Они просто выскользнули. Руки были мокрые... Извини, пожалуйста!

Уилл поднял кружку и медленно повертел в руках. Она уцелела: только ручка откололась и укатилась под плиту.

— Куплю тебе другой набор, честное слово.

Дэнни никак не мог прочитать выражение лица Уилла; он вдруг испугался, что совершил ужасную ошибку и уничтожил нечто очень дорогое для сына. Впрочем, все сомнения испарились, когда тот занес руку над головой и шарахнул кружку об пол. Этого Томас не пережил.

— Или... нет, — добавил Дэнни. Уилл усмехнулся в ответ. — Давай, помоги мне с тарелками, пока блинчики не остыли.

***

Когда Дэнни пришел на студию, Кристаль отрабатывала на полу поперечный шпагат.

— Пожалуйста, скажи, что это не входит в наш урок, — сказал Дэнни, морщась от одного взгляда на ее позу.

— Ты же вроде хотел выучить все, — отозвалась Кристаль, не поднимая головы.

— Я имел в виду все, после чего мне не грозит болезнь. Физическая или психическая.

— Не волнуйся. — Она стала наклоняться вперед, пока полностью не легла на пол. — Мы не будем садиться на шпагат.

Дэнни вздохнул с облегчением, но тут она добавила:

— Оставим его на следующий урок.

Дэнни засмеялся. Кристаль — нет.

— Ты же шутишь, правда?

— Завтра узнаешь.

— Если доживу до завтра. Я после прошлой недели еле отошел, — вздохнул Дэнни.

— Это ерунда. Прошное занятие — все равно что прогулка в парке с бабушкой.

— Я свою терпеть не мог.

— Ой. Ну тогда этот урок будет как прогулка в парке с бабушкой.

— Будешь бить меня палкой, приговаривая: «Твоя жизнь — ужасная ошибка»?

— Это можно устроить. — Кристаль, сведя ноги, встала. — Иди сюда, тупица, начнем с растяжки. У нас мало времени.

Дэнни стянул куртку и бросил в угол.

— Мне ни за что не выиграть, да? — спросил он, покачиваясь на одной ноге и растягивая бедро.

— Не-а.

— Ты даже соврать разок не можешь?

— У меня плохо получается.

— Попробуй.

— Ладно. — Кристаль на минуту задумалась. — Ты очень симпатичный.

— Я не это имел в виду.

— Что ты хочешь от меня услышать, Дэнни? Ты, как и я, знаешь: шансов попасть в цель у нас мало. Даже меньше, чем мало. В такую цель не попал бы даже чувак из «Снайпера», а он был офигенный стрелок. Так что если ты имеешь в виду победу, то нет, тебе не выиграть; но если ты спрашиваешь, есть ли у тебя шанс, то да, я считаю, шанс есть. Маленький. Крохотный, как волосок в носу. Но все-таки это шанс. Если бы я так не думала, меня бы тут не было. Смотреть, как ты скачешь по студии, будто пьяный осел, — это, конечно, смешно, но я бы с большим удовольствием смотрела «Нетфликс». И потом, ты же тренируешься не для проб в «Лебединое озеро». Тебе не нужно изучать всю историю танцев. Черт возьми, ты же не пытаешься стать новым Майклом Флэтли¹⁵. Тебе надо знать ровно столько, сколько хватит для одного-единственного номера длиной несколько минут максимум. Не пойми неправильно, тебе все равно придется вкалывать как проклятому, но у тебя есть целых три недели, чтобы отточить трехминутный танец, то есть по минуте в неделю, или... сколько это? Десять секунд в день или около того. Если будешь повторять за мной, и делать, что я говорю, и как следует растягивать свои несчастные мышцы... — Дэнни немедленно выпрямился. —...То, кто знает, может, мы еще и дадим этим придуркам прокашляться. Как тебе такое?

— Неожиданно воодушевляюще.

— Что ж, значит, я вру лучше, чем думала. — Кристаль подмигнула ему. — Ладно, смотри и учись. Я знаю танец, который может выстрелить.

Кристаль нажала на «плей», и стены задрожали. Она вышла в центр зала и встала напротив зеркала, покачивая головой и тряся руками, как боксер, готовящийся к атаке. Громкость нарастала по мере того, как музыка приближалась к кульминации, а когда пошла на спад, вместе с ней пошли ко дну и все надежды Дэнни выиграть призовые деньги. Он наблюдал за тем, как Кристаль ловко порхает по залу, едва касаясь досок. А если она все же наступала на пол, то звук напоминал шум дождя, будто она приземлялась сразу в нескольких местах одновременно. Она двигалась с грацией фигуристки и уверенностью рифера, вела себя раскованно, как рок-звезда, и свободно, подчиняясь одной лишь музыке. Мелодия снова стала развиваться; танец ускорился, и лампочки замерцали: может, Фэнни забыла заплатить за электричество, а может, как подозревал Дэнни, Кристаль двигалась так неистово, что высасывала энергию из всей округи. И даже когда музыка закончилась, а Кристаль остановилась, Дэнни все равно почему-то казалось, будто зал вращается, словно переполненный вырвавшейся из нее лишней энергией.

— Ну? — кивнула девушка. — Что скажешь?

Она даже не вспотела, а вот у Дэнни заблестел лоб.

— Думаю, ты права. Мне никогда не выиграть.

— Тебе не понравилось?

— Нет. Не понравилось, — ответил он. — Я восхищен. Это было невероятно! Но в том-то и проблема. Мне ни за что не освоить такое за три недели.

— Ну с таким настроением — точно нет, — бросила Кристаль.

— Может, сделаем что-нибудь попроще?

— Ты можешь делать что хочешь, Дэнни. Можешь выйти на сцену и пропукать «Голубой Дунай» через газетку. Мне плевать. Это не меня разорвут в клочья, если ты продуешь.

Дэнни уставился на свое отражение, пытаясь разглядеть что-то, помимо панды на грани вымирания.

— Ты правда думаешь, что я справлюсь? — спросил он.

— Никогда не узнаешь, пока не перестанешь ныть и не попробуешь, не так ли?

Этим они и занимались следующие три часа и потом каждый день на неделе. Они тренировались с восьми до одиннадцати, потом Кристаль приступала к работе, а Дэнни шел в парк, танцевал там до вечера и возвращался домой совершенно измотанный. И даже после этого, когда Уилл ложился спать, отец повторял утренний урок на кухне, тихонько отрабатывая движения, которым научила его Кристаль, и пытаясь ни во что не врезаться. Он скачал выбранную ею песню — агрессивную электронную музыку, словно с альбома «Лучшие хиты тюрьмы Гуантанамо». Он загрузил трек в айпод и слушал его везде, отстукивая ритм на коленях, столе, сиденье автобуса и любой другой доступной поверхности, пока не выучил структуру песни наизусть. Дэнни добавил ее и в свой парковый плейлист, чтобы тренироваться во время работы, но, кажется, такая музыка отпугивала определенные слои населения (пенсионеров, людей среднего возраста и тех, кого хоть раз арестовывали по обвинению в терроризме) и притягивала тех, кого ему совсем не хотелось бы приманивать — например, банду подростков, заставивших его позировать для унижительных селфи, а потом заплативших ему деньгами, которые до этого у него же и отобрали. Пару недель назад он позволил бы им все забрать, но тогда его контейнер был полон пивных крышек, пуговиц, шоколадных конфет и катышков из кармана; а сейчас он зарабатывал как никогда много. Ему все еще не хватало нескольких сотен, чтобы заплатить Реджу, но он старался об этом не думать. Он пытался сосредоточиться только на одном — на предстоящем конкурсе.

Глава 21

Вялые любители погреться на солнышке нежились в шезлонгах, а детишки плескались в воде и ковыряли крабьи норы. Чайки клевали пластиковые подносы, измазанные красно-желтой смесью кетчупа и карри. Развязные подростки потягивали пиво из банок и ржали над прохожими, гулявшими в тени флагов, развевавшихся над белыми башенками Брайтонского пирса. Посреди променада стояли шумные игровые автоматы, за одним из которых рубились Дэнни и Уилл. Их глаза бегали из стороны в сторону, следя за двумя бойцами на экране. Сын выглядел сосредоточенным, отец — озадаченным. Оба лупили по кнопкам консоли, но, казалось, только Уилл понимал, по каким именно он попадает и зачем.

— Ладно! — выпалил Дэнни. — Стой... Пауза. Если только... Погоди. Вот! На! Получи! Еще! Еще!

Он дергал джойстик из стороны в сторону и бил по кнопкам кулаком. Его боец выдал серию впечатляющих приемов, но все оказалось зря. Уилл ответил ураганом агрессии: ранил и обездвижил бойца Дэнни. Зловещий голос предложил ему добить противника.

— Все? — удивился Дэнни. — Мне крышка? Опять? — Сын кивнул.

— Ну давай, — вздохнул Дэнни. — Избавь меня от мучений.

Уилл склонился над консолью и, хитро ухмыляясь, начал быстро дергать джойстик, а затем нажал несколько кнопок. Его боец выдал такой мощный апперкот, что начисто снес голову противника с плеч. Та мячиком покатилась в пропасть.

— Доволен?

Уилл кивнул, явно гордый собой.

— Пойдем. Думаю, ты мне достаточно голов отрубил сегодня.

***

Попасть в Брайтон оказалось непросто. Вернее, сама поездка далась легко, а вот планирование — немного сложнее. С тех самых пор, как Уилл рассказал панде о поездке с матерью на море, Дэнни пытался придумать, как позвать сына в путешествие, не вызвав подозрений. Он и так за одну ночь превратился в мастера блинчиков и убийцу паровозиков — и теперь боялся выдать себя с потрохами, ни с того ни с сего предложив махнуть в Брайтон. В конце концов ситуацию спас Мо. Родители повезли его на выходные в Клактон-он-Си навестить родственников, и Уиллу нечем было заняться. Дэнни спросил сына, не хочет ли тот тоже отправиться к морю, и мальчик охотно согласился.

Они обошли несколько автоматов в поисках новой игры. Дэнни пытался найти старенький агрегат с монетками, который был рухлядью еще тринадцать лет назад, когда он увидел его впервые. Скорее всего, его давно уже выкинули, разобрали на металлолом или забыли на eBay, потому что никто не стал бы оплачивать доставку машины весом с беременную корову; но нет — он стоял на месте, прятался в сторонке, переживая очередную из бесконечной череды атак: двое мальчишек пытались вытащить деньги, толкая агрегат бедрами и наваливаясь всем телом.

Дэнни улыбнулся, вспомнив свое первое официальное свидание с Лиз: они запрыгнули в поезд не заплатив и всю дорогу до Брайтона просидели в туалете. Когда кондуктор стучал в дверь, Лиз притворялась старушкой, страдающей то от отравления, то от морской болезни. Тот день они провели, таская всякие штуки из лавки приколов, убегая из винных магазинов, откуда их прогоняли, бросая чипсы в ничего не подозревающих прохожих, чтобы на тех пикировали чайки, и бродя между тех же самых игровых автоматов, где теперь бродили отец с сыном. Тогда Дэнни тоже попытался справиться с тем старьем с монетами, прибегая ко всяким ухищрениям, — желая не столько добыть денег, сколько похвастаться силой перед Лиз. Но доказать ему удалось лишь одно: пятидесятикилограммовому мальчишке — кожа да кости — не

совладать с агрегатом, весящим добрых полтонны. Хотя кое-чего он все же добился: врубил сигнализацию — и был ужасно горд собой, пока не заметил направляющегося к ним охранника. Дэнни рванул к выходу, понял, что Лиз с ним нет, вернулся за ней, и они вдвоем бросились бежать по пирсу. Так они впервые взялись за руки — и не отпускали друг друга весь день.

Пытаясь ощутить ее ладонь в своей, Дэнни провел пальцем по руке. Но не успел он предаться чувству, как Уилл стукнул его по плечу и указал на что-то. Дэнни поднял глаза и улыбнулся: сын звал его посостязаться в танцах, вызов был принят.

Они встали на танцплощадку и уставились на экран, где два персонажа с разноцветными волосами и непомерно крупными чертами лица ждали, пока они начнут игру.

— Знаешь, должен признаться, я вроде как мастер танцев. Так что если хочешь сдать, то сейчас самое время.

Уилл взглянул на него так, как вышибала смотрит на пьяницу, пытающегося убедить его в своей трезвости, хотя пришел без штанов.

— Дело твое. — Дэнни ухмыльнулся так, словно уже победил. — Не говори, что я тебя не предупреждал.

Игра стартовала, и они начали танцевать, повторяя движения персонажей на экране. Первые были простыми, вроде тех, которые Дэнни с трудом осваивал пару недель назад, а сейчас считал легкими до зевоты; но вскоре они усложнились, а темп возрос. Пару раз оступившись, Дэнни потерял несколько очков, но не стал заморачиваться, уверенный, что еще успеет отомстить за все обезглавливания. Но, взглянув на другую половину экрана, он удивился: сын не сбился ни разу. Дэнни продолжил с удвоенным рвением, но чем сильнее старался, тем чаще совершал ошибки и тем больше очков терял. Счет Уилла рос с невероятной скоростью — как и рассеянность Дэнни. В конце концов тот бросил следить за своим персонажем и стал наблюдать за безупречной техникой сына. Вокруг собралась толпа, доносились возгласы («Мастерски!», «Гениально!», «Бесподобно!»): кричали Уиллу, а тот, казалось, не замечал, что Дэнни признал поражение. Мальчик не обращал внимания

и на зрителей, пока игра не закончилась и до него не донеслись аплодисменты. Дэнни хлопал громче всех, с гордостью глядя на сына, восхищенный его танцем и пораженный невероятной переменой: тихоня, которого он знал, превратился в живого, уверенного в себе и довольного парня.

***

Дэнни поморщился, глядя на старика в углу кафе: собираясь перевернуть страницу газеты, тот совал в рот сразу полпальца, вместо того чтобы облизнуть лишь кончик. Другой мужик, постарше, уснул прямо рядом с женой, которая разворачивала мятную конфету так осторожно, будто это была бомба. С потолка гигантской паутиной свисали рыбацкие сети, а уже с них — настоящая паутина, как и со спасательных кругов, деревянных штурвалов и других морских элементов декора. В общем, такой «лодке» пора было отправляться скорее на свалку, чем в веселое плавание.

— Ты раньше играл в эту танцевальную игру? — спросил Дэнни через стол.

Уилл покачал головой и глотнул колы.

— Тогда где ты научился так танцевать?

Сын пожал плечами. Он ложкой выловил из стакана кубик льда и отправил его в рот.

— Да у тебя талант, парень. Наверняка от мамы унаследовал. Точно не от меня.

Мальчик улыбнулся, громко хрустя льдом.

Дэнни окинул зал взглядом.

— Знаешь, мы с твоей мамой приходили сюда на первом свидании.

Нахмурившись, Уилл осмотрел кафешку так, словно только что вошел.

— Судя по всему, с тех пор ничего не изменилось. Даже скатерти те же.

Мальчик убрал локти с липкой клеенки.

— Думаю, он тоже был здесь в тот раз. — Дэнни кивнул на мужика, дремавшего за соседним столиком.

Уилл улыбнулся.

— Я хотел пригласить ее в какое-нибудь милое местечко, но у нас обоих не было денег. Вернее, у меня завалялась пара купюр, но я все спустил в автоматах — ну, знаешь, с хваталкой. — Дэнни сложил пальцы клешней и опустил Уиллу на голову. — Помнишь того потрепанного медвежонка у тебя в комнате? Которого мама дарила? Это я его тогда вытащил. Он обошелся мне раз в десять дороже, чем в магазине, но благодаря ему она меня поцеловала.

Уилл посмотрел на него так, словно только что увидел, как грузовик сбивает голубя — не насмерть, а оставив трепыхаться на обочине.

— Слишком много наговорил?

Сын выразительно закивал.

— Извини. — Дэнни отпил колы. — Может, ты не в курсе, но твоя мама все о тебе знала еще до того, как ты родился.

Уилл нахмурился, пытаясь понять, что отец имеет в виду.

— Это правда. Она мне все рассказала тринадцать лет назад, вон там. — Он указал на пустующий столик в углу.

Мальчик обернулся.

— Мы болтали обо всем, ну, чтобы узнать друг друга получше, понимаешь? Любимый цвет, любимый фильм, любимый способ доводить учителей и всякое такое. В какой-то момент она спросила, хочу ли я детей. Это было неожиданно. Ну, в смысле, это довольно серьезный вопрос для пятнадцатилетнего. Она просто хотела посмотреть, как яотреагирую, но тогда я этого не знал. Лиз обожала морочить людям голову.

Уилл кивнул.

— Помнишь, как она сказала тому свидетелю Иеговы, что поклоняется дьяволу?

Рассмеявшись, сын пальцем изобразил круг у себя на челке.

— Точно-точно, еще и пентаграмму на лбу нарисовала. Бедняга совсем растерялся! Кажется, мы с тех пор его не видели.

Ну, в общем, она спрашивает, хочу ли я детей, и я говорю «да». Я особо над этим не задумывался, но решил, что такой ответ она и хочет услышать. Потом я спросил у нее то же самое, она кивнула и произнесла одно-единственное слово. Знаешь какое?

Уилл покачал головой и подался вперед, стараясь не касаться клеенки.

— «Уильям». Вот что она сказала. Я не понял и попросил объяснить. «Так его зовут. Уильям», — сказала она. А затем описала тебя так, будто ты уже был — будто сидел за столом рядом с нами. Светлые волосы, голубые глаза, крупные ноги, красив как черт. Она даже знала про твое будущее родимое пятно.

Сын принялся разглядывать свое родимое пятно так, словно это не врожденная черта, а подарок от мамы.

— С ума сойти, да? Когда она все это рассказала, я засмеялся. Но перестал, когда понял: она серьезно. Ну, ты знаешь это ее выражение лица. В общем, ты родился пару лет спустя — в точности такой, как описала мама, только еще красивее. Просто невероятно. Как будто ты с самого начала был ее частью. И даже теперь, когда ее нет, она на самом деле не исчезла — а продолжилась в тебе. Она живет в твоей улыбке, в твоих глазах, в том, как ты произносишь «л» в слове «лосось». Я вижу ее каждый раз, когда ты берешь в руки зубную щетку, оттопырив мизинец, как королева, пьющая чай. Когда надуваешь губы во сне, будто тебя кто-то отчитывает. Когда держишь нож и вилку как правша, хотя на самом деле ты левша. И я определенно видел ее, когда ты зажигал в танце. Я вижу ее каждый раз, глядя на тебя, приятель, и поэтому я никогда, ни за что, не смог бы ее забыть. Пока ты здесь, она тоже со мной, понимаешь?

Уилл медленно кивнул. Его глаза блестели так, что Дэнни видел в них свое отражение. Он взял несколько салфеток, пока официантка убирала их тарелки.

— Так невкусно? — в шутку поинтересовалась она.

— Ему просто что-то в глаз попало. — Дэнни подмигнул Уиллу. — Купим мороженого на набережной?

При слове «мороженое» Уилл просиял.

— Так и думал. — Дэнни допил колу и убрал бумажник в карман. — Идем, давай... Б-р-р-р-п! — Он прикрыл рот ладонью, но поздно.

Сын расхохотался.

— Извини. — Дэнни стал краснее пластикового омара, приколотого к сети у него над головой. — Очень неловко! Идем...

— Б-р-р-р-п!

Дэнни посмотрел на сына: тот проказливо усмехнулся.

— Не смешно, Уилл.

От строгого голоса папы улыбка Уилла померкла.

— Ты разве не знаешь, как это невежливо — рыгать громче отца? — Тут Дэнни снова рыгнул, на сей раз вполне сознательно.

Сын захихикал и повторил за ним. Дэнни ответил такой громкой отрыжкой, что разбудил старика за соседним столиком.

— Прошу прощения! — Дэнни поднял руку, извиняясь. — Это из-за колы. Много газа.

В подтверждение своих слов он потер грудь, пытаясь сохранять серьезный вид, но не выдержал и расхохотался, заметив, как Уилл посмеивается над ним.

— Ну что, идем дальше?

Глава 22

Он точно не знал, когда произошла эта перемена, но, поклонившись и поблагодарив зрителей за уделенное время, аплодисменты и, самое главное, деньги, Дэнни вдруг понял: он наслаждается своей новой профессией танцующей панды. Он собирал зрителей и получал больше, чем любой другой артист в парке. Как и прежде, он вкладывал всю свою энергию в выступления и каждый вечер приносил домой мокрый от пота костюм, но теперь не чувствовал, будто выполняет какое-то изнурительное задание. Всю свою сознательную жизнь он вкалывал на стройке, не получая ни капли признания за хорошо сделанную работу. Сколько лет Дэнни провел, выполняя приказы людей, неспособных себе даже пиццу заказать без ошибок! Много раз он видел, как его коллеги получали серьезные травмы, и каждый раз спрашивал себя: может, он следующий? Особенно зимой, когда мысль двигалась так же заторможенно, как руки, и травмы были в порядке вещей. А теперь десятки людей аплодировали ему за танцы в парке, и никто (кроме Кристаль) не указывал ему, что делать. Единственной опасностью стали детишки, которые пытались его обнять и случайно били в пах.

Благодаря костюму он стал чувствовать себя ближе к Лиз. Танцы всегда были очень важны для нее, а теперь невероятным образом вошли и в его жизнь. И хотя было поздно наслаждаться всем этим вдвоем: вместе заниматься, смотреть «Грязные танцы», тусоваться, — делая то, что жена так обожала, Дэнни чувствовал, будто стал понимать ее чуть глубже. Как ни странно, ему казалось, теперь он знает ее лучше, чем при жизни. Панда словно превратилась из бездушного костюма в медиума-посредника: в одной лапе — рука Дэнни, в другой — Лиз, — и соединила их таким невероятным способом.

Вдобавок к этому, хоть Уилл по-прежнему не разговаривал с ним дома, он честно пытался преодолеть пропасть между

ними, уже не казавшуюся бескрайней. Накануне Уилл проснулся раньше обычного, чтобы помочь Дэнни приготовить завтрак: маленькое чудо, учитывая то, как он ненавидел вставать по утрам; а сегодня неожиданно обнял папу перед тем, как уйти в школу. В общем, Дэнни пришлось признать: впервые за долгое время все складывалось неплохо. На самом деле, если не считать вечного страха перед Реджем, даже лучше, чем неплохо. Все складывалось отлично. И только когда Дэнни увидел в толпе Уилла, аплодировавшего вместе с остальными, он вспомнил: ситуация с домовладельцем не единственная проблема, которую предстояло решить.

— Не знал, что ты умеешь танцевать, — сказал сын, когда остальные зрители разошлись.

Дэнни плюхнулся на лавочку и вытащил блокнот с ручкой.

«Панды много чего классного умеют».

— Да ну? Например?

Отец на минуту задумался.

«Мы умеем становиться невидимыми».

— А вот и нет!

«А вот и да».

— Никогда не видел панду-невидимку, — нахмурился Уилл.

«Вот именно!» — написал Дэнни.

Сын закатил глаза и сел на лавочку рядом с ним.

— Мо говорит, панды какают до пятидесяти раз в день. Это впечатляет.

«Правда. Мы тратим уйму денег на туалетную бумагу».

Уилл рассмеялся.

«А кто такой Мо?» — написал Дэнни.

— Мой лучший друг. Его имя Мохаммед, но все зовут его Мо. Он вроде как спец по животным. А еще панды очень смешно падают — ты знал? Это мне тоже Мо рассказал. Не уверен, правда ли это.

«Смотря сколько мы выпили».

Уилл улыбнулся.

— Кто научил тебя так танцевать?

«Стриптизерша по имени Кристаль», — ответил Дэнни, уверенный, что Уилл все равно не поверит.

— Очень смешно.

«Я серьезно. Она научила меня после того, как я отвоевал ее халат у фокусника, который может поджигать предметы силой мысли».

— Может, мне всего одиннадцать, но я не дурачок.

«Одиннадцать? Я думал, тебе как минимум двадцать четыре», — написал Дэнни.

— Если бы! — засмеялся Уилл.

«Ты это зря. Лучше подольше оставайся одиннадцатилетним».

— А тебе сколько?

«По-пандовски — восемьдесят четыре».

— Для старичка ты отлично танцуешь, — заметил Уилл.

Дэнни сложил лапы перед собой и склонился в знак признательности.

— Моя мама тоже была танцовщицей. У нее круто получалось.

«Что она танцевала?»

— Все, — пожал плечами Уилл. — Она могла танцевать под что угодно. Даже без музыки.

Он вытащил телефон и протянул Дэнни.

— Вот. Это она.

Уилл включил видео: Лиз танцевала в просторной комнате с деревянными полами и высоким потолком, напоминающей школьный актовый зал. Дэнни никогда не видел этого ролика и не узнал место съемки, и от этого сердце екнуло.

— Она работала в школе, — пояснил Уилл, будто прочитав его мысли. — И иногда занималась там, пока никто не видит.

Отец кивнул, сосредоточив взгляд на видео. Он впитывал каждую деталь. Одежду Лиз. Ее движения. То, как она откинула волосы с лица. Как рассмеялась и приняла суровый вид, заметив Уилла с телефоном. Как закрыла камеру ладонью в конце ролика. У Дэнни было много записей с Лиз, но он впервые смотрел это видео, о существовании которого даже не

подозревал, — и вдруг его обьяло чувство, будто она и не умерла вовсе, а каким-то образом переместилась во времени и оказалась в этом ролике. Он хотел запустить его снова, и снова, и снова — пересматривать, пока не сядет батарейка; но вдруг понял, что завис, уткнувшись в экран, хотя видео давно закончилось. Он не знал, долго ли так просидел. Дэнни вернул телефон сыну и написал несколько слов в блокноте.

«Большинство людей не смогли бы развить такой талант, даже проживи они целую вечность».

Уилл улыбнулся и кивнул.

Где-то неподалеку залаяла собака, и какое-то время они сидели молча, глядя, как задира-терьер натягивает поводок, пытаюсь затеять драку с беспокойным питбулем.

«Расскажи что-нибудь о ней», — написал Дэнни.

— Что, например? — пожал плечами Уилл.

«Что угодно».

Сын уставился вдаль.

— У нее на руке были такие родинки... если соединить их, получалась звезда. Мама иногда разрешала мне в шутку прорисовывать ее ручкой, но однажды я случайно взял перманентный маркер, и мама потом целую вечность пыталась его смыть. Еще она запросто решала кроссворды, даже самые сложные, где подсказки такие — ничего не поймешь. Бывало, она их откладывала, но позже все равно пыталась разгадать. Иногда она могла выкрикнуть какое-нибудь слово — название страны, цвет или породу лошади — просто так, за ужином или во время похода в супермаркет. Как-то раз мы ехали в метро, и она вдруг выпалила: «Лепрекон!» — а сидевшая напротив низенькая женщина начала вопить: решила, что мама обзывается. Было забавно. От нее всегда пахло апельсинами — ее любимым кремом для рук. У меня осталась пустая баночка, и она до сих пор пахнет так же. Я редко ее открываю: не хочу, чтобы аромат выветрился. У шкафа в моей комнате раздвижные двери, и иногда я залезаю внутрь и открываю баночку там. Запах остается в замкнутом пространстве, и, закрыв глаза, я могу представить, будто она все еще рядом.

Уилл принялся теребить пуговицу на рукаве. Дэнни решил, раз он замолчал, самое время что-нибудь сказать. Но не успел он написать ответ, как Уилл продолжил:

— Она пила чуть ли не по десять чашек чая в день и всегда клала сразу два пакетика: ей нравился очень крепкий чай, даже если на вкус получалось мерзко. Она смеялась над папой, потому что он не мог такой пить, хоть он и строитель. Видимо, строители должны пить крепкий чай. При этом она не любила мяту — ни в напитках, ни в еде: от нее мама начинала чихать. Чихала как мышка — так папа говорил. А мама всегда отвечала: «Мыши не чихают». Правда, Мо говорит, что чихают, но только когда болеют. Она была левшой, как я. У нас дома есть пара ножниц под левую руку, и мы с мамой всегда смеялись, если папа их брал. Он не мог ими пользоваться. Ах да, ее любимый цвет — желтый. У нее было полно желтых вещей, например одежды и обуви. Даже ножницы — и те желтые. Иногда она надевала такое желтое платье, что становилась похожей на лучик солнца, даже если шел дождь. Не знаю, куда оно делось.

Дэнни кивнул. Он точно знал, где это платье: именно в нем Лиз похоронили. Он вспомнил тот день: ему казалось совершенно нереальным выбрать в гардеробе наряд, подходящий для столь ужасного случая. После похорон шел такой затяжной ливень, что если Уилл сказал правду и Лиз в самом деле была как луч солнца, то в тот день они похоронили не только ее, но и последний свет в мире.

«Какой у тебя любимый цвет?» — написал Дэнни, со стыдом осознавая: ему это неизвестно.

— Угадай. — Уилл толкнул ногой свой зеленый рюкзак. — Мама разрешила мне и комнату в зеленый покрасить. А еще — купить двухъярусную кровать, но не с двумя матрасами, а такую, где спишь наверху, а внизу у тебя стол и всякое такое. Правда, мы так за ней и не сходили.

Дэнни вспомнил: они с Лиз говорили об этом незадолго до ее смерти. Она сказала, что в комнате сына надо делать ремонт, а он возразил, мол, сейчас они не могут себе этого позволить;

к тому же все придется делать заново, когда Уилл подрастет и решит, что двухъярусная кровать не для подростков. Тогда они поругались, но сейчас, зная, как мало времени у них оставалось — Дэнни не помнил, сколько именно, но считанные недели, — он ощущал лишь болезненную пустоту при мысли о потраченном на ссору мгновении.

«Тебе не нравится твоя комната?» — написал он, заранее зная ответ.

— Там просто отвратительные обои!

«Дай угадаю. Паровозик Томас?»

— И как ты догадался, — язвительно ответил Уилл.

«Скажи папе. Может, он поможет».

— Он уже сказал «нет», когда мама спросила.

«Может, он передумал».

Уилл пожал плечами и скovyрнул с лавки большой кусок краски.

«Ты с ним так и не разговариваешь?» — написал Дэнни.

Сын помотал головой.

«Как думаешь, заговоришь когда-нибудь?»

— Не знаю. Сейчас он... странно себя ведет.

«Странно?» — написал Дэнни. После всего, что он предпринял, это слово его задело.

— Ага, — кивнул Уилл. — Ну, в хорошем смысле. Знаешь, пару дней назад испек блинчики на завтрак. Я и не представлял, что он умеет. А в выходные мы ездили в Брайтон и играли в игру, где надо танцевать, а потом за обедом он рассказывал о маме. Он никогда ничего такого не делал. Так что да, это было странно, но по-хорошему странно.

«Может, он пытается стать тебе другом».

— Может.

«У него есть друзья?»

— Не много.

«Тогда, наверное, ему нужен друг, — написал Дэнни. — Тому, кто тебе не нравится, блинчики печь не станешь. Это даже панды знают».

— Ты же в курсе, что на самом деле ты не панда? — Уилл поднялся с лавочки и закинул рюкзак на плечо.

«А ты видел настоящую панду?»

— Нет.

«То-то», — написал Дэнни.

Сын улыбнулся.

— Как скажешь, человек-панда-который-на-самом-деле-не-панда. Пока!

«Пока, не-разговаривающий-мальчик-который-говорит», — накорябал Дэнни.

Глава 23

Дэнни позвонил в дверь и отступил на несколько шагов. В этот раз он не был одет в костюм панды, но все равно чувствовал себя в большей безопасности там, где до него не могли дотянуться метла Иванны и руки ее мужа. Дверь открыл Юрий в баскетбольной майке и тех самых армейских штанах, которые Дэнни позаимствовал пару недель назад. Мегапачка начос в его огромных руках выглядела обманчиво маленькой.

— О, привет, Юрий, — сказал Дэнни. — Ну дела! Ты вообще когда-нибудь перестанешь расти?

— Наверное, когда мне исполнится семнадцать или восемнадцать. Тогда все перестают вроде бы.

— Ага. — Дэнни и забыл, что Юрий многое понимает буквально.

— Хочешь начос?

— С каким вкусом?

Юрий взглянул на пачку.

— Синие, — резюмировал он.

— Давай. — Дэнни вытащил одну штучку. — Папа дома?

— Да, — ответил Юрий, но с места не сдвинулся.

— Можно с ним поговорить?

— Отсюда — нет. — Парень огляделся, словно хотел показать: с такого расстояния Иван их не услышит. — Лучше зайди.

— Хорошая мысль.

Дэнни протиснулся мимо Юрия: тот отошел в сторону, чтобы его пропустить.

В гостиной никого не оказалось, и он пошел на шум, доносившийся из кухни. Иван в завязанном бантиком фартуке, сторбившись, стоял спиной к двери. Дэнни улыбнулся: видимо, друг его разыгрывает. Правда, Иван был не из тех, кто обычно носит фартук, и не из тех, кто любит розыгрыши, поэтому Дэнни не особо понимал, что происходит. Но когда он заметил кулинарную книгу у приятеля под локтем, все начало вставать

на свои места. Иван что-то пек. Дэнни никогда прежде не видел его за таким занятием. Он даже не знал, умеет ли его друг готовить — и тем не менее тот, кажется, пек ореховый пирог, точно такой же, как те, что Дэнни ел вот уже целый год. Он знал: ни Иван, ни его жена, ни сын не любят орехи (это выяснилось, когда Лиз по незнанию приготовила им свой знаменитый вальдорфский салат). А значит, его подозрения, что Иван готовил пирог специально для него, как, собственно, и всегда, подтверждались. Дэнни почувствовал почти непреодолимое желание его обнять. Желая избежать неловкости, он медленно вышел из кухни и направился к Юрию: тот играл в приставку у себя в комнате.

— Привет еще раз, Юрий. — Дэнни просунул голову в дверной проем.

— Привет, Дэнни, — отозвался Юрий: он, кажется, пытался угнать машину.

— Можно тебя попросить? Скажи папе, что я здесь.

— Зачем?

— Не могу его найти.

— Он на кухне. — Юрий все еще не отрывался от экрана.

— Я заглянул туда, но не видел его.

Юрий с досадой поставил игру на паузу и помолчал.

— Он же ходит по кухне. Послушай.

— Ничего не слышу, — отозвался Дэнни, старательно игнорируя доносившиеся из кухни звуки.

— Он точно там.

Дэнни вздохнул.

— Можешь просто сказать ему, что я пришел?

Юрий помотал головой так, как делают все дети, когда взрослые, по их мнению, ведут себя странно. Затем скатился с кровати и пошел к папе. Дэнни остался стоять в коридоре, подслушивая их разговор.

— Дэнни здесь, но он не нашел тебя, хотя я ему говорил, где ты, и он попросил тебя найти и передать, что он пришел.

Дэнни мысленно пометил себе: никогда ничего не просить у Юрия в будущем.

— Он на кухне, — вернувшись в комнату, сказал парень, хотя в его словах отчетливо слышалось «я же говорил».

— Спасибо, — кивнул Дэнни.

Ситуация стала раз в десять более неловкой, чем до этого.

— Дэнни! — показался из кухни Иван; в его голосе звучала паника, какой Дэнни никогда раньше не слышал.

— Привет, Иван. Я не вовремя?

— Нет! — выпалил украинец. — Вовремя. Иди сядь в гостиной.

Дэнни так и поступил. Иван появился минутой позже: едва приоткрыв кухонную дверь, он осторожно протиснулся и прикрыл ее за собой так, будто пытался не выпустить чересчур активного щенка.

— Ну, — выдохнул он, плюхнувшись в кресло напротив Дэнни, — как поживать танцующая крыса?

— Сложно. — Дэнни с трудом сдерживал смех: Иван вытер пот и оставил на лбу след из муки.

— Как сложно? Ты одеться странно, ты танцевать, прекратить танцевать, одеться, как нормальные люди. Все просто.

— А ты в курсе, что панды нелепо падают? Я сегодня узнал. Особенно если их несколько.

— Не надо несколько! — Иван указал на Дэнни. — Одной хватит. Несколько — хуже, чем нелепо. Это катастрофа. Это Чернобыль для панд.

— Спасибо за поддержку. А возвращаясь к твоему вопросу... Дело в Уилле. Он не перестает со мной разговаривать.

— Тогда почему ты грустный? Это же хорошо.

— Нет, — покачал головой Дэнни, — не хорошо.

— Стой, — насупился Иван. — Сначала ты жаловаться на молчание. Теперь — что Уилл говорить слишком много. Я думаю, ты любишь жаловаться.

— Повторю, все сложно. Помнишь, я рассказывал, как спас его от хулиганов? Ну, теперь он приходит ко мне в парк поговорить. Только не со мной, а с пандой.

— Но ты и есть панда.

— Да, но Уилл этого не знает, — нахмурился Дэнни.

— Скажи ему.

— Все не так просто. Он говорил обо мне. И о Лиз. Он никогда бы такого не рассказал, если бы знал, что я — это... ну, я. С одной стороны, это чудо. Я столько всего узнал о нем! И он говорит, Иван. Наконец-то говорит! Но если он поймет, кто я, то больше мне ни слова не скажет. — Дэнни вздохнул. — Ума не приложу, как быть. Как бы ты поступил? Хотя нет, не отвечай. Как поступить мне?

Иван прищурился. Он делал так иногда, притворяясь, будто не понимает по-английски.

— У меня есть идея. — После долгих размышлений украинец подался вперед, словно собирался сообщить какой-то секрет. — Если удастся сделать так, чтобы Уилл заговорить с тобой — не с пандой, а с Дэнни, — то, может, он не захочет общаться с пандой.

— Если бы я знал, как заставить его поговорить со мной, я бы в это не ввязался! — вздохнул Дэнни.

— Все так, — кивнул Иван.

— Впрочем, — продолжил Дэнни, пожевав губу, — может, ты мне и помог.

— Да?

— Как думаешь, Альф позволит мне забрать со стройки остатки досок?

— Я уже спросить, — Иван покачал головой. — Хотел собрать полки для Иваны, но Альф сказать нет.

Он указал на три полки, заставленные черно-белыми семейными фотографиями, будто бы сделанными в девятнадцатом веке и вдобавок в пургу.

Дэнни нахмурился, рассматривая деревянную конструкцию.

— Ты про эти полки?

Иван кивнул.

— Эти самые полки?

— Эти самые полки, — повторил Иван.

— Я думал, Альф запретил брать доски.

— Запретить. Я все равно взять.

— Как?

— Я идти ночью. Легко. Показать тебе.

— Уверен? Ивана ни за что меня не простит, если ты снова сядешь в тюрьму. — Слова сорвались с губ прежде, чем Дэнни понял, что ляпнул.

— Тюрьму? Какую тюрьму?

— Да не бери в голову. — Дэнни попытался замять тему, но Иван уставился на него взглядом, не оставлявшим сомнений: они не будут говорить ни о чем другом, пока Дэнни не объяснится. — Ну, или где ты там их сделал. — Он указал на татуировки друга.

Иван опустил взгляд на свои руки и нахмурился, а затем расхохотался так неожиданно, что Дэнни впился в кресло.

— Думаешь, это тюремные наколки? — спросил украинец.

— А что, нет? — Дэнни сам удивился прозвучавшему в его голосе разочарованию.

— Я отец семейства, Дэнни, а не преступник. Они не из тюрьмы. Они от Юрия.

— Сын набил тебе татуировки?

— Нет, их набить в тату-салоне.

— Не понял.

— Смотри. — Иван закатал рукава и положил покрытые рисунками руки на стол. — Как-то раз после работы я очень устал. Заснул прямо в кресле. Проснулся — смотрю, Юрий ручкой рисовать на мне. На руках и даже лице. Он был очень маленький, пять или шесть лет, и так ему было весело, что я его не остановить и притвориться спать, пока он не закончил. Когда я открыл глаза, то понял: это самое красивое, что я видел. Мне так понравилось! Я в тот же день пойти к тату-мастер и оставить это навсегда.

— Не подумай ничего плохого: это, возможно, самое милое, что я слышал, но... ты не мог, ну, например, просто фото сделать?

— Зачем? Хранить в телефоне? Поставить в рамку? Телефон можно потерять. Фото можно потерять. Но их... — он похлопал себя по рукам, — нельзя потерять.

— Ну, технически это не так...

— Конечно, так! Как я потерять руку? Ее не уронишь за диван. Не оставить в тележке в супермаркете и не забыть в такси. Невозможно.

— Ты прав, — кивнул Дэнни. Пожалуй, обсуждать нюансы расчленения сейчас было бы некстати.

— Они, — продолжил Иван, с улыбкой проводя пальцем по неразборчивым каракулям сына, — со мной навсегда.

— Мне немного неловко, — признался Дэнни. — Я всегда думал, ты... ну... убил кого-нибудь.

— Я сказал: татуировки от Юрия. — Иван поднял голову. — Я не говорю, что никого не убивал.

И подмигнул; тут Дэнни окончательно запутался, где шутка, а где правда.

— Думаю, мне пора. — Дэнни решительно поднялся и направился к двери.

— Минуту. Надо сделать кое-что на кухне. Для Иванны.

— Тебе помочь? — предложил Дэнни. Он знал ответ заранее, но хотел посмотреть на реакцию друга.

— Нет! — воскликнул Иван неожиданно тонким голосом, затем откашлялся. — Я хочу сказать, нет. Порядок.

Он открыл дверь ровно настолько, чтобы протиснуться в кухню — то есть практически настежь.

— Иван, — окликнул его Дэнни. Друг обернулся. — Спасибо.

— За что?

— Сам знаешь.

— Нет.

— Ну, просто... спасибо.

Иван нахмурился и покачал головой.

— Ты вести себя нелепо. — С этими словами он исчез в кухне.

Стройку окружал высокий проволочный забор. Зайти или выйти можно было только через огромные железные створки ворот, преграждающих вход. Рядом стояла будка: там резались в карты двое охранников. Всю территорию заливал свет огромных фонарей. Их лучи пересекались в самом центре, где находились бараки с кабинетами, прямо под которыми света

почти не было; никто не заметил прячущихся в темноте Дэнни с Иваном.

— Это обязательно? — спросил Дэнни, разворачивая ткань: у него в руках оказалась черная маска с прорезями. — Мы доски воруем, а не нападаем на посольство Ирана.

— Камеры. — Иван покрутил пальцем над головой.

Дэнни натянул маску на голову и приладил прорези на места.

— Так, — огляделся Иван. — Готов?

Дэнни несколько раз глубоко вдохнул и сделал пару упражнений, растягивая мышцы бедер, как показывала Кристаль.

— Да. Пойдем.

Чтобы вскарабкаться на забор, он обеими руками ухватился за проволоку, но та только впивалась ему в пальцы, пока он искал ногами опору.

Иван сгреб его сзади за футболку и сдернул с забора:

— Что ты делаешь?

— А как, по-твоему? Пытаюсь перелезть!

Вздыхнув, Иван покачал головой и поднял нижнюю часть проволоки: образовалась дыра, в которую они оба смогли бы протиснуться.

— Ну или так, — кивнул Дэнни.

Крадучись, они пересекли стройплощадку, стараясь прятаться в тени, пока не добрались до говносвалки — так называли место, где стояли большие желтые контейнеры с ненужными материалами. В первом лежала гора разбитых кирпичей и щебня, в другом — куски пластиковых труб и мешки из-под цемента; из третьего торчали выброшенные деревяшки.

— Вот. — Иван сложил руки, чтобы подсадить Дэнни. — Ищи, что надо. Я сторожить.

Дэнни старался копать в контейнере как можно тише. Он выбирал подходящие доски и передавал Ивану, а тот осторожно укладывал их на землю. Набрал достаточно, украинец перевязывал их с обоих концов и соединял веревки

посередине, чтобы можно было нести. Они почти собрали четыре штабеля, когда Иван вдруг замер и уставился вдаль.

— Что-то не так? — прошептал Дэнни.

Иван цыкнул в ответ, продолжая смотреть в темноту.

— Кто-то идет!

— Черт! Что делать? — зашипел Дэнни.

Иван вытащил из связки доску, взвесил в руке и постучал по ладони, словно это была бейсбольная бита.

— Нет, Иван! Никаких драк!

— Есть идеи получше?

Дэнни принялся судорожно оглядываться.

— Спрячь доски и полезай в контейнер! — скомандовал он.

— Что?

— Я сказал, полезай! Быстрее!

Заметив луч фонарика за углом, Иван быстро сдвинул доски в сторону и, схватив протянутую руку Дэнни, влез в контейнер, чуть не сбросив друга.

— Теперь что? — спросил украинец. Дэнни уже окопался среди всяких деревяшек и досок. Иван поступил так же, почти зарывшись в обломки, и накрылся огромным листом фанеры.

Несколько секунд спустя из-за угла появился охранник.

— Кажется, это оттуда.

Его напарник шел следом. Когда он направил фонарик на контейнер, Иван и Дэнни зажмурились.

— Крыса, наверное, — бросил второй охранник. Выглядел он почти так же, как первый, только ниже и толще.

— Огромная должна быть крыса, чтоб навести такого шороху.

— Крысы иногда вырастают большими, — заметил тот, что пониже. — Я однажды видел крысу размером с собаку.

— Брехня.

— Правда. Ну, может, не с дога, но все равно здоровенную.

— Насколько здоровенную? — уточнил высокий.

— Не знаю. С болонку, наверное. Я ее видел на Лестер-сквер, она тащила в кусты сороку. Бедная птица была еще жива.

— Болонка не такая уж крупная, — высокий явно сомневался. — Максимум размером с кошку.

— Да пофиг. Вот такого размера.

— То есть ты хочешь сказать, что видел крысу размером с кошку.

— Нет. Размером с собаку, — поправил низенький.

— Ладно, крыса размером с собаку размером с кошку.

— Ага.

— Значит, размером с кошку, — настаивал высокий.

— Нет, размером с собаку!

— Господи боже. Смотри: если крыса такого же размера, как собака, а собака — размером с кошку, то крыса размером с собаку размером с кошку — это крыса размером с кошку размером с собаку. Так?

— Не знаю. Ты меня запутал.

— Ладно, ладно. Представь, что мой левый кулак — это кошка. А правый — собака.

— Не наезжай на меня, Стью.

— Да я не наезжаю!

— Тогда убери от меня свои кулаки!

— А то что?

— А то я тебе врежу!

Тут Иван вдруг выпрыгнул из контейнера, как кит из воды. Охранники завопили, а Дэнни застонал под градом досок и кусков дерева; Иван бился и метался из стороны в сторону, как уж на сковородке.

— Беги! — закричал охранник, но напарника уже и след простыл: только тени от фонарика металась по стройке, пока тот пулей неся во мрак.

Иван еще пару минут продолжал странное представление, но наконец замер. Тяжело дыша, он стянул маску и вытер пот со лба. Дэнни попятился, опасаясь резким движением вызвать новую волну припадка.

— Извини, — буркнул Иван.

— Что. Это. Блин. Сейчас. Было?

— Я не виноват. Это древожук.

— Чего?.. Какой древожук?

— Этот! — Иван дрожащей рукой указал на какое-то пятнышко, при ближайшем рассмотрении оказавшееся мокрицей.

— Мокрица? — протянул Дэнни, снимая маску. — Я чуть не обделался, потому что ты, блин, увидел мокрицу?

— Она укусить! — заявил Иван, демонстрируя руку без малейших следов укуса.

— Нет! Ты же не из дерева!

— Ну... она хотеть укусить! По глазам видел!

— Поверить не могу: великий Иван Шевченко боится мокриц. — Дэнни осторожно помассировал сердце.

— Иван ничего не боится! — заявил украинец.

Глаза Дэнни расширились. Он указал на друга.

— Иван, ты только не нервничай, но, кажется, одна сидит прямо у тебя на плече!

Тот снова принялся бешено дергаться, бегать кругами и хлопать по телу, пока не заметил, что Дэнни ржет.

— Что ты там говорил? — перестав хохотать, спросил Дэнни.

Иван нахмурился.

— Я говорить, удачи с досками. Придется тебе нести их сам. — С этими словами украинец развернулся и побрел прочь со стройплощадки.

— Подожди! — закричал Дэнни; его улыбка дрогнула. — Иван! Вернись! Я пошутил!

Глава 24

Проснувшись наутро, Дэнни обнаружил в гостиной Уилла и Мо за видеоигрой.

— Дома? — удивился он. — В такой прекрасный день?

Мальчишки не ответили. Они не сводили глаз с экрана, где их персонажи бегали туда-сюда, пытаясь убить друг друга бензопилами.

— Вы бы лучше погуляли, чем в телик пялиться.

— Там дождь, мистер Малули, — сказал Мо, даже не обернувшись.

Дэнни взглянул на окно: по стеклу барабанили капли.

— Да ну, ерунда! Такой дождик еще никому не вредил.

— Мой дядя Файзал утонул во время наводнения, — сообщил Мо.

— Ох. Понял. Сочувствую, Мо. Но солнышко может выглянуть в любой момент. — Дэнни указал за окно, стараясь не обращать внимания на тучи, обложившие небо до самого горизонта.

— Ну не знаю. Дождь довольно сильный. Можно заболеть.

— Детям важно болеть, Мо. Это укрепляет иммунитет. А если ты простудишься, то можно не ходить в школу, так что это любому плюс, да?

Мо и Уилл посмотрели на него с сомнением. Дэнни прибегнул к запасному плану.

— Ладно. — Он вытащил из бумажника купюру в десять фунтов. — Вот. Развлекайтесь.

Мо обернулся к Уиллу. Тот помотал головой. Мо перевел взгляд на Дэнни.

— Без обид, мистер Малули, но наши жизни стоят чуть дороже.

— Жизни? Да вы не умрете от дождя, Мо.

— Мой дядя Файзал тоже так думал, — возразил Мо.

Дэнни вздохнул.

— Ладно, ладно. — Он выудил из бумажника еще одну десятку и вручил им обе.

Мо взглянул на Уилла. Тот кивнул.

— И до вечера не возвращайтесь! — прокричал Дэнни, когда мальчишки побежали за дождевиками.

***

Как только они ушли, Дэнни позвонил Ивану. Через некоторое время тот принес коробку с инструментами и еще что-то, завернутое в фольгу.

— От Ивана? — улыбнулся Дэнни.

— Это допрос в КГБ? — проворчал Иван, протискиваясь мимо него.

Вернувшись со стройки, они оставили доски в пустом гараже, а теперь принесли их наверх (но только после того, как Дэнни заверил друга, что в них нет мокриц-людоедов) и сложили у комнаты Уилла. Затем, обсудив план действий, принялись за дело.

Они работали с утра до самых сумерек, прервавшись лишь на обед и потом еще раз, когда позвонила Ивана. Тогда Ивану пришлось объясняться: он не повез ее на шопинг в «Вестфилд»¹⁶, так как помогает Дэнни. Тот тоже оказался втянут в разговор, когда Ивана потребовала, чтобы он взял трубку и подтвердил: Иван в самом деле там, где говорит, а вовсе не с бабой из пятьдесят четвертой квартиры (которая, по версии Ивана, случайно захлопнула дверь и постучалась к нему в одном халате; именно поэтому Ивана и обнаружила у себя дома полуголую тетку, хотя оставалось непонятным, почему на Иване тоже была не вся одежда).

Все оказалось сложнее, чем ожидалось: огромный Иван с трудом мог развернуться в маленькой комнатке, к тому же ни он, ни Дэнни не понимали, что делают. Они только-только закончили, когда вернулся Уилл с маленькой коробкой недоеденной пиццы в руках. Оба сидели на кухне: на лицах и одежде пятна краски, а в чае плавают опилки.

— Все путем, приятель? — спросил Дэнни. Уилл пялился на них с порога, как кондуктор, который нюхом чует, что подсунутый ему студенческий билет — фальшивка, но не может объяснить, почему именно. — Стало быть, ты выжил?

Сын кивнул, все еще хмурясь.

— Это у тебя пицца? — Иван указал на коробку.

Снова кивнув, Уилл протянул коробку ему. Иван положил один кусок между двумя другими и отправил пиццу-бутерброд в рот.

Уилл указал на одежду Дэнни и вопросительно поднял ладони. Отец улыбнулся.

— Все тайное станет явным, — объявил он, ставя чашку на стол. — Но сначала закрой глаза.

Уилл подчинился, но Дэнни на всякий случай накрыл его глаза руками, чтобы не подглядывал. Отец осторожно провел сына через всю квартиру, пока они не остановились перед спальней мальчика.

— Итак, — начал Дэнни, убирая руки как раз в тот момент, когда сзади вырос Иван. — Смотри.

Уилл открыл глаза. Закрыл. Снова открыл. Дэнни следил за ним с беспокойством, пытаясь понять, нравится ли ему, но выражение лица сына было нечитаемым, как у игрока в покер с пристрастием к ботоксу.

Молчание затягивалось, и Дэнни забеспокоился: сначала — не сделал ли он что-то не так, потом — не сложил ли Уилл два и два и не просек ли, кто скрывается под костюмом панды. Колотившееся сердце унялось, только когда он увидел улыбку сына.

Паровозик Томас не пережил встречи с ножами, которыми Дэнни и Иван все утро обдирали обои. Потом они дважды прокрасили стены ярко-зеленым. Верхний слой не успел высохнуть (Уилл случайно обнаружил это, потрогав краску пальцем). Его старая кровать по-прежнему стояла в углу, но теперь она оказалась ближе к потолку, метра на два возвышаясь над полом.

Иван и Дэнни взбесили соседей, весь день сколачивая доски и столбики, на которых она держалась. Сбоку они приделали лесенку, а под кроватью вписали письменный стол с лампой и принесли с кухни стул, чтобы Уиллу было где заниматься. Дэнни пообещал купить нормальное кресло, как только немного подкопит.

Но Уилл смотрел вовсе не на стол, а на стену над ним, где висела рамка. Дэнни всю ночь выбирал для нее фотографии из альбомов Лиз, хотя ни разу не открывал их после аварии. Там были просто снимки Лиз, Лиз вместе с Уиллом, а прямо в центре — селфи, сделанное в Лондонском зоопарке перед клеткой с обезьянами: все трое в кадре, и все улыбаются, даже обезьянка, которая влезла на фото. Сверху Дэнни подписал: «Мама» — над Лиз, «Папа» — над собой, «Обезьянка» — над Уиллом и «Уилл» — над обезьянкой.

Уилл потрогал фотографию чуть дрожащими пальцами. Он не видел, как Иван похлопал Дэнни по спине, и не слышал, как отец зашел в комнату, пока не почувствовал его руку у себя на плече. Уилл крепко-крепко обнял его. Никто не проронил ни слова. В этом не было нужды.

Глава 25

Несколько дней Дэнни пребывал в состоянии раздражающей жизнерадостности. Во время прогулки он насвистывал. Улыбался, когда говорил. Пел в душе. Здравовался с незнакомыми людьми. Попытался даже помириться с Эль-Магнифико, бросив ему денег после выступления, но в ответ фокусник вытащил из кармана двухфунтовую монету и запустил Дэнни в лоб (впрочем, последний остался в плюсе, ведь сам потратил только фунт).

Впрочем, как-то раз придя домой, он обнаружил поджидающих его в гостиной Реджа и мистера Дента, и хорошее настроение мигом испарилось.

— Где тебя черти носят? — бросил Редж с дивана, словно они трое жили вместе и сегодня была очередь Дэнни готовить ужин.

— Привет, Редж. — Дэнни, пытаюсь сохранять спокойствие, кивнул его помощнику, стоявшему позади незанятого кресла. — Дент.

— Это из «Танца-вспышки»? — поинтересовался Редж.

— Что?

— Ну что ты там насвистывал. Классный фильм. С Дженнифер Билз. — Он охнул, словно ему зарядили в пах, но так, что ему понравилось. — Смотрел «Танец-вспышку», Дент?

Тот нахмурился и покачал головой.

— Дент не любит танцульки. А вот я в молодости зажигал. В основном в зале.

— Не знал, Редж. — Представив, как домовладелец танцует румбу, Дэнни поморщился.

— Ага, того, что ты не знаешь, целая ванна наберется. Присаживайся. — Он указал на пустое кресло, которое охранял мистер Дент.

Дэнни сел.

— Чем я могу тебе помочь?

— Чем ты можешь мне помочь? Чем ты можешь помочь мне? Я скажу тебе — чем. Ты, блин, можешь вернуть мои деньги!

— Верну, — заверил его Дэнни. — На следующей неделе. Как мы и договаривались.

— Про следующую неделю речи не было. Мы договаривались на сегодня. Сегодня ровно два месяца с тех пор, как мы условились.

— Два месяца будет на следующей неделе. — Дэнни почувствовал, что ему срочно надо ослабить галстук, хотя никакого галстука не надевал.

— Хочешь сказать, я вру? — возмутился Редж. Его голос звучал резко и холодно, как удар ледоруба.

— Конечно нет. Я просто...

— Значит, ты меня лохом назвал? Ты назвал меня лохом?

— Нет, Редж...

— Дент, этот лох назвал меня лохом?

Тот пожал плечами.

— Пожалуйста, — взмолился Дэнни, — дай мне неделю, и я все тебе верну, обещаю.

Редж опустил взгляд. Только тогда Дэнни заметил у него в руках фотографию Лиз.

— Знаешь, никогда не понимал, что она в тебе нашла. Жenuшка у тебя была прелесть. Она заслуживала кого-нибудь получше. Не стоило ей сходиться с таким отребьем. Не хочу тебя обидеть, Дэнни. Просто говорю правду.

— Спасибо, Редж, — ответил Дэнни, стараясь звучать максимально мягко. — Очень любезно с твоей стороны.

— Знаешь, при рождении мы все похожи на глину. Не так ли, Дент?

Тот кивнул, хотя явно понятия не имел, о чем речь.

— Когда мы появляемся на свет, мы просто уродливые серые комочки. Потом жизнь добавляет красок и лепит нас так и сяк, пока мы наконец не станем теми, кто мы есть. Знаешь, в чем твоя проблема?

— Нет, Редж.

— Ты так и остался бесполезным куском дерьма. Но, к счастью для тебя, Дент у нас типа скульптор.

Дэнни и глазом не успел моргнуть, как его плечи и туловище пригвоздили к креслу веревкой.

— Что за...

— Но должен тебя предупредить, Дэн, — продолжил Редж, пока Дент туго затягивал узлы. — Художник он неряшливый.

Другая веревка обхватила лодыжки Дэнни. Тот стал сопротивляться, но Дент привязал его крепко.

— Что происходит?!

Дент навис над Дэнни, не оставляя сомнений: от этого двухметрового верзилы не стоило ждать ничего хорошего. В руке он держал молоток.

— Редж, послушай, я верну тебе деньги, богом клянусь, но я, блин, не смогу, если ты мне ноги переломаешь!

Домовладелец взял костыли и приковылял к ним, чтобы лучше видеть происходящее.

— Хотел бы я сказать, что будет не больно, — начал он, — но по личному опыту знаю: боль просто адская.

Дэнни заорал и забился в кресле, будто пилот, только что оставшийся без лобового стекла. Дент занес молоток и усмехнулся, как ребенок за игрой в «ударь крота». Он уже собирался размозжить трясущуюся коленку Дэнни, когда в гостиную вдруг ворвался Уилл.

— Отвалите от него! — прокричал мальчик, вклиниваясь между Дэнни и Дентом и стараясь казаться больше и шире, чем есть.

Все трое опешили, но сильнее всех удивился Дэнни.

— Я думал, он не разговаривает, — сказал Редж.

— Не разговаривал. — Дэнни улыбнулся Уиллу, несмотря на обстоятельства.

— Ты мне больше нравился, когда молчал, — заявил Редж. Уилл не моргая выдержал взгляд его налитых кровью глаз. — И все же, должен признать, яйца у тебя побольше, чем у твоего папашки.

Редж вздохнул. Дент почесал молотком голову, ожидая дальнейших указаний.

— Похоже, сегодня твой счастливый день, Дэн. Насладись им по полной, другого не будет. И когда мы увидимся в следующий раз, лучше верни деньги. А не то, — он повернулся к Уиллу, — молоток Дента не только тебя отмолотит. Усек?

— Ага, — выдохнул Дэнни.

— Молодец. — Редж кивнул Денту. — Идем, Ларч¹⁷.

Они ушли, а Уилл, сбегав на кухню за ножницами, перерезал веревки.

— Спасибо, приятель, — высвободив руки, Дэнни схватил сына и прижал к себе. — Так здорово слышать твой голос. — Он обнимал Уилла так крепко, как только мог.

— Что случилось? — спросил Уилл.

— Ничего, — ответил Дэнни, словно его регулярно били по коленкам.

— Скажи правду, пап. Я уже не ребенок.

— Знаю, приятель, знаю, ты не ребенок. Извини, что так с тобой обращался. И вообще прости за многое, Уилл. Просто... я словно был не в себе с тех пор, как мамы не стало. А может, и слишком в себе, я уже запутался. Я должен был тебя поддержать и не смог. Прости меня за это. Мне очень, очень жаль. Знаю, я тебя подвел, и у тебя есть полное право злиться. Да я и сам себя подвел, но я исправлюсь, даю слово. Случившегося уже никак не изменить, но теперь все будет по-другому. Знаю, я плохой друг; из меня и отец так себе, но я хочу постараться и думаю, у меня получится, если ты только дашь мне шанс. Как думаешь? Мы сможем стать друзьями?

Уилл смотрел на протянутую ладонь так долго, что рука Дэнни задрожала. Она вся покрылась потом, когда сын наконец ее пожал.

— Друзья, — сказал он.

— Друзья, — повторил Дэнни. — И не волнуйся насчет Реджа. Это просто большое недоразумение. Я в порядке. Я в полном порядке.

***

— Я в полном дерьме. — Дэнни вытер пот со лба и разглядывал свое отражение в настенном зеркале. — Если не выиграю этот конкурс, все полетит к чертям. Я. Уилл. Способность ходить на своих двоих. Всё. Будет. В полном дерьме.

— Правда. — Кристаль протянула ему полотенце и уселась рядом. — Хотя у меня-то все будет хорошо.

Она пихнула его в бок, но Дэнни даже не улыбнулся.

— Знаешь, если бы не сын, мне бы вчера колени раздробили в мясо. Прямо там, в гостиной. Блин, я хочу сказать, каково это — в одиннадцать лет увидеть такое?

— Это важно. Твоему сыну преподали ценный жизненный урок.

— И в чем именно этот урок заключался, а? — поинтересовался Дэнни с безрадостным смешком. — Когда вырастешь, постарайся не стать полным неудачником, как папа?

— Думаю, это он и так знает, — ответила Кристаль. — А теперь понял, что все домовладельцы — подлецы. Этому должны учить в школе. Не всякой ерунде типа математики и физики, а полезным вещам: например, как сделать заказ в переполненном баре, как отмазаться от штрафа за превышение скорости, как починить розетку и как вычислить домовладельца-жулика. Вот бы меня кто такому научил до того, как я въехала в свою прошлую квартиру.

— Много розеток пришлось чинить?

— Нет, чинить надо было мозг моему домовладельцу. Жуткий урод. Заходил ко мне и воровал белье, пока я работала. И всегда таскал дорогое. Хранил в ящике у кровати.

— Как ты его вычислила?

— Он как-то раз работал в саду. Наклонился над клумбой выдернуть сорняк, рубашка задралась, и я увидела на нем свои трусики с вырезом.

Дэнни чуть не поперхнулся водой, вытер рот и взглянул на Кристаль.

— Что? Мне их подарили!

— Вот бы и Редж хотел того же, — ответил Дэнни. — Лучше бы он у меня трусы украл.

— Знаешь, другие на твоём месте просто переехали бы, если б домовладелец угрожал сломать им ноги, — заметила Кристаль. — Без обид.

— Это не так просто, — отозвался Дэнни.

— Конечно, непросто. Переезд — тот ещё геморрой, но уверена, разбитые коленные чашечки — в разы больше.

— Я не то имел в виду. Я... не знаю, это сложно объяснить.

— Но вряд ли сложно понять. — Кристаль явно ожидала продолжения.

Вздыхнув, Дэнни вертел в руках крышку от бутылки, пытаясь подобрать нужные слова.

— Просто... мы с Лиз въехали туда вместе. Ну и, знаешь, для меня это все ещё «наш дом». Я понимаю, её больше нет; но она словно до сих пор обитает в этой квартире. Я знаю, я чувствую. Пару дней назад я нашёл её волос. Прямо на диване. Как будто она сидела там за секунду до того, как я вошёл. Бред, согласен. Уже больше года, как Лиз не стало, и вдруг из ниоткуда появляется её частичка. Именно поэтому я не могу уехать. Понимаю, звучит глупо, но я не могу просто бросить её там.

— Это не глупо, — ответила Кристаль. — Я тебя понимаю. Но ты должен осознать: она там больше не живёт. Теперь она живёт здесь, — она постучала Дэнни по виску, — и здесь, — постучала его по груди и вытерла руку о футболку. — И она будет с тобой, куда бы ты ни пошёл. Особенно если ты съедешь от этого конченого психа.

Какое-то время они сидели молча. Разговор повис в воздухе, как диско-шар под потолком.

— Ну, как ни крути, уже слишком поздно, — сказал Дэнни. — Даже если бы хотел, я уже не съеду. Во всяком случае пока не верну Реджу долг, а я не смогу этого сделать, если не выиграю.

— А ты не выиграешь, если не будешь заниматься, так что вставай, солдат, продолжаем! Я не позволю Кевину просто так

тебя обойти.

— Кевину?

— Эль-Магнифико, — закатила глаза Кристаль. — Также известному как мистер МакХрен.

— Слушай, а правда, как вы с ним вообще сошлись? — спросил Дэнни, частично из любопытства, частично затем, чтобы оттянуть тренировку еще на несколько минут.

Кристаль пожала плечами.

— Думаю, у меня был один из этих периодов.

— Каких еще периодов?

— Период «Мне надо встречаться с придурком-фокусником, который называет свой агрегат волшебной палочкой и заставляет тебя кричать “абракадабра” во время оргазма».

Дэнни поморщился.

— Тебе правда приходилось кричать «абракадабра»?

— Не-а, — ответила она, — он всегда сдувался первый.

Дэнни передернуло.

— Что? Сам спросил. — Она улыбнулась и покачала головой. — Что сказать, я была молодой и глупой. Он искал ассистентку, и я решила: вот способ легко заработать. Я вовсе не собиралась в него влюбляться, мне просто нужны были деньги. Он мне даже не нравился, но, блин, жизнь иногда складывается забавно. И под словом «забавно» я имею в виду «ни разу не смешно». Знаешь же трюк, когда кого-нибудь распиливают пополам? В общем, он собирался распилить меня и, как выяснилось, вполне буквально.

— Кажется, ты полностью оправилась после этого, — заметил Дэнни, оглядев ее с ног до головы.

Кристаль рассмеялась.

— Ладно-ладно, не прямо буквально, но эмоционально — точно. Я, значит, каждую ночь залезаю в его дурацкий ящик, а он знаешь, что делал? Шел домой и каждую ночь залезал в ящик Карлы.

— Кто такая Карла?

— Моя сестра.

— Ой.

— Точно, «ой», — ответила Кристаль с такой яростью, что Дэнни готов был поклясться: он видел идущий от нее пар. Он несколько раз развязал и завязал шнурки, пока девушка не успокоилась.

— Не знал, что у тебя есть сестра.

— Была, — поправила Кристаль, — у меня была сестра.

— Где она?

— Умерла, — ответила Кристаль.

Дэнни мрачно кивнул.

— Сочувствую.

— Я имею в виду умерла для меня, — пояснила Кристаль. — Эта тупая коза работает на складе в Брэкнелле¹⁸.

— Честно говоря, на ее месте я бы лучше умер, — заметил Дэнни.

Кристаль улыбнулась и окинула комнату взглядом.

— Кстати, однажды мы с Кевом устроили тут представление, когда у нас все только начиналось.

— Не думал, что в клубе Фэнни проводят шоу иллюзионистов.

— Это было «эротическое» шоу иллюзионистов, — ответила Кристаль. — Во всяком случае так Кевин его разрекламировал. Надо отдать ему должное, он всегда умел себя подать. Конечно, никакой эротики там не было: мы делали ту же фигню, что и всегда, только я расхаживала в одном белье. Костюм, конечно, не идеальный, но все равно лучше того латексного дерьма с блестками, которое он обычно заставлял меня надевать. В нем было сдохнуть как жарко. Оказалось даже неплохо разок постоять на сцене, не потея, как в адском пекле. Именно поэтому, когда после шоу Фэнни предложила мне работу — и посулила заработок в пять раз больше, чем, цитирую, «с этим придурком в остроконечной шляпе», — я задумалась, но все-таки отказалась, ведь в тот момент была в этого придурка влюблена. Но потом я узнала про его интрижку с этой, чье имя мы не называем, и подумала: к чертям все, потанцую, пока

не найду что-нибудь получше; вот и танцую до сих пор, пять лет спустя.

— Почему ты не уходишь?

— Тут отлично платят, а это редкость. И, честно говоря, мне здесь нравится. Знаю, работа не самая престижная в мире, но Фэнни ко мне добра, Зуви обо мне заботится, а отбирать деньги у тупиц даже веселее, чем их тратить.

— Кажется, я занимаюсь не тем, — заметил Дэнни.

— Ну, двигаться ты определенно умеешь, но не уверена, пойдут ли тебе стринги.

— Лучше тебе и не знать, — ответил Дэнни.

— Слишком поздно, — скривила губы Кристаль. — Я уже представила.

— И как я выгляжу?

— Как мой бывший домовладелец.

— Ну вот, — смутился Дэнни.

Кристаль засмеялась.

— Забей, — она встала. — Вернемся к делу. Мне надо потанцевать, чтобы выкинуть этот образ из головы.

Глава 26

Мистер Коулман подобрал с пола бумажный самолетик и смял его.

— Как так вышло, — начал учитель, бросая почившую игрушку в мусорку, — что человек взошел на Эверест, отыскал источник реки Нил, добрался до Северного и Южного полюса и облетел Землю на воздушном шаре, а вы до сих пор не можете найти свои места без карты, компаса и инструментов?

— Как инструменты помогут мне найти свое место?! — воскликнул какой-то ученик, размахивая циркулем. Все засмеялись.

— Просто наведи на свою парту и иди за острым концом, — ответил мистер Коулман.

— Смотрите, мистер Ка. — Другой ученик показал учителю свой смартфон: он вбил «мое место» в гугл-картах. — Ничего не обнаружено!

Мистер Коулман взял у него телефон и напечатал в строке поиска фразу «мозги Уилсона».

— Вот это неожиданность. — Он вернул телефон Уилсону. — Тоже не обнаружено. Так, народ, по местам. Кто последний — будет обедать со мной.

Класс засуетился; все поспешили к своим партам.

— Как я рад, что вы вдруг так загорелись учебой! — улыбнулся мистер Коулман.

Он сел за стол и достал очки.

— Аткинс? — начал он, склонившись над классным журналом.

— Здесь, — отозвалась Аткинс.

— Картрайт?

— Туточки. То есть здесь!

— Джиндал?

— Здесь.

— Кабига?

— Здесь.

— Малули? — Мистер Коулман бросил взгляд на Уилла и поставил галочку рядом с его именем.

— Здесь, — сказал Уилл.

— Мурхаус?

Мурхаус не ответил, и учитель не стал повторять вопрос. Он уставился на журнал, хмурясь так, словно пытался вспомнить, покормил ли утром кошку. Медленно сняв очки, он оглядел класс. Все ученики повернулись к Уиллу; даже мистер Коулман не удержался и уставился на него.

— Уилл? — переспросил он.

Тот улыбнулся.

— Я все еще здесь, — ответил он. Остальные ученики, особенно Мо, не сводили с него изумленных взглядов.

Мистер Коулман кивнул. От удивления он не мог вымолвить ни слова. Затем кое-как надел очки, откашлялся и вернулся к списку в журнале.

— Э-э... Солтуэлл?

***

— Так, народ! — завопил Мо толпе, отпихивая всех прочь, чтобы Уилл мог выбраться из угла, где его зажали. — Отойдите от парня!

— Скажи что-нибудь! — воскликнул какой-то ученик. Уже вся школа знала про Уилла, и все собрались посмотреть, не врут ли слухи.

— Что-нибудь, — ответил Уилл. Все захохотали.

— Скажи что-нибудь еще! — закричал другой.

— Что-нибудь еще, — повторил Уилл под новый взрыв смеха.

— Скажи: «Шла Саша по шоссе и сосала сушку!» — подала голос какая-то девочка.

— Шла Саша по шоссе и сосала сушку.

— Скажи: «Суперархиэкстраультрамегаграндиозно!» — крикнул еще кто-то.

— Суперархиейстраультрамегаграндиозно, — выговорил Уилл.

— Скажи: hěn gāoxìng jiàn dào nǐ¹⁹, — попросил Гань, китаец на год младше Уилла.

— Это я вряд ли смогу, — рассмеялся Уилл.

— Скажи: «Меня зовут Уилл, и я обожаю внимание, потому что я полный неудачник, у которого нет друзей», — встрял Марк, пробиваясь к нему вместе с Гэвином и Тони.

— Оставь его в покое, Марк! — возмутился Мо. По толпе пробежало встревоженное бормотание.

— Заткнись, Мо! Маленький Уилли теперь может сам говорить, как большой мальчик, да, Уилли?

Уилл не ответил. Желание разговаривать внезапно улетучилось.

— Скажи, — настаивал Марк. Уилл помотал головой. Тот схватил его за воротник и притянул так близко, что брызнул ему на щеку слюной. — Говори давай!

Уилл вздохнул.

— Меня зовут Уилл, и я обожаю внимание, — пробубнил он.

— Потому что?..

— Потому что я полный неудачник, у которого нет друзей.

— Слышали, ребятки? — Марк обернулся к Тони и Гэвину.

— Не-а, — отозвался Гэвин.

— Слишком тихо, — добавил Тони.

Марк ухмыльнулся.

— Скажи так, чтобы все слышали!

— Меня зовут Уилл, и я обожаю внимание, потому что я полный неудачник, у которого нет друзей, — повторил Уилл громче.

— Громче!

— Меня зовут Уилл, и я обожаю внимание, потому что я полный неудачник, у которого нет друзей! — выкрикнул Уилл.

— И не забудь! — закончил Марк. Он наклонился ближе и понизил голос, хотя в нем по-прежнему звучала ярость. — Думаешь, ты такой особенный, раз у тебя мать умерла?! Рыдаю,

прямо не могу. Мой отец умер два года назад, но что-то я не веду себя как ребенок! И не пытаюсь привлечь к себе внимание, как последний неудачник! Так что прекрати позориться и ныть, а повзрослей уже наконец!

Марк выпустил воротник Уилла и оттолкнул его к стене.

— Идем, парни.

Гэвин и Тони двинулись за ним следом. Толпа перед троицей расступалась. Все поняли: веселье кончилось — и стали расходиться. В коридоре остались только Уилл и Мо.

— Я даже не думал, что у него был отец, — сказал Мо. — Мне казалось, его в пробирке вырастили.

Уилл вытер слюну со щеки и уставился на Марка через весь двор.

***

Дэнни подошел к воротам школы как раз тогда, когда прозвенел звонок. Главные двери распахнулись, и оттуда пулей вылетали ученики, бежавшие прочь, словно с места преступления. Возможно, для некоторых так оно и было.

До конкурса оставалось меньше недели, и Дэнни решил не ходить в парк, а вместо этого подольше позаниматься у Фэнни. Он уже запомнил все движения своего танца, но до сих пор не все отточил. Даже меньше, чем не все. Меньше половины. Меньше, чем малую часть. Но он хотя бы мог станцевать все от начала до конца.

Забыв, где находится, Дэнни, кряхтя, почесал в паху. Он надел на репетицию костюм панды, чтобы посмотреть, удобно ли будет в нем двигаться (как выяснилось, ткань безумно натирала, особенно между ног) и легко ли дышать в маске (примерно так же, как с мешком на голове). Костюм промок настолько, что теперь Дэнни чувствовал, как пот пропитывает даже рюкзак.

Уилл перешел дорогу прямо перед ним.

— Что ты здесь делаешь? — спросил сын.

— Порчу твой имидж? — Дэнни огляделся, подумав вдруг, нет ли на горизонте интересующей сына девчонки.

— Нет у меня никакого имиджа, — улыбнулся Уилл. — Просто думал, ты на работе.

— Я... э-э... убежал пораньше, — ответил Дэнни. До него вдруг дошло: он так хотел видеть сына, что забыл, где ему полагается работать в это время. В доказательство своих слов он похлопал по рюкзаку. — Все мои инструменты здесь. Я просто подумал, мы могли бы... ну знаешь... заняться чем-нибудь.

— Например? — поинтересовался Уилл.

— Да чем захочешь.

Уилл на минуту задумался.

— «Бургер Кинг»? — предложил он.

— Значит, «Бургер Кинг».

— А можно мне тройной «воппер» с сыром?

— А ты осилишь тройной «воппер» с сыром? — уточнил Дэнни.

— Не знаю, — пожал плечами Уилл.

— Что ж, есть только один способ это выяснить. Идем!

— Подожди. Пойдем лучше туда, — вдруг сказал Уилл, указывая в противоположном направлении.

— Но «Бургер Кинг» в той стороне, — удивился Дэнни.

— Просто иди за мной.

***

Уилл не сказал, куда они направляются, а Дэнни не стал спрашивать. Он был рад просто идти рядом и болтать с сыном — простое, но редкое для него удовольствие. Уилл рассказал ему, как дела в школе, старательно умалчивая об инциденте с Марком, а Дэнни рассказал сыну о работе, старательно умалчивая о своем увольнении двухмесячной давности. Он так увлекся разговором, что даже не заметил, как они пришли в парк, пока Уилл не остановился на том месте, где обычно выступал человек-панда.

— Что-то не так? — спросил Дэнни.

— Хотел тебя кое с кем познакомить, — ответил Уилл, оглядывая парк.

— С кем? — настороженно поинтересовался Дэнни. Он уже знал ответ, но все равно должен был спросить.

— С парнем в костюме панды. Он танцует. И здорово.

— Разве я не говорил, чтобы ты не разговаривал с чудаками в парке?

— Он не чудак! Он мой друг.

— Привет, Дэнни, — сказал кто-то у них за спиной. — А я тебя не узнал без меха.

Оборачиваясь к Тиму, Дэнни практически чувствовал, как бешено вращаются шестеренки у него в мозгу. Милтон в синей водолазке сидел у музыканта на плече.

— У тебя выходной, да? — спросил Тим.

— Извините, разве мы знакомы? — Дэнни подмигнул, надеясь, что Тим поймет его намек. Но не тут-то было.

— Знакомы? — засмеялся тот — сначала искренне, но потом скорее нервно.

— Я хочу сказать... разве мы встречались? — Дэнни снова подмигнул.

Тим подмигнул в ответ, хотя понятия не имел — зачем.

— Не знаю. А встречались?

— Нет, думаю, нет, — ответил Дэнни.

— Ну, значит, не встречались. — Тим снова подмигнул.

— Тогда откуда ты знаешь, как его зовут? — спросил Уилл.

— Что? — буркнул Тим, словно только что его заметил. — Не знал. Не знаю.

— Ты назвал его Дэнни.

— Вовсе нет!

— Да, назвал!

— А! — воскликнул Тим. — Ну да. Ты прав. Назвал.

Уилл ждал. Дэнни неловко поежился. Тим нервно дернулся. Милтон принялся вылизывать причинные места.

— Я всех зову Дэнни, — выпалил музыкант. — Это... знаешь... моя фишка.

— Ты всех зовешь Дэнни? — переспросил Уилл.

— Да, — кивнул Тим. — Точно.

Он повернулся к Дэнни, взглядом моля о помощи, но Дэнни будто бы завис и еще не успел перезагрузиться. Тим продолжил рассказ, стараясь выпутаться, но вместо этого закапывался еще сильнее.

— На самом деле это забавная история, — начал он, — хоть и немного грустная. Знаешь, я так называл папу. Дэнни. Его звали... Бернард. Как Бернард Мэттьюс²⁰, просто чтобы ты понимал. В общем, когда я был маленьким, мой папа так же, как он, постоянно зарабатывал деньги, но я не мог это выговорить из-за... нарушений речи. Теперь все прошло. Ясен пень. В общем, я пытался выговорить «деньги», но получалось похоже на «Дэнни», и я так его и называл.

Дэнни отвис настолько, что сумел сделать несколько отрывистых движений, беззвучно произнося слово «хватит», но Тим, увлекшийся выдуманной историей своей жизни, ничего не замечал.

— Однажды отец просто ушел без предупреждения. Бросил нас, — он щелкнул пальцами. — Вот так. Ушел. Такая трагедия.

Тим на секунду запнулся, и Дэнни в ужасе уставился на него.

— Никто не знал, куда он делся. Говорят, его видели в разных уголках земного шара от Урала до Западного Папуа, но никаких доказательств нет. Я не прекращал его искать, но годы шли, и я стал волноваться, узнаем ли мы друг друга. Поэтому каждый раз, когда я вижу кого-нибудь похожего, я подхожу и говорю «Дэнни!», ведь я уверен: если это он, то он вспомнит меня, своего сына. Вот почему, молодой человек, я всех зову Дэнни.

Тим посмотрел на Дэнни, явно впечатленный собственной историей. Уилл нахмурился, совершенно сбитый с толку.

— Значит... ты решил, что мой папа может быть твоим папой?

Улыбка Тима померкла. Он понял: его история не столь правдоподобна, как он думал.

— Да, — ответил он. — В смысле нет. Не знаю.

Музыкант посмотрел на Дэнни.

— Что скажешь?

— Нет, — устало покачал головой Дэнни, — я не твой отец.

— Чушь какая-то. Я — туда, — Уилл указал на собравшуюся неподалеку толпу. — Что ты там говорил насчет разговоров с чудаками в парках? — прошептал он, проходя мимо Дэнни.

— Что, черт возьми, это было?! — вытирая лоб хвостом Милтона, прошипел Тим, когда Уилл отошел достаточно далеко.

— Ты только что сказал моему сыну, что я твой отец, и ты еще задаешь мне вопросы?!

— Извини, я запаниковал! А что надо было сделать?

— Нет, — отозвался Дэнни, растирая напряженную шею, — это ты извини. Я виноват. Надо было раньше сказать: мой сын ничего не знает про костюм панды.

— Почему?

— Потому что я танцующая панда, Тим. Тут особо нечем гордиться, не находишь?

Тим сжал его плечо.

— Тобой горжусь я, — сказал он, — и Милтон тоже. Может, по нему и не скажешь, но это так.

— Э-э... спасибо, — ответил Дэнни. — Сочувствую по поводу отца, кстати.

— Почему?

— А разве он от вас не ушел?

— Если так, то в чьем же подвале я живу? Кстати, — добавил музыкант, указывая Дэнни за спину, — держи сына подальше от Эль-Магнифико.

— Блин! — воскликнул Дэнни, заметив Уилла в толпе. — Спасибо еще раз! Я у тебя в долгу!

— Клевый парень, — сказал Уилл подбежавшему к нему Дэнни.

— Ага, — отозвался тот, пытаюсь спрятаться за спинами людей. — Пошли, нам пора.

— А для следующего трюка, — выкрикнул Эль-Магнифико в толпу, — мне понадобятся двое добровольцев!

Дэнни сторбился и уставился себе под ноги, не замечая, что Уилл изо всех сил тянет руку вверх.

— Кажется, мы нашли новых жертв! — объявил фокусник, указывая на Уилла. Толпа засмеялась. — Расступитесь, дамы и господа!

— Идем! — Уилл схватил Дэнни за руку.

— Уилл, прекрати! — прошептал Дэнни, пытаюсь сопротивляться и одновременно не устраивать сцены.

— Так-так-так, — протянул Эль-Магнифико, заметив, как Дэнни неохотно протискивается сквозь толпу. — Кто это тут у нас?

— Я Уилл, а это мой папа.

— Ребята, поддержите Уилла и его папу!

Из толпы донеслись вялые аплодисменты.

— Итак, прежде чем мы начнем... Уилл, у тебя есть телефон?

— Да, — мальчик вытащил мобильник из кармана.

— Превосходно. Не мог бы ты показать его, чтобы все видели?

Уилл поднял телефон и покрутил им, будто снимал панорамную фотографию.

— Очень хорошо, — Эль-Магнифико повернулся к Дэнни, ухмыляясь так, словно только что прицепил ему на спину бумажку с надписью «Пни меня». — Теперь вы, сэр. Как вас зовут?

— Дэнни.

— Дэнни, у вас есть бумажник?

— Есть, — ответил он, вытаскивая бумажник из кармана.

— Не могли бы вы тоже показать его зрителям? — попросил Эль-Магнифико. Дэнни выполнил требование. — Господа, следите за мелкими деталями! Ясно, что кожа —поддельная. Швы дешевые. Очевидно, денег внутри нет. Большое спасибо, Дэнни, можете убрать бумажник. Скажите нам: кем вы работаете?

— Он строитель, — ответил Уилл.

— Строитель? — переспросил фокусник с нажимом. — Правда?

— Правда, — отозвался Дэнни, пытаюсь испепелить Эль-Магнифико взглядом.

— Надо же, как интересно, — продолжил тот, делая вид, будто подкручивает свои нарисованные усики. — А вы больше ничего не делаете? Может, у вас есть вторая работа? Бармен? Почтальон? Танцующая панда?

— Нет, — процедил Дэнни. — Я просто строитель.

— Как скажете. — Эль-Магнифико повернулся к Уиллу. — Скажи, Уилл, ты доверяешь папе?

Уилл кивнул куда увереннее, чем ожидал Дэнни.

— А вы, Дэнни, доверяете сыну?

— Конечно.

— Дамы и господа, ну разве это не мило? — воскликнул Эль-Магнифико. Толпа согласно забурлила. — А если бы, Уилл, ты узнал, что твой папа на самом деле... вор?

— Серьезно? — прошептал Дэнни: неужели фокусник все еще зол из-за пропавшей мантии?

— Я бы сказал, что вы лжете, — ответил Уилл.

— Что ж, такая преданность восхищает, Уилл, но если я лгу, то почему твой телефон лежит у него в кармане?

— Не может быть.

— Ты абсолютно уверен?

— Да, — Уилл похлопал по карманам, но те оказались пусты. — Стоп. Где мой телефон?!

— Дэнни, проверьте, пожалуйста, карманы.

Дэнни неохотно похлопал по брюкам в полной уверенности, что ничего необычного не обнаружит. Вместо этого он нащупал какой-то предмет, которого минуту назад там не было. Он сунул руку в карман и вытащил телефон сына.

— Уилл, это твой? — спросил Эль-Магнифико.

— Как вы это сделали?! — Уилл разглядывал телефон так, словно вся его прошлая жизнь оказалась ложью. Некоторые захлопали. Остальные полезли проверять, на месте ли их собственные мобильники.

— Спроси лучше папу. Как вы это объясните, Дэнни?

— Подловили! — Тот поднял руки, признавая поражение.

— Все еще веришь папе, Уилл?

— Ага, — отозвался Уилл, — ну, процентов на восемьдесят.

Зрители засмеялись.

— Ну а он может перестать верить тебе, если узнает, что ты украл его бумажник!

— Неправда, — Уилл вывернул карманы. — Видите?

— Дэнни, бумажник у вас?

— Нет. — Дэнни нахмурился, снова и снова проверяя карманы.

— Уилл, не мог бы ты открыть свой рюкзак?

Уилл сбросил рюкзак с плеча и принялся в нем копать.

— Только книги, — сказал он. — Еще пенал. И старый носок... не знаю, как он сюда попал. И еще засохшее яблоко. — Мальчик под дружный хохот продемонстрировал сморщенный фрукт. — И всё... ой. Нет.

Уилл медленно извлек папин бумажник. Толпа зааплодировала. Уилл замер от изумления. Даже Дэнни это впечатлило.

— Уилл, посмотри, пожалуйста, тот ли это бумажник? Ищи папино удостоверение личности или что-нибудь такое.

— Да-да, это мой, — нервно усмехнулся Дэнни. Он наконец понял задумку фокусника. — В проверке нет необходимости.

— Нашел банковскую карточку, — заметил Уилл, копаясь в бумажнике.

— Что-нибудь еще? — спросил Эль-Магнифико.

— Я тебя понял! — прошипел Дэнни, но тот лишь ухмыльнулся.

— Скидочная карта магазина.

— Смотри дальше.

— Ах да, тут есть еще кое-что. — Уилл вытащил лицензию уличного артиста.

— Что это? — поинтересовался фокусник, потирая руки от удовольствия. — Прочти-ка.

— Это...

Уилл не успел договорить: невесть откуда появившийся Милтон кинулся Эль-Магнифико прямо в лицо. Тот закричал

и рухнул на землю, а зрители, считающие это частью шоу, принялись снимать происходящее на телефоны. Воспользовавшись хаосом, Дэнни схватил бумажник с лицензией и запихнул в карман. Заметив на краю толпы Тима, он показал ему два больших пальца и потянул Уилла прочь.

***

Тем вечером домой они вернулись поздно. Дэнни, как и обещал, отвел сына в «Бургер Кинг» и там, тоже держа свое слово, купил ему тройной «воппер» с сыром. Они быстро выяснили, способен ли Уилл с ним справиться: смог, к восхищению Дэнни (а еще к разочарованию, ведь он себе ничего не взял, рассчитывая на остатки; но ему перепал только одинокий кусочек огурца).

Потом, когда они проходили мимо кинотеатра, Уилл несколько раз довольно прозрачно намекнул: он хотел бы посмотреть новый фильм из практически бесконечной серии «Форсаж», да и показ в кинотеатрах скоро закончится, а такое кино лучше смотреть на большом экране, но один он не сможет, так как денег у него нет и фильм только для детей старше двенадцати, поэтому или его должен сопровождать взрослый, или Уиллу надо притвориться старше (а они оба знали: не выйдет). В конце концов Дэнни сдался.

— Никому не говори, как поздно я разрешил тебе лечь, — сказал он, укладывая Уилла спать.

— Да не так уж и поздно, — откликнулся сын, безуспешно пытаясь подавить зевоту.

— Тогда почему ты зеваешь?

— Вовсе нет! — возразил Уилл, хотя глаза у него уже слипались.

— Ну, а я — да. — Дэнни прикрыл рот ладонью. — Пора спать.

Он выключил свет и стал закрывать за собой дверь.

— Пап?

— Да, приятель? — заглянул в комнату Дэнни, все еще держа дверную ручку.

— Сегодня было классно, — протянул Уилл. — Мне понравилось.

Отец улыбнулся.

— Мне тоже, — ответил он, но сын уже провалился в глубокий сон.

В гостиной Дэнни открыл рюкзак и чуть не задохнулся от вони. Не дыша, он вытащил костюм одним резким движением, и остальные вещи посыпались на пол. Бросив меховой наряд в машинку, он подождал, пока стирка не кончится, и лишь потом забрался в кровать, даже не заметив оставшийся лежать на ковре блокнот.

Глава 27

Уилла разбудил громкий стук. Сначала он решил, что это колотят в дверь, и запаниковал: вдруг Редж и Дент вернулись закончить начатое? Но звук, кажется, доносился из кухни.

Выбравшись из постели, мальчик натянул школьные брюки и на миллиметр приоткрыл дверь спальни. Теперь он слышал не только стук, но и пение. Прокравшись по коридору и осторожно выглянув из-за холодильника, он понял, откуда шум.

Дэнни танцевал по кухне, нацепив наушники и повернувшись к сыну спиной. Он вытащил из тостера куски хлеба, подбросил в воздух и поймал один за другим, подставив тарелку. Только подскочив к холодильнику за маргарином, он заметил наблюдающего за ним с порога Уилла.

— Привет, приятель, — улыбнулся отец, сдернув наушники. — Рановато ты встал.

— Ты слушал песни из «Грязных танцев»? — спросил Уилл, с трудом сдерживая смех. Губы у него дрогнули.

— Что? — буркнул Дэнни, трясая айподом и пытаясь выключить музыку. — Нет. То есть... не знаю. Может быть. Погоди, а ты откуда знаешь про «Грязные танцы»?

— Мы с мамой их смотрели раз сто. Не думал, что тебе такое нравится.

— Да нет. Я даже не в курсе, из какого фильма эта песня. Первый раз ее слышу.

— Тогда почему ты знаешь слова?

Дэнни открыл было рот, но снова закрыл и протянул сыну тост.

— Джем или «Мармайт»?

Уилл улыбнулся и закатил глаза.

— Джем, — он прошел в гостиную и уселся за стол. — Терпеть не могу «Мармайт».

— С каких это пор?

— С всегдашних, — ответил Уилл, рассеянно поигрывая монеткой в два пенса, которую нашел на столе. Дэнни сделал себе мысленную пометку насчет «Мармайта».

— Какие у тебя сегодня уроки? — крикнул он, стараясь перевести тему.

— История, физика, английский и математика, — перечислил Уилл, крутя монетку в пальцах.

— Четыре моих самых нелюбимых предмета!

— У тебя все предметы нелюбимые, — заметил Уилл. Монетка скатилась со стола и упала возле ножки стула. — У тебя все плохо получалось!

— Неправда. По рисованию у меня была тройка с минусом!

— Об этом я и говорю.

Уилл наклонился за монеткой, но тут заметил блокнот Дэнни.

— Мою учительницу по рисованию звали мисс Блэк. Она внушала ужас. Я тебе о ней рассказывал?

Уилл не ответил. Он листал страницы, пытаясь понять, что означают столбцы цифр и вычислений.

— У нее был стеклянный глаз, который она иногда вынимала и мыла прямо перед классом. До сих пор вижу ее в страшных снах.

Уилл прекратил листать блокнот и уставился на слова перед глазами. Он их уже видел. Уже говорил. «Он ничего обо мне не знает». «Расскажи что-нибудь о своей маме». «Панды отлично умеют слушать». Мальчик читал страницу за страницей, пытаясь понять смысл написанного; но чем дольше читал, тем больше ему казалось, что над ним подшутили, только он не понимал, в чем соль.

Дэнни вышел из кухни, неся в одной руке чашку чая, а в другой — тарелку с тостами.

— Однажды она чихнула так громко, что этот глаз... — Увидев, чем занят Уилл, Дэнни осекся.

— Так вот откуда ты узнал, — сказал сын, не сводя глаз с блокнота.

— Уилл, я...

— Поездка в Брайтон. Блинчики. Ремонт в комнате. Ты заставил меня все рассказать.

— Все не так. — Дэнни поставил завтрак на стол и сел напротив сына. — Я правда хотел тебе сказать, приятель, честно...

— Так вот почему тот парень в парке знал, как тебя зовут! — продолжил Уилл. Дэнни открыл рот, чтобы ответить, но не успел. — Ты меня обманул! Ты солгал!

— Я тебе не лгал, Уилл. И не обманывал. Это ты со мной заговорил, помнишь? Как мне надо было поступить? Не отвечать?

— Ты мог признаться! Но не стал. Просто слушал, как я болтаю с тобой, как дурак.

— Уилл, ты не разговаривал целый год! Я не знал, заговоришь ли ты когда-нибудь снова, и когда это случилось, я...

— Я не разговаривал, потому что не хотел! — закричал Уилл и с силой стукнул по столу; чашка с чаем задрожала.

— Знаю, приятель. — Дэнни поднял руки, признавая поражение. — Знаю. Ты прав. Прости меня. Мне очень, очень жаль.

— Почему ты вообще был в костюме панды? Почему ты танцуешь в парке? И не ходишь на работу?

— Это и есть моя работа, — со вздохом признался Дэнни. — Альф уволил меня несколько месяцев назад, с тех пор я и работаю пандой.

— И тебе не пришло в голову рассказать мне об этом?

— Я не хотел, чтобы ты беспокоился.

— Беспокоился?! — Уилл рассмеялся, но совсем безрадостно. — Пару дней назад я пришел домой, а тебя привязали к креслу, и мистер Дент уже заносил над тобой молоток! Как считаешь, мне не о чем беспокоиться?

— Извини, что тебе пришлось на это смотреть, приятель, но все будет в порядке, обещаю.

— Как ты можешь что-то обещать, если ты даже не способен сказать правду?! — Уилл швырнул в него блокнот. — Я думал, тебе можно доверять! Думал, ты мой друг!

— Можно! И мы действительно друзья!

— Нет! — Уилл вскочил и схватил рюкзак. — Мама была моим другом, а ты — нет!

— Уилл, пожалуйста, подожди! — воскликнул Дэнни, нагоняя его у входной двери.

Сын замер, но не обернулся.

— Знаешь, чего бы мне хотелось? — сказал он тихо, но теперь его тон был куда страшнее крика.

— Чего, Уилл? Чего бы ты хотел? — спросил Дэнни, хотя уже знал ответ: не проходило дня, чтобы он не думал о том же. — Тебе бы хотелось, чтобы на ее месте был я? Чтобы я умер вместо нее?

— Нет, — Уилл обернулся посмотреть Дэнни в глаза. — Чтобы это был я. — Он ткнул себя в грудь. — Чтобы я умер там, вместе с мамой. Лучше бы я умер, чем остался с тобой!

Он рывком распахнул входную дверь и с грохотом захлопнул ее за собой.

Дэнни не знал, нарочно ли Уилл выбрал именно эти слова, но они ранили куда сильнее, чем тогда, на похоронах, брошенные отцом Лиз.

Теперь он остался без матери.

Теперь он остался с тобой.

***

— погоди, что? — Мо потерял свой слуховой аппарат. — Кажется, эта штука сломалась. Что ты сказал?

— Я сказал, мой папа — танцующая панда! — Уилл пнул валявшийся на земле теннисный мячик, и тот проскакал через весь двор.

— Может, дело в батарейках? Кажется, ты сказал, что твой папа — танцующая панда.

— Именно это я и сказал.

— Тогда я по-прежнему ничего не понимаю, — растерялся Мо.

Уилл вздохнул.

— Помнишь, я тебе рассказывал про того чувака в костюме панды, который как-то спас меня от Марка?

Мо кивнул.

— Ну, в общем, это был мой папа.

— А почему он был в костюме панды?

— Он танцевал. В парке.

— Типа для развлечения?

— Нет, типа за деньги.

— Я думал, он работает на стройке.

— Работал, — покачал головой Уилл, — но его уволили, и он решил стать танцующей пандой.

— Без обид, но я думал, танцевать в костюме панды — не в его стиле. — Мо поразмышлял над этим с минуту. — Честно говоря, мне казалось, это вообще ни в чьем стиле. Я даже не знал, умеет ли твой папа танцевать.

— Его научила стриптизерша, после того как он отвоевал ее халат, который украл фокусник, поджигающий предметы силой мысли, — ответил Уилл как ни в чем не бывало.

Мо ждал окончания шутки. Но его не последовало.

— Да ты выдумываешь, — бросил он.

— Я бы не смог такое выдумать.

— Правда?

— Правда.

— Тогда это однозначно самое клевое, что я слышал! Хочу стать твоим папой, когда вырасту.

— Не хочешь, — оборвал его Уилл, — он лжец, и я его ненавижу. Кстати, я думал, ты хочешь стать зоофилом, или как там.

— Ерунда. Кто вообще захочет стать зоологом, если можно помогать стриптизершам сражаться с фокусниками-поджигателями? Это же работа мечты!

— Стриптизерши? — переспросил Марк. Они с Гэвином и Тони как раз проходили мимо. — Снова обсуждаете мамку Уилла, неудачники?

Он заржал, и его дружки тоже, хотя, кажется, не очень-то охотно.

— А ты в семье единственный с Туреттом²¹, Марк? — бросил Мо. — Или от мамы с папой унаследовал?

— Что такое «Туретт»? — прошептал Гэвин.

— Французское блюдо, — ответил Тони.

Гэвин кивнул в еще большем замешательстве.

— Что ты сказал?! — ошетинился Марк. Он не дал Мо ответить, схватив его за горло. — Больше никогда не смей говорить о моем отце, ты, дерьма кусок!

— Почему? — спросил Уилл. — Слишком больно?

— Что? — Марк перевел взгляд на Уилла, и хватка немного ослабла.

— Слишком больно, да? — повторил Уилл. Сердце у него колотилось, но голос звучал твердо, и он выдержал взгляд Марка, не отведя глаз. — Когда люди говорят о ком-то, кого ты любишь и кого больше нет.

— Если не заткнешься, я тебе сделаю больно!

— Не так, как себе, — отчеканил Уилл.

Марк нахмурился.

— Что ты несешь?

— Ты стараешься вести себя грубо, но я знаю правду.

— Да ни черта ты не знаешь! — заорал Марк. Они с Уиллом стояли лицом к лицу, почти соприкасаясь носками ботинок.

— Я знаю, ты не спишь ночами, думая, почему это случилось именно с тобой, а не с кем-то другим, — продолжил Уилл.

— Заткнись!

— Ты смотришь на тех, у кого есть и мама, и папа, и хочешь оказаться на их месте.

— Я сказал, заткнись! — прокричал Марк, но надтреснутым голосом.

— Ты хранишь отцовские вещи, потому что в них как будто до сих пор осталась его частичка.

— Да заткнись ты, черт побери! — завопил Марк, натягивая рукав на старенькие серебристые часы «Касио» на запястье.

— Я знаю, ты злишься, — добавил Уилл; теперь его голос задрожал. — Твоя жизнь рухнула, а планета почему-то не

остановилась, и это так несправедливо, что хочется рушить и чужие жизни тоже: почему другие заслужили быть счастливыми, а ты нет? Тебе кажется, никто не понимает твои чувства. Большинство и не понимает, но я — понимаю. — Уилл ткнул себя в грудь. — Я знаю, что ты чувствуешь. Знаю, как это больно. Но если делать больно другим, это не поможет. Боль не отступит. Продолжай меня бить. Продолжай издеваться. Продолжай доставать. Это ничего не изменит: твоего отца больше нет, как и моей мамы, и ничто на свете их не вернет.

Марк смотрел на Уилла, сжав челюсти так, что смог бы и железку перекусить. Грудь у него вздымалась, а кулаки тряслись, как два пса, рвущихся с поводков, и Уилл мысленно подготовился к тому, что Марк их спустит; но, к удивлению Мо, Гэвина, Тони и всех остальных, наблюдавших за развитием событий с безопасного расстояния, Марк в тот день так и не ударил Уилла. Он даже не заговорил. Вместо этого он развернулся и быстро пошел прочь. Он больше не сжимал кулаки, а закрывал руками лицо.

Глава 28

Когда Дэнни наступил Кристаль на ногу в первый раз, она рассмеялась. Улыбнулась, когда он сделал это снова. На третий раз она закатила глаза, на четвертый — выругалась себе под нос, а на пятый — так громко, что к ним заглянула Фэнни проверить, все ли в порядке.

— Что ты делаешь? — спросил Дэнни, когда Кристаль остановилась посреди танца и выключила музыку.

— Что я делаю?! — повторила Кристаль. — Нет, что *ты* делаешь, Дэнни?!

— Э-э... танцую?

— Ага, прямо на моих ногах, блин. А это, между прочим, очень хрупкие инструменты. Они мне нужны, чтобы зарабатывать деньги.

— Серьезно? — засомневался Дэнни. — Люди платят, чтобы увидеть твои ноги?

— Ага, умник, один мужик реально платит. И хорошо платит, кстати, но перестанет, если мои ноги будут выглядеть как мостовая в какой-нибудь чертовой Памплоне²².

— Я уже сказал, это случайно вышло! Такое бывает.

— Ага, и ты живое тому подтверждение. Но пять раз — это уже не случайность, Дэнни. Случайность — это один раз. Два раза — столкновение. Но пять? Пять раз — это не случайность. Это дурацкая шутка.

— Я же извинился.

— За что именно ты извинился? — возмутилась Кристаль. — За отдавленную ногу? Или за то, что впустую тратишь мое утро, которое я могла провести в кровати за просмотром «Охоты за сделками»²³?

— Просто я сегодня немного неповоротлив, — сказал Дэнни совершенно неубедительным тоном.

— Неповоротлив? Дэнни, да у меня при одном взгляде на тебя начинаются судороги. Некоторые из наших постоянных

клиентов двигаются лучше, чем ты, а им делали много операций на бедренных суставах. Ты же понимаешь, до конкурса всего пять дней! Пять дней, Дэнни. Так почему ты танцуешь так, будто у тебя есть еще пять месяцев?! Серьезно, если это твой максимум, то можешь прямо сейчас пойти и сам сломать себе ноги — хотя бы испортишь своему домовладельцу веселье. Я тебе помогу, если хочешь.

— Ладно, ты права, извини. Просто... Уилл наконец-то заговорил, и все стало налаживаться, но утром мы поругались, и...

— Дэнни, не пойми меня неправильно, но мне абсолютно наплевать, что происходит у тебя дома. Сейчас, когда мы вдвоем торчим в этой студии. И тебе должно быть плевать. Ты должен волноваться только об одном: как выиграть этот чертов конкурс. Потом у тебя еще будет время обо всем этом беспокоиться, но пока задвинь эту мысль в самый угол, дай ей айпад и пакетик сока, а сам сосредоточься на цели. Понял?

— Понял.

— Супер. А сейчас встань и танцуй так, словно от этого в прямом смысле зависит твоя жизнь, и если ты еще раз наступишь мне на ногу, то, богом клянусь, я засуну ее так глубоко тебе в задницу, что ты узнаешь, каков на вкус лак у меня на ногтях.

***

Дэнни сбросил промокшие ботинки, поставил чайник и лишь потом, сняв куртку, повесил ее на спинку стула сохнуть. Он вымок до нижнего белья, но странным образом обрадовался — не влажным трусам, а самому дождю, который начался около полудня и до сих пор не прекращался. У него не было настроения идти в парк после занятия с Кристаль; возвращаться домой тоже не хотелось: он бы впустую потратил весь день, переживая, что они с Уиллом вернулись туда, откуда начали; поэтому Дэнни решил: сильный дождь — это знак от Большого Босса Сверху остаться у Фэнни и продолжать

тренироваться. Именно так он и поступил. Но потом, выйдя из клуба и увидев, что дождь превратился в настоящий тропический ливень, Дэнни понял: отстойная погода и небесные знаки — не обязательно одно и то же.

Дверь в спальню Уилла была закрыта: он захлопнул ее с такой силой, что табличка с именем упала на пол и теперь лежала на ковре. Дэнни постучал — осторожно, почти беззвучно.

— Уилл? Ты там, приятель?

Он приложил к двери ухо и, кажется, услышал какой-то слабый и почти неразличимый звук — то ли поскрипывание пружины в кровати, то ли спрятанный в рукав зевок, — но издавать его могли как Уилл, так и дождь за окнами или чайник в кухне. Дэнни подумал, не зайти ли без приглашения, а потом просто сказать, мол, решил, что сын не услышал его из-за наушников, которые часто надевал, играя с айпадом. Но, с другой стороны, вполне возможно, сейчас Уилл буравил дверь тем же злым взглядом, которым ожег Дэнни сегодня утром, и все слышал, но решил ничего не говорить, тем более это у него, к сожалению, очень хорошо получалось. Дэнни не готов был проверять, поэтому отпустил ручку и отошел от двери, уверяя себя: Уилл заговорит, когда сам захочет, несмотря на массу доводов в пользу обратного.

Но спустя несколько часов, вернувшись с ужином, Дэнни слегка запаниковал. Он планировал выманить Уилла его любимой пиццей: даже положил коробку на пол и замахал так, чтобы запах шел в щель под дверью, но сын на это не клюнул.

— Уилл, я приоткрою дверь и оставлю пиццу внутри, ладно? — Дэнни старался говорить медленно и четко, словно участвовал в переговорах об освобождении заложников. — Обещаю не заходить. Попробую просунуть под дверь, но я просил положить двойную порцию всего, так что она вряд ли пролезет. Ты согласен? Скажи, если нет.

Уилл не ответил; Дэнни открыл дверь и просунул внутрь гавайскую пиццу на толстом тесте, подталкивая ее кончиками пальцев, как новичок в зоопарке, которому поручили

покормить тигра. Он заглянул в комнату, готовясь сразу же отступить, если наткнется на убийственный взгляд; но увиденное встревожило его куда сильнее, чем полное ненависти выражение лица — а у Уилла их был целый набор.

В спальне было чисто. Не безупречно. Даже не близко к безупречности. Скорее, все же грязно, но чище, чем должно быть в это время дня. У Уилла была традиция, которую Лиз называла «очистительным ритуалом»: Дэнни считал это уж больно философским описанием привычки сына разбрасывать одежду по комнате сразу после прихода из школы. Но теперь на лампе не оказалось скомканного галстука, а с дверной ручки не свисал носок. Рюкзака тоже нигде не было.

— Уилл? — Дэнни переступил порог; но, едва открыв рот, он уже знал: в комнате никого нет. Кровать была пуста. Как и стол, и пространство под столом, и за дверью, и вообще вся спальня. Единственным свидетельством того, что Уилл вообще приходил домой, была отвалившаяся табличка с именем, да и та вполне могла упасть еще утром.

Вернувшись в гостиную, Дэнни схватил телефон, проверяя, нет ли пропущенных звонков или сообщений. Ничего. Он набрал номер сына, но его сразу же переключили на голосовую почту. Он позвонил еще несколько раз, но безрезультатно.

Решив, что Уилл, скорее всего, в гостях у Мо, Дэнни позвонил его папе Ясиру — вечно улыбающемуся агенту по продаже недвижимости с очками еще толще, чем у сына, — но тот сказал: Мо дома, смотрит Animal Planet и не видел Уилла после школы.

— Все в порядке? — спросил Ясир. В трубке было слышно, как кого-то пожирают львы.

Заверив Ясира, что все нормально, и стараясь звучать уверенно, Дэнни поблагодарил его и повесил трубку.

— Без паники, — он повторял эти слова как мантру, надеясь таким способом унять колотящееся сердце, но многократно произнесенное слово «паника» только все ухудшило.

Дэнни глубоко вдохнул, заставляя себя успокоиться и рассуждать логически. Было всего восемь часов, на улице еще

не стемнело — от этого ему стало немного легче. Кроме того, хотя Уилл редко раздражался, в то утро он ушел из дома куда злее, чем обычно, — а значит, скорее всего, злился до сих пор и вряд ли хотел видеть того, кто был тому причиной. Видимо, именно поэтому он еще не вернулся. Дэнни не мог не вспомнить, что и сам часто сбегал из дома, когда был младше — даже младше Уилла — после ссоры с родителями или когда те ругались между собой. Во время таких побегов с ним не случалось ничего плохого, и рано или поздно он приходил обратно: обычно от усталости, голода или когда замерзал до костей — так, что не мог согреться и у пылавшего внутри огня.

Успокоив себя таким образом, Дэнни сел на диван и стал ждать, пока ливень не загонит Уилла домой и он, мокрый и продрогший, не появится на пороге. Отец не сводил глаз с мобильного и прислушивался, не скрипнет ли входная дверь, не сомневаясь: сын вернется с минуты на минуту. Но прошло полчаса, затем час, и Дэнни начал волноваться, особенно когда на улице стемнело. Он так стучал ногой по полу, что мог бы пробить в нем дыру или ногтями содрать всю обивку с дивана, — но не выдержал, схватил все еще сырую куртку и выбежал под дождь.

Он начал с деревянного домика на детской площадке, где Мо с Уиллом иногда сидели после школы, хотя им приходилось сгибаться практически пополам, чтобы туда влезть; но обнаружил только гильзы из-под веселящего газа и мокрые объедки «хэппи-мила». Дэнни проверил гаражи за домом: иногда подростки посильнее взламывали их, чтобы тусоваться внутри, устраивать свиданки или заниматься всякими делишками, нередко незаконными. Но Уилла и там не было. Вспомнив, что иногда ребята собирались возле мусорных контейнеров, где жильцы и домовладельцы бросали телевизоры, развалившуюся мебель и другой хлам, Дэнни направился туда. Сердцебиение было слышно даже сквозь куртку, ноги поскользывались в грязных лужах, но он отыскал

только пару кошек, прячущихся от дождя под столом, у которого не доставало одной ножки.

Дэнни обежал все лестницы и все этажи дома, пока у него не заболели ноги, не свело легкие и не осипло горло оттого, что он без конца звал Уилла и орал на тех, кто орал на него за крики. Он хотел обыскать каждый уголок в городе, заглянуть в каждый темный переулок и на каждое оживленное шоссе, обыскать каждый мрачный парк и подземный переход, но не знал, с чего начать, и понимал: легче будет пересчитать все дождевые капли, чем отыскать Уилла, просто бродя по улицам. Он чувствовал себя беспомощным, как тогда, когда сын лежал в коме, а Лиз — в морге, и сколько бы он ни взывал к Богу, в которого не верил, и сколько бы ни пытался убедить себя, что мир — правильное и справедливое место, где все подчинено законам логики, а не слепому случаю; что бы ни говорил, ни делал и ни бормотал как молитву — ничто не могло изменить ход событий.

Остановившись на секунду перевести дух, Дэнни схватился за перила и уставился сквозь дождь на смутно различимый центральный Лондон. Чем дальше он смотрел на темные громады зданий на горизонте, тем мрачнее становились его мысли. Он думал обо всех плохих вещах, которые не должны случаться с хорошими людьми, но все-таки происходят, и о плохих людях, которые должны бы соблюдать законы, но этого не делают. Он вспомнил уродливые полицейские снимки и ужасные заголовки, увиденные в газетах за эти годы, и зловещие репортажи, где угрюмые дикторы и ведущие просили предоставить информацию. Он представил все объявления «пропал человек», расклеенные на фонарях, стенах, мусорных контейнерах и электрических шкафах, — он проходил мимо них, не замечая; увидел лицо Уилла на таком объявлении: его порванное и открытое всем стихиям лицо треплет ветер и игнорируют прохожие.

Дэнни вдруг посетил мучительное осознание, что Уилл мог исчезнуть не по собственному желанию, и он сунул руку в карман, чтобы достать телефон и позвонить в полицию — он

до последнего надеялся этого избежать. Но, похлопав себя по карману, Дэнни понял: телефон остался дома.

Он бросился бежать по коридору, чуть не споткнулся и не покатился с лестницы, перепрыгивая по четыре ступеньки за раз; подскочил к двери и стал возиться с ключами; дважды уронил их, костеря себя за каждую впустую потраченную секунду, и несколько раз промахнулся мимо замка, пока наконец не придержал дрожащую руку другой, и только тогда сумел попасть в скважину.

Ворвавшись в пустую квартиру, Дэнни надеялся найти там коробку с объедками пиццы. В коридоре не было мокрой обуви. Школьный рюкзак не валялся в углу. Никто не раскидал по ковру форму. Дэнни не ждал одиннадцатилетний мальчик, продолжающий его игнорировать. Отец схватил со стола телефон и сделал звонок, которого родители боятся больше всего.

— С какой службой вас соединить? — спросил женский голос.

— С полицией, — ответил Дэнни.

— Секунду. — Оператор перевела его в режим ожидания.

В ожидании Дэнни пролистал страницы, где записал свой разговор с Уиллом, надеясь найти какую-нибудь незамеченную раньше подсказку, куда мог направиться сын, — случайно упомянутый друг или место, о котором он не знал; но заметки только напомнили ему, как близки были они с Уиллом совсем недавно и как далеки стали теперь.

— Что у вас случилось? — спросил другой голос, мужской.

— Мой сын пропал, — отозвался Дэнни, сам не веря в сказанное.

Оператор стал задавать вопросы о Уилле. Имя. Возраст. Рост. Дата рождения. Какая одежда на нем была, когда он пропал. Когда его видели в последний раз. Где его видели в последний раз. Отвечая, Дэнни постепенно цепенел, как будто это говорил не он, а кто-то другой, а он просто слушал и смотрел на блокнот в руке. В углу он накорябал одно слово: «апельсины», дважды подчеркнул и поставил знак вопроса, но долго не мог понять,

почему оно так важно; а потом вдруг вспомнил, что говорил Уилл тогда в парке. Его губы тронула мимолетная улыбка.

— Извините, — Дэнни перебил оператора посреди вопроса и бросился в комнату сына. — Все в порядке. Все нормально. Простите, что отвлек.

Дэнни положил трубку и остановился перед шкафом. Он и не подумал там искать. Осторожно отодвинул дверцу и безошибочно узнал запах Лиз, окутавший его на миг, словно дав понять: все будет хорошо. Уилл свернулся в углу, устроившись головой на рюкзаке. На нем были ботинки, школьная форма и наушники. Он даже не пошевелился, когда Дэнни его нашел. Сын и не взглянул на него: он заснул слишком глубоко и даже не понял, что его нашли и что его вообще искали. Рядом стояла пластиковая баночка с оранжевой крышкой — такие стояли у Лиз на прикроватном столике возле телефона и книги, которую она читала. На самом дне баночки осталось совсем немного крема — ровно столько, сколько она мазала рано утром или перед сном.

Дэнни закрутил крышку и подумал, не разбудить ли Уилла, но тот так мирно спал, что отец тихонько закрыл дверцу шкафа и на цыпочках вышел из комнаты.

Глава 29

Никогда прежде Дэнни не оскорблял голубя. Насколько он помнил, его вообще никогда не оскорбляли животные; но, глядя, прищурившись, на льющийся сквозь открытые занавески солнечный свет и голубя, который таращился на него через окно, наклоняя голову то влево, то вправо, словно размышляя о главных вопросах мироздания, Дэнни почувствовал странную уверенность: несмотря на невинную внешность и биологическую неспособность говорить, птица только что назвала его сволочью. Все встало на свои места, только когда до него дошло: это в щель почтового ящика орет Кристаль.

— Давай открывай, придурок! — кричала она. Дэнни услышал, как затряслась дверь — то ли от страха, то ли от ударов кулаком. — Я знаю, ты там!

Схватив с прикроватного столика часы, Дэнни посмотрел на время и выругался. Он забыл завести будильник и опоздал на тренировку на целых два часа. Выскочив из кровати, натянул первую попавшуюся одежду и бросился по коридору к входной двери.

— Я могу объяснить! — воскликнул он, открывая. Кулак Кристаль завис в воздухе, и Дэнни отшатнулся, не зная, метила она в дверь или ему в нос.

— У тебя есть десять секунд, а потом я распылю в тебя перцовый газ. — Кристаль вытащила из сумочки баллончик и направила его Дэнни прямо между бровей. — И предупреждаю, если у тебя нет какого-нибудь весомого оправдания — и под «весомым» я понимаю — ну не знаю — типа тебя арестовали за то, что помочился в шлем полицейскому, или похитили работорговцы, а потом вернули, так как никому не смогли впарить, — то ты весь день проведешь, умываясь молоком.

— Почему молоком?

— Помогает унять жжение.

— Ясно, — кивнул Дэнни. — Давай зайдём внутрь. Тут кругом соседи. А молоко... оно в холодильнике.

Кристалль на секунду задумалась.

— Ладно, шевелись, — велела она.

Дэнни попятился от двери. Кристалль прошла следом за ним на кухню.

— Только один вопрос, — начал Дэнни, — молоко должно быть жирное или обезжиренное сойдет? А то у меня есть только обез...

— Десять секунд.

— Ладно, ладно! Уилл вчера пропал. Я нигде не мог его найти, звонил в полицию, и все такое. Пришел домой очень поздно и... ну... похоже, забыл завести будильник. Вот.

Дэнни ждал, что Кристалль уберет свое оружие. Но увы.

— Пять, — сказала она.

— Пять чего? — нахмурился Дэнни.

— Четыре.

— Я же тебе все рассказал!

— Три.

— Стой!

— Два.

— Можешь хотя бы ответить про молоко?

— Один.

— Меня похитили работорговцы!

— Не засчитано. — Кристалль нажала на крышку, и Дэнни завопил: струя ударила ему прямо в глаза. Он принялся тереть лицо, а девушка как ни в чем не бывало достала из холодильника молоко и протянула ему. — Держи.

Дэнни схватил упаковку и под смех Кристалль вылил ее содержимое себе на голову.

— Ну зачем было это делать?! — поинтересовался Дэнни, вытирая лицо полотенцем.

— Что, прыскать в тебя серпантинном? Или смотреть, как ты льешь молоко себе на голову?

— Серпантинном?! — Дэнни только теперь заметил у себя между пальцев скомканные разноцветные нити.

— С чего мне тратить на тебя отличный перцовый газ? — Она убрала баллончик в сумочку.

— Не знаю, комплимент это или нет.

— Нет, правда, ты бы видел свое лицо. Честное слово, это самое жалкое зрелище в моей жизни. Эх, зря не засняла, был бы мем. Слушай, может, повторим?

— Молоко закончилось.

— Жаль, я надеялась поржать.

— Ну прости, мне не очень жаль.

— В принципе, меня вполне устроят извинения.

— Извинения? — усмехнулся Дэнни. — За что?

— Хм. Сложный вопрос. Дай подумать. Ах да! Мне пришлось торчать у Фэнни чертовым субботним утром, в свой выходной, вот, блин, за что!

— Ага, я бы сказал, мы, блин, в расчете. — Дэнни отжал футболку. — И вообще-то я тебе объяснил, почему не пришел. Если это недостаточно веская причина, то я даже не знаю, какая тебя устроит.

— Я думала, ты все выдумал, чтобы я не прыснула в тебя газом.

— Если бы. — Дэнни поставил на стол несколько мисок и коробку хлопьев.

— Что случилось? — спросила танцовщица, присаживаясь.

Дэнни сел напротив нее и принялся объяснять: как они поругались накануне утром; как он потерял Уилла; как бегал под дождем, звонил в полицию и наконец нашел, где прячется сын.

— Значит, он все время был здесь? — спросила Кристаль.

— Ага. Спал в шкафу.

— Ну о-бор-жать-ся, — она превратила одно слово в четыре. — В смысле, это, конечно, ужасно, но еще и довольно забавно, да?

— Нет, — покачал головой Дэнни, — совсем нет.

— Ну хоть немножко? — Она на волосок развела большой и указательный пальцы и уставилась на Дэнни сквозь щелку. Тот посмотрел на нее в ответ. Кристаль вздохнула. — Ладно, царевна Несмеяна, как скажешь. Где он сейчас? В тумбочке? Под столом?

— Прямо здесь, — ответил Дэнни: Уилл как раз зашел в гостиную с такими растрепанными волосами, будто всю ночь проспал в шкафу. — Доброе утро, приятель.

Уилл молча уставился на Кристаль.

— Привет, мелкий, — улыбнулась та. — Ты, стало быть, Уилл.

Мальчик кивнул, рассматривая ее украдкой, как иногда делал, проходя мимо витрины магазина женского белья.

— Ты не говорил, какой он красавчик! — заметила Кристаль. — Только глянь на его глаза, они же голубые, как незабудки!

Дэнни нахмурился.

— Что? Это правда! Он точно твой?

— В маму пошел. — Дэнни кивнул на фотографию Лиз в рамке.

— Повезло тебе, — девушка обернулась к Уиллу. — Надеюсь, мозги ты тоже унаследовал от нее.

— Очень смешно. Уилл, это Кристаль, мой друг.

— Очень приятно, — улыбнулась она, когда Уилл, смущаясь, пожал ей руку. — И, кстати, на самом деле я ему не друг. У твоего папы нет друзей. Хотя у тебя их наверняка полно, да? Готова поспорить, все девчонки хотят с тобой дружить.

Уилл нервно усмехнулся. Он как-то умудрился пожать плечами, кивнуть и помотать головой одновременно.

— Хорошо спал? — Дэнни попробовал перевести тему, пока сын не покраснел еще сильнее.

Уилл не ответил и потянулся за хлопьями.

— Не могла бы ты попросить папу передать молоко? — обратился он к Кристаль.

— Вообще-то у тебя и у самого язык есть.

— Я с ним не разговариваю.

— Почему?

— Он лжец.

— А еще и вор. Ты знаешь, что он украл у меня деньги?

— Я ничего не крал, — возразил Дэнни. — Сказал же, я все тебе верну.

— Ну-ну. Молоко.

Дэнни передал молоко Кристаль, а та — Уиллу. Мальчик перевернул пачку над миской, но оттуда полилась лишь тоненькая струйка.

— Можешь спросить у папы, почему у нас кончилось молоко? — спросил он.

Дэнни взглянул на Кристаль.

— Думаю, ты вполне можешь ответить сама.

— Он вылил все себе на голову.

— Почему?

— Потому что идиот.

— Кристаль пыталась прыснуть в меня перцовым газом, — пояснил Дэнни.

— Серьезно? — В голосе Уилла было куда больше воодушевления, чем Дэнни хотелось бы.

— Типа того, — кивнула девушка.

— Круто. — Уилл принялся жевать сухие хлопья. — Наверное, он заслужил.

— А он мне нравится, — заметила Кристаль.

Дэнни закатил глаза.

— Откуда ты вообще знаешь папу? — спросил Уилл с полным ртом хлопьев.

— Бог меня ненавидит и послал Дэнни в наказание, — ответила девушка.

— Потому что ты стриптизерша?

— Кто сказал, что я стриптизерша?

Уилл указал на Дэнни. Тот съежился.

— На самом деле ему панда сказала, — заметил он, — ее и вини.

— Ну, значит, панда чушь порет: я не стриптизерша, а танцовщица у шеста, Уилл, а это совершенно разные вещи. Видишь ли, стриптизером может быть кто угодно, тут особого

ума не надо. Просто срывай с себя одежду и бросай кому-нибудь в лицо...

— Ага, не думаю, что Уиллу надо знать о...

—...но танец у шеста? Это совсем другое. Это искусство. Чтобы им заниматься, нужно много трудиться и практиковаться. Мы не просто танцоры, а настоящие артисты, парень. Мы как Леонардо да Винчи для всей индустрии развлечений, но мы лучше: даже он не мог сделать того, что по силам нам.

— Почему? — выдохнул мальчик.

Кристалль пожала плечами.

— Ему не доставало гибкости.

— А теперь нам, пожалуй, пора идти, — попытался завершить этот разговор Дэнни.

— Это куда же? — уточнила Кристалль.

— В клуб. Практиковаться.

— Ни за что. Я записана на «Голливуд» в двенадцать.

— Что такое «Голливуд»? — поинтересовался Уилл.

— Это как бразильская, только больнее.

— Что такое «бразильская»?

— У папы спроси, — подмигнула Кристалль.

— Я с ним не разговариваю.

— Ах, точно.

— Это не может подождать? — вклинился Дэнни. — Конкурс всего через три дня!

— Ага, именно поэтому я ждала тебя в восемь утра в полной готовности, пока ты дрых в своей пижамке.

— Я уже сказал, я искал Уилла!

— А мои постоянные клиенты начнут искать другие места, куда можно засунуть деньги, если я пропущу эту запись. Ты хоть представляешь, как непросто попасть к Фернандо? Он потрясающий. Он как мистер Мияги²⁴, только в депиляции.

— Ты меня искал? — обернулся к отцу Уилл. Кажется, его неприступная стена пала под натиском любопытства.

На этот раз настала очередь Дэнни промолчать.

— Ты ему скажешь или я? — взглянула на него Кристаль.

— О чем? — настаивал Уилл.

Дэнни ссутулился, как боксер, признавший поражение.

— Я думал, ты убежал, — начал он. — Вчера я пришел домой, а тебя нигде не было, и я решил, что ты... ну... ушел из дома, разозлившись на меня из-за всей этой истории с пандой.

— Он даже в полицию звонил, — добавила Кристаль.

— Это правда? — спросил Уилл.

Дэнни кивнул.

— Я не знал, что еще делать. Потерять твою маму... это было очень страшно, но одна только мысль о том, чтобы потерять тебя... — Он принялся рассеянно водить пальцем по выпавшему кусочку хлопьев; рука у него дрожала. Кристаль положила ладонь ему на плечо и слегка сжала. — Ты мой лучший друг, Уилл. Знаю, ты мне не веришь, но это так. Я правда не знаю, как жить без тебя.

— Тогда почему ты не рассказал мне про панду?

— Мне было неловко. Ну, я думал, ты будешь меня стыдиться. Я бы и сам себя стыдился. Кому захочется, чтобы его папа танцевал в костюме панды?

— Мне! — Уилл стукнул себя кулачком в грудь. — Я злюсь не потому, что ты панда, пап. Я злюсь потому, что ты мне ничего не сказал! Я горжусь твоей работой. Я видел тебя в парке, и ты офигенный! Я понятия не имел, что ты умеешь так танцевать.

— Он и не умел, пока меня не встретил, — вставила Кристаль. — Просто чтоб ты знал.

— Спасибо, приятель, — улыбнулся Дэнни. — Надеюсь, судьи решат так же.

— Судьи? — переспросил Уилл.

— Батл уличных артистов, — пояснила Кристаль. — Это как «Х-Фактор», только для бомжей.

— Но папа не бомж, — возразил Уилл.

— Пока нет, — вздохнул Дэнни.

— В смысле?

— Нам очень нужно выиграть этот конкурс. — Дэнни старался говорить честно, но не слишком.

Уилл смотрел на взрослых, пытаясь переварить услышанное.

— Тогда выиграй, — заметил он будничным тоном, словно для победы было достаточно одной только решимости. В завершение разговора он сунул в рот еще хлопьев.

— Нет. Без Кристаль я не смогу.

— Прогиб засчитан, — бросила та, не отрывая глаз от телефона, — но я не поддаюсь на психологический шантаж. После пяти лет на шесте вырабатывается иммунитет.

Уилл уставился на Кристаль тем же умоляющим взглядом, каким обычно пытался обезоружить Лиз, когда подъезжал фургон с мороженым.

— Не смотри на меня так, — сказала девушка. Уилл даже не моргнул. — Дэнни, пожалуйста, скажи сыну, чтобы не смотрел на меня так.

— Он перестанет, если ты нам поможешь.

— Я уже говорила. У меня планы.

— Пожалуйста, — протянул Уилл.

— Нет.

— Пожалуйста-пожалуйста!

— Нет!

— Суперпожалуйста!

— Супернет.

— Я дам тебе сто фунтов, — предложил Уилл.

Кристаль расхохоталась, вдруг разом растеряв напускное безразличие.

— Ты же говорил, он пошел в маму? — сквозь смех уточнила она.

Дэнни поднял руки, будто пойманный у разбитой витрины.

— Ты просто копия своего папаши, — сказала она Уиллу.

— Спасибо, — ответил он.

— Это не комплимент, — заметила Кристаль.

— Пожалуйста, — попросил Дэнни, — помоги нам.

Кристаль посмотрела на него, затем на Уилла, потом в пространство между ними.

— Чем я заслужила, чтобы жизнь столкнула меня с вами? — вздохнула она.

— Это «да»? — улыбнулся Дэнни.

— Это «поторопись на...» — Кристаль бросила взгляд на Уилла, — поторопись, блин, а то я, черт возьми, передумаю.

Пока она вставала и поправляла мини-юбку, Уилл и Дэнни ударили друг друга по рукам под столом.

— И переодень свою пижаму, — добавила она, обращаясь к Уиллу.

— А я-то куда иду? — удивился тот.

— Она просто шутит, — отозвался Дэнни.

— Похоже, что я шучу?! — возмутилась Кристаль. — Если меня лишают выходного, то и тебя тоже. Давай, шевелись!

Глава 30

Кристалль зашла в клуб первой; Дэнни остановился у дверей и задержал Уилла.

— Пообещай никому об этом не рассказывать, — он окинул улицу нервным взглядом угонщика.

— Обещаю, — кивнул сын.

Тут двери открылись, и двое амбалов вынесли один из стоявших в вип-ложе диванчиков, декорированных под черно-белую коровью шкуру.

— Хорошо, — пробормотал Дэнни, глядя, как они бросают диванчик в ближайшем переулке, где было полным-полно красных мусорных контейнеров и пластиковых ящиков из-под пива. — А еще обещай закрыть глаза и не открывать, пока я не скажу. Есть там такое, на что тебе не стоит смотреть. Во всяком случае еще несколько лет.

— Например, сиськи?

Дэнни вздохнул.

— Просто зажмурься, ладно?

Уилл закатил глаза и прикрыл их руками.

— Не подглядывай, — добавил Дэнни и повел его внутрь.

Пожилая уборщица в синей накидке деловито толкала еще более пожилой пылесос по истоптанному ковру. Он вряд ли нуждался в чистке — скорее в погребении в море, как у викингов. На подиуме в ожидании первых клиентов рядышком сидели две женщины в одних трусиках. Обе помахали Дэнни, и тот робко помахал в ответ. Как и Уилл, чем сразу выдал себя.

— Я же сказал: не подглядывай! — буркнул отец, подталкивая его к двери за баром.

Кристалль лежала на полу, положив голову на вытянутые ноги. Она разминалась уже второй раз за утро.

— Фэнни ремонт собралась делать, что ли? — спросил Дэнни.

— А? — приподнялась Кристалль.

— Диванчики, — Дэнни указал пальцем в сторону главного зала.

— Ах да. На следующей неделе придет санинспекция, и Фэнни боится, что на них могут быть опасные вещества.

— Например?

— Например, больше ДНК, чем в полицейской базе данных, — ответила она. Дэнни передернуло. — Я предлагала привести парня, который может их продезинфицировать, но она решила перестраховаться.

— Ну, «У Фэнни» будет хотя бы один девственно чистый диван. — Дэнни усмехнулся над собственной шуткой, но понял, что она чуть не стоила ему жизни.

— Маме бы тут понравилось, — заметил Уилл, барабанив пальцами по зеркалам и пробуя ногой доски пола. — Ну, танцевальная студия, я имею в виду. Клуб ей вряд ли пришелся бы по душе. Без обид, — добавил он Кристаль.

— Ничего страшного, — ответила она, вставая. — Честно говоря, я и сама от него не в восторге, поэтому я очень, очень люблю выходные.

Она сердито посмотрела на Дэнни, но тот пропустил это замечание мимо ушей, сосредоточенный на собственной, куда более простой разминке.

— Ладно, — начала Кристаль, когда он достаточно разогрелся. — Доставай свой костюм и покажи класс. Хочу прогнать весь танец от и до.

Она вытащила пару пластиковых стульев из стопки и поставила рядом.

— Уилл, — усевшись, она показала на соседний стул. — Иди сюда, будешь вместе со мной судить.

Мальчик сел.

— Внимательно следи за этим пушистым тупицей и говори, если что-то не так. Понял?

— Понял. — Уилл сдвинулся на самый край стула.

— Отлично. И не жалея его. Знаю, он твой папа, но будь жесточе. Ты должен вести себя как судья, а судьи — придурки. Так, покажи мне злое лицо.

Уилл ухмыльнулся.

— Я сказала злое, а не такое, будто у тебя запор! Давай еще раз. Смотри.

Кристалль скорчила такую гримасу, что у Дэнни мех встал дыбом. Уилл постарался повторить за ней.

— Гораздо лучше, — заметила она. — Дэнни, твой выход.

Включилась музыка, и Дэнни начал танцевать, не отрывая глаз от зеркала. Он и так нервничал, ведь никогда прежде не прогонял номер целиком перед Кристалль; но от того, что в зале был еще и Уилл, потовые железы Дэнни заработали с такой силой, словно готовились извергнуть целый водопад. И хотя он пару раз споткнулся, пропустил несколько тактов, у него, кажется, получилось быстро сориентироваться и скрыть свои промашки. Он весь вспотел и выдохся, но в общем танец ему удался.

— Ну? — Дэнни стянул маску и вытер лицо.

Кристалль жестом велела Уиллу начинать.

— Мне кажется, это ужасно! — заявил тот.

— Что?! — возмутился Дэнни. Даже Кристалль выглядела сбитой с толку.

— Seriously? — спросила она.

— Нет, но ты же сказала его не жалеть.

— Да, но не настолько!

— Понял.

— Так что ты на самом деле думаешь?

— Мне кажется, было круто! — признался Уилл.

Дэнни показал ему два больших пальца.

— Ясно. — Кристалль обернулась к Дэнни. — Итак, хорошая новость: это было не ужасно; а плохая — это даже не близко к крутости. Последнее место ты не займешь, но, черт побери, и первое тоже, особенно если будешь вот так импровизировать. Не знаю, специально ты это делал или просто забыл движения — ну те самые, что мы повторяли хреналлион раз, — но впредь придерживайся сценария.

— Судьи не знают сценария: как они поймут, придерживаюсь я его или нет? — немного агрессивно парировал Дэнни.

— Баланс. В танце должен быть баланс, Дэнни. В одном месте у тебя слишком много вращений, в другом — слишком сложные движения ногами. Судьи решат, что ты либо импровизируешь, либо хореография — дерьмо. Так или иначе, за это снизят баллы. А еще ты налажал с четырьмя или пятью движениями. Для начала надо отработать мах ногой с поворотом.

Она встала прямо перед Дэнни. Уилл подошел к ним, с любопытством наблюдая за процессом.

— Смотри, должно выглядеть как-то так. — Она с легкостью выполнила нужное движение.

— Так? — Дэнни попытался повторить за ней.

— Нет, ты опять подволакиваешь ногу. — Она повторила маневр, на этот раз медленнее.

Дэнни попробовал снова, но с тем же успехом.

— Вот так? — Уилл взмахнул ногой и повернулся в точности, как показывала Кристаль.

— Да! — воскликнула она. — Точно! Еще раз!

Уилл исполнил еще один идеальный мах с поворотом.

— Парень, да ты прирожденный танцор. Можешь объяснить своему папаше, как надо?

— Поставь ногу вот так, — начал Уилл, показывая Дэнни, чтобы тот повторял за ним. — Затем махни так, а потом, когда поворачиваешься, нужно приземлиться вот в такую позу вот сюда.

Уилл продемонстрировал движение еще раз; Дэнни внимательно смотрел, а затем наконец повторил его без ошибок.

— Идеально! — Кристаль дала пять Уиллу, а потом Дэнни, заехав последнему по голове. — Не так уж и сложно, да?

— Думаю, нет, — отозвался Дэнни, сам удивляясь, как легко ему это удалось.

— И еще одно движение, которое должно выглядеть так. — Уилл закружился, упал на колени и поднялся, и все это в едином порыве. — Тебе надо повернуться быстрее, когда встаешь, а то опять пропустишь следующий такт, верно, Кристаль?

— Верно, — Девушка посмотрела на Дэнни с выражением, так и кричавшим «какого черта?!» — Точно. Давай-ка еще раз.

Уилл повторил, сделав акцент на повороте, чтобы было понятнее.

— Вот так? — спросил Дэнни, но, едва заговорив, уже понял, что выполнил все безупречно.

— Ага, — кивнул Уилл, — и потом можешь переходить к следующей части.

Мальчик идеально выполнил несколько движений под восхищенным взглядом Кристаль.

— Ты видел этот танец раньше? — поинтересовалась она.

— Нет, — ответил Уилл.

— Тогда откуда ты так хорошо его знаешь?

— Я только что его посмотрел.

— И уже запомнил целиком?

— Нет, не целиком. Но, наверное, большую часть.

— Дэнни, тащи сюда свой зад! — Кристаль села и похлопала по соседнему стулу. — Уилл, сделаешь мне огромное одолжение?

— Наверное, — ответил тот не вполне уверенно.

— Можешь нажать кнопку «плей» и показать все, что запомнил?

Уилл посмотрел на стереосистему и пожал плечами.

— Ладно.

Следующие три минуты двенадцать секунд Дэнни боялся вздохнуть, а Кристаль почти не моргала — так заворожил их номер Уилла. Он не смог запомнить танец от и до, но правильных движений было больше, чем ошибок, особенно в сложнейших связках, с которыми Дэнни мучился дольше всего; и когда сотню с лишним движений спустя музыка остановилась, в тишине раздавалось лишь тяжелое дыхание Уилла. Дэнни и Кристаль переглядывались, не веря своим глазам.

— Блин блинский, как ты, блин, научился так танцевать?! — воскликнула Кристаль. Она захлопала в ладоши, и ее браслеты зазвенели, как колокольчики на ветру.

— Это у него от мамы. — Дэнни улыбнулся Уиллу. Тот кивнул.

— То есть ты все это время жил, блин, под одной крышей с идеальным учителем танцев и даже не подумал об этом рассказать?

— Я не знал, — гордости в голосе отца было больше, чем стыда.

— Ты понимаешь, как это важно? — вскочила со стула Кристаль. — Ты хоть знаешь, что это значит?!

— Нет, — отозвался Дэнни, с трудом поспевая за ходом ее мыслей. — Что это значит?

— Боже, тебе все на пальцах надо объяснять? Это значит, Дэнни, мне не надо отменять запись у Фернандо! — Она схватила куртку и бросилась к двери. — Вернусь через несколько часов. Уилл, научи его всему необходимому!

— Стой! — крикнул Дэнни, но она уже исчезла.

Дверь со скрипом закрылась, и он уставился на нее, уверенный, что Кристаль вернется. Потом, убедившись в серьезности ее намерения уйти, он повернулся к Уиллу, смущенно топтавшемуся посреди зала, и пригладил мех ладонями.

— Ну, приступим, — сказал Дэнни.

***

Следующие несколько часов они не выходили из студии, не считая подозрительно долгого перерыва, когда Уилл вышел в туалет, а обратно явился в сопровождении Везувия: мальчик «случайно» свернул не туда и «случайно» оказался в ВИП-ложе. Они танцевали без остановки, отрабатывая номер снова и снова, а тонкие стены и плохо закрепленные доски пола дрожали в такт музыке, лившейся из динамиков по кругу. Они танцевали бок о бок и следили за движениями ног партнера в зеркале: Дэнни — чтобы понять, как надо, Уилл — чтобы исправить ошибки. Стоило отцу допустить промашку или отклониться от сценария, как сын выключал музыку и, разжевав каждый сложный элемент или связку, заводил трек с начала и заставлял отца повторять танец целиком. Если оба сомневались,

правильно ли выполняют какой-либо элемент, то склонялись над телефоном и изучали видео от Кристаль, которое Дэнни часто пересматривал, тренируясь в одиночестве. Когда он пытался повторить за записью сам, у него почти никогда не получалось, но теперь он сначала смотрел, как танцует Уилл, а потом старался исполнить его версию.

Такой подход напоминал «сломанный телефон», только наоборот: сообщение не искажалось или терялось, как часто бывало в детской игре, — вместо этого сложное упрощалось, сохраняя исходный смысл. Кристаль многому научила Дэнни с тех пор, как неохотно согласилась ему помочь, но зачастую ее талант к преподаванию оставлял желать лучшего, как и его способность учиться. Ей не всегда удавалось донести свои знания так, чтобы Дэнни сумел их усвоить; обоих это расстраивало: Кристаль теряла терпение, а Дэнни тушевался и ошибался. Однако Уилл объяснял ему все как одиннадцатилетний. Благодаря этому, а также опыту и навыкам, которые Дэнни приобрел в последние месяцы, к возвращению Кристаль они вдвоем сумели отточить каждый элемент. Она незаметно наблюдала за ними из угла, пока они отрабатывали движения; только когда музыка кончилась и танцовщица разразилась аплодисментами, они поняли, что не одни.

— Ну, ребята, у вас все гладко, как у меня после эпиляции, — заметила она. — Похоже, у твоего нового учителя выходит гораздо лучше, чем у меня.

Она подмигнула Уиллу, и тот смущенно улыбнулся.

— Что думаешь? — спросил Дэнни.

— Что я думаю? — отозвалась Кристаль. — Думаю, я, блин, просто впустую тратила время последние пару месяцев. Я тебе не нужна. Тебе нужен вот этот маленький танцор. — Она ласково ткнула Уилла в ребра. — Кажется, теперь нам придется делить призовые на троих. Ясен пень, я все равно заберу половину.

— Надеюсь, этого хватит, — заметил Дэнни.

— Можешь отдать мне больше, если хочешь, — пожала плечами Кристаль.

Дэнни закатил глаза.

— Я имел в виду выступление, — сказал он. — Хватит ли этого, чтобы убедить судей?

— Если нет, то я просто не представляю, что им еще нужно, — откликнулась Кристаль. — Хотя...

Она не договорила, вдруг глубоко задумавшись.

— Хотя что? — посмотрел на нее Дэнни.

Кристаль прикусила нижнюю губу и уставилась куда-то в пространство.

— Где эти диваны? — спросила она.

— Какие? — удивился Дэнни.

— Те диваны, которые Фэнни выкинула, — где они?

— В переулке напротив клуба, а что?

— Увидишь, — бросила она, направляясь к двери. — За мной. У меня есть гениальная идея.

Глава 31

Впервые увидев, где ему выступать, Дэнни испытал легкое разочарование. Весь последний месяц он представлял нечто вроде концерта U2: огромные телеэкраны и динамики размером с небольшую квартиру; но когда он пришел в Гайд-парк за день до соревнования посмотреть, что его ждет, сцена подходила скорее для кукольного спектакля, чем для батла уличных артистов, который так активно рекламировал флаер, уже несколько недель лежавший в бумажнике Дэнни. Главной трудностью будет не соревноваться с другими, а удержаться во время танца на до смешного крохотной сцене, которую сейчас собирали рабочие. Но не только сцена была не готова. Во всяком случае Дэнни очень надеялся, что они еще будут собирать все остальное, иначе у зрителей тоже начнутся собственные соревнования: например, как и где привести себя в порядок, если поблизости нет туалетов; или как увидеть сцену, если не установлен свет; или как вообще найти нужное место, если там нет никаких плакатов, постеров или афиш.

Может быть, он как-то умудрился пропустить конкурс и сцену вовсе не собирают, а, наоборот, разбирают? Дэнни вытащил флаер, чтобы проверить дату. Убедившись, что конкурс завтра, он свернул бумажку и нахмурился, заметив рабочих за очередным перекуром.

Но тем же вечером его разочарование улетучилось. Размер сцены не имел значения. Дэнни с радостью выступил бы хоть на парковке супермаркета, лишь бы за победу платили десять штук. К тому же ему, конечно, нравилось представлять, как он с блеском танцует перед ревушим хором из тысяч восхищенных поклонников, но он понимал: раз даже перед Уиллом и Кристаль он чувствовал себя неуверенно, то что уж говорить о толпе незнакомых людей. Чем меньше сцена, тем меньше зрителей, а чем меньше зрителей — тем меньше причин для беспокойства; стало быть, вместо этого он сможет переживать

о чем-нибудь другом, например, о том, как плохо все сложится, если он проиграет; или о сыпи на внутренней стороне бедра, не проходившей, сколько бы талька он ни сыпал; или о гениальной идее Кристаль, которая, возможно, не так уж и хороша, но до конкурса остался всего день, ее план уже стал неотъемлемой частью номера, и было поздно что-либо менять. В любом случае, напомнил себе Дэнни, если что-нибудь пойдет не так, не очень много людей увидит, как он облажается. Эта мысль его утешала ровно до тех пор, как они с Кристаль и Уиллом приехали в Гайд-парк на следующий вечер и обнаружили тысячи людей, собравшихся вокруг огромной и куда более устрашающей сцены, чем та, что Дэнни видел сутки назад.

— Ты, кажется, говорил, она крошечная? — кивнула Кристаль в сторону гигантской прямоугольной платформы, возвышавшейся над толпой.

— Так и было! — Дэнни разглядывал огромные прожекторы, зловеще нависавшие над сценой.

— Офигенно! — воскликнул Уилл; его глаза мерцали в лучах стробоскопов и галогеновых ламп, выхватывавших то балки, то опоры.

Дэнни был вынужден согласиться. Выглядело и в самом деле потрясающе, почти до жути. Он даже подумал, не проходит ли здесь параллельно какое-то другое мероприятие, ради которого поставили палатки с пивом и пригнали фургоны с едой. Приехали даже несколько съемочных групп: они вели репортажи, пока несколько развеселившихся гуляк корчили рожи и показывали неприличные жесты за спинами корреспондентов. Только подойдя к сцене и увидев растянутый перед ней огромный баннер «Батл уличных артистов», Дэнни осознал, ощутив гордость и еще больше испугавшись: он пришел туда, куда надо.

— Сюда! — закричала Кристаль, указывая на огромную покрытую тентом площадку, окруженную забором. Вход охраняли несколько амбалов, выглядевших так, словно они беглые преступники, убившие настоящих охранников и

нацепившие форму, чтобы их не поймали и не отправили обратно в тюрьму.

— Удостоверение, — буркнул один «охранник», казалось, целиком состоявший из мускулов. У его бицепсов были бицепсы. У его трицепсов были трицепсы. Даже его голова походила на гору мышц.

Дэнни протянул ему лицензию уличного артиста.

— Имя? — спросил тот, переворачивая карточку.

Дэнни нахмурился.

— Тут написано, — он постучал по лицензии пальцем.

— Сценическое имя, — устало пояснил охранник. — Название вашего номера.

— Моего номера? — Дэнни взглянул на Кристаль. Та пожала плечами. — Бог знает что.

— Звиняй, нельзя, — отозвался охранник.

— Простите?

— Это нельзя.

— Что нельзя? — спросил Дэнни.

— «Бог знает что».

— Не понимаю.

— Нельзя брать «Бог знает что», — объяснил охранник, изучая планшет с бумагами, который держал в руке.

— Нельзя брать бог знает что?

— Именно это я и сказал.

— То есть вы не знаете, что нельзя брать?

— А?

— Если мне нельзя брать бог знает, что, значит, вы не знаете, что мне вообще можно взять?

Охранник уставился на Дэнни так, словно он кроссворд на задней стороне упаковки хлопьев.

— Что ты несешь? — спросил он.

— Я?! Что вы несете! — отозвался Дэнни, не подозревая, что за ним уже собиралась небольшая очередь.

— Боже всемогущий, — вздохнул охранник. Бицепсы у него на бицепсах задергались. — Слушай меня очень внимательно, дважды повторять не буду. Нельзя назвать шоу «Бог знает что»!

У нас уже есть религиозная рок-группа с таким названием, ясно? Так что придумай другое!

— «Пандамониум»! — воскликнул Уилл. Все посмотрели на него. — Ну, понимаете? Панда? Мониум? Пандамониум!

— А звучит неплохо, — заметила Кристаль.

— Значит, «Пандамониум», — согласился Дэнни.

— Как скажете, — пробурчал охранник.

Он записал название и, схватив печать, замахнулся ею, как орудием убийства. Дэнни неохотно вытянул руку, и охранник припечатал его с такой силой, что буквы «ВИП» можно было бы разглядеть даже без краски. Поставив печати Кристаль и Уиллу — куда более ласково, чем Дэнни, — он отошел в сторону и пропустил их в зону для выступающих.

— Двадцать седьмая кабинка! — крикнул он им вслед, пока компания медленно пробиралась по длинному коридору к центру тента.

Пространство разделяли многочисленные холщовые перегородки с номерами над входом. Некоторые были наглухо застегнуты, но большинство оставались открытыми, и можно было разглядеть репетирующих артистов. Дэнни узнал кое-кого из парка: белку, цыпленка и живую статую — она то ли тренировалась, то ли просто сидела неподвижно. Тим тоже был здесь: настраивал гитару и подкручивал колки, а Милтон сидел у него на плече в очаровательном лаймово-зеленом свитере с треугольным вырезом. Но на каждое знакомое лицо приходилось бесчисленное количество незнакомых. Там были жонглеры, клоуны, моноциклисты; был даже жонглирующий клоун на моноцикле. В одной кабинке сидел тощий беззубый старик в белой футболке с мордой джек-рассел-терьера. Этот же самый терьер устроился на стуле напротив него и гавкал всякий раз, когда старик делал паузу, исполняя столь же беззубую версию песни Wannabe группы Spice Girls.

В другой кабинке человек в смокинге как минимум на три размера меньше нужного стоял за столом, в центре которого возвышался перевернутый цилиндр.

— Дамы и господа! — начал он, обращаясь к невидимым зрителям и делая таинственные пассы. — Сейчас я вытащу кролика из этой шляпы!

Сунув в цилиндр руку, он пошарил там и опустил ее глубже — сначала по локоть, затем по плечо. Вытащив руку, присел, приподнял край скатерти, заглянул туда, а потом залез под стол целиком и минуту спустя вылез огорченный и растрепанный.

— Черт! — Он достал из нагрудного кармана красный платок и вытер лоб, не замечая, что следом вытянул еще несколько разноцветных платков, которые теперь свисали с пиджака, как тибетские молитвенные флаги.

— Пришли. — Кристаль остановилась у комнатки под номером двадцать семь. Когда девушка расстегнула молнию и шагнула внутрь, холщовые стены всколыхнулись.

— Уютненько. — Дэнни уселся на раскладной стул, занимавший почти половину свободного пространства. — Тут даже растяжку не сделать, не то что потренироваться.

В проходе возникла голова Ивана.

— Найдется местечко для еще одного гостя? — Он втиснулся, заставив остальных вжаться в стены.

— Иван! — воскликнул Уилл.

— Привет! — обрадовался Дэнни. — Как ты прошел?

Иван повернулся спиной, показывая надпись на своей черной футболке: «сотрудник».

— Признавайся, ты кого-то убил?

— Не убить, — улыбнулся Иван. — Купить на eBay. Давно. Полезно. Один раз я пройти на концерт Майкла Болтона бесплатно в этой футболке.

— Ты ходил на концерт Майкла Болтона²⁵?! — Кристаль взглянула на него так, словно он только что по пьяни попытался сделать сальто назад и упал.

— Проверка. — Иван старался говорить самым что ни на есть будничным тоном. — Проверить футболку.

— Иван, это Кристаль, она учила меня танцевать. Кристаль, это Иван.

Иван пожал ее руку, которая полностью исчезла в его лапище.

— Папа однажды спас ему жизнь. — Уилл кивнул на Ивана. — Да, пап?

Кристалль и Иван уставились на Дэнни: она — с сомнением; он — с угрозой.

— Что? — спросил Дэнни с нервным смешком, заметив выражение лица Ивана. — Это Лиз ему сказала, а не я!

— А кто сказал Лиз? — поинтересовался Иван.

Прежде чем Дэнни успел ответить, в проходе, к его огромному облегчению, нарисовался Мо.

— Как ты прошел через охрану? — Дэнни вжался в стену, когда Мо протиснулся внутрь.

— Сказал, у меня особые потребности, — ответил тот, похлопав по своему слуховому аппарату. — Всегда работает.

— Это правда, — заметил Уилл, — у тебя ведь особые потребности.

Мо стукнул его по руке.

— Малули? — слышался голос из коридора. Через секунду в кабинку заглянул мужчина в такой же футболке, как у Ивана.

— Это я, — ответил Дэнни.

— И я, — добавил Уилл.

— И он, — согласился Дэнни.

— Поздравляю, — сказал мужчина, сверившись со своими записями. — Вы выступаете последним. Я вас позову, когда подойдет ваш черед.

— Последним! — воскликнул Дэнни, когда тот ушел.

— Это не так уж плохо, — заметила Кристалль. — В смысле да, конечно, тебе придется просидеть тут до самого конца и нервничать все сильнее и сильнее, пока твоя уверенность не растает. С этой точки зрения — да, плохо.

— Это ты меня так подбодрить пытаешься? — ухмыльнулся Дэнни.

— Я еще не закончила. У тебя есть и преимущество. Видишь ли, судьи забывают выступления, как только они заканчиваются, сечешь? Но ты — последнее, что они увидят

перед тем, как принять окончательное решение. Тебя они запомнят.

— А если ты облажаешься, они и это запомнят, — очень кстати добавил Иван.

— Спасибо, Иван, — хором сказали Дэнни и Кристаль.

— Удачи, мистер Малули, — пожелал Мо. — Вы там всех порвете!

Он изобразил пальцами дьявольские рожки и направил их в сторону Дэнни.

— Что за шум? — насторожилась Кристаль. Все замолчали и прислушались. Снаружи кто-то заговорил в микрофон.

— Шоу! — воскликнул Уилл. — Начинается!

Глава 32

— Добрый вечер, Гайд-парк! — Мужчина лет шестидесяти выскочил на сцену под жидкие аплодисменты. Его лицо казалось почти таким же помятым, как белоснежный костюм, будто бы снятый с трупа мистера Сандерса из рекламы KFC. — Вам весело?!

Он направил микрофон в толпу.

Зрители промямлили что-то утвердительное. Кто-то крикнул «козел!»; несколько человек заржали, но конференсье как ни в чем не бывало пожал плечами, словно его так называли всю жизнь.

— Ну, если нет, то скоро развеселитесь: боже, ну и артисты у нас! Тут вам танцоры и диджеи, мимы и музыканты, жонглеры и гимнасты, художники и акробаты — кого у нас только нет! Сегодня все они будут соревноваться за главный приз — десять тысяч фунтов, чтобы счастливый победитель ушел наконец с улиц и начал жизнь с чистого листа!

Толпа забормотала, некоторые озадаченно переглянулись.

— Знаете, — продолжил ведущий, — когда несколько лет назад закрыли мое шоу «Двое до троих» — уверен, вы все его помните, — я потерял жилье, и, позвольте заметить, время выдалось непростое. Пришлось сотворить немало безумств, чтобы выжить. Я этим не горжусь. Но хочу прояснить здесь и сейчас: что бы ни писали некоторые газеты, я никогда — никогда — не торговал телом в обмен на запрещенные вещества. Важно, чтобы вы это знали! В общем, я хотел сказать, жить на улице чертовски трудно, все, кто сегодня выступят, не дадут соврать...

Лохматый долговязый парень выбежал на сцену, передал ведущему записку и тут же исчез.

— Письмо от поклонника, — объявил тот. Никто не засмеялся, и его собственный смех прозвучал еще хуже, чем полная тишина.

Вытащив из нагрудного кармана очки, ведущий нацепил их на нос и прочел записку. Затем сложил и то и другое, убрал обратно и вытер лоб платком.

— Ладно, — продолжил он, — пусть многие из них и выглядят как бездомные, но на самом деле, как мне только что сообщили, у наших выступающих есть жилье, а у некоторых еще и нормальная работа. Извините за путаницу. А лучше забудьте всё, что я сейчас сказал. Кроме слов про мое тело. Напоминаю, это абсолютный фейк! Что ж, — добавил он, посмотрев на часы, — шоу вот-вот начнется. Но прежде чем мы перейдем к первому выступлению, самое время представить наших знаменитых судей!

На гигантском экране за спиной ведущего появились двое мужчин и женщина, сидевшие за столом перед сценой.

— С нами Дейв Дэниелс, также известный как Хитрый Дик из популярного сериала Пятого канала «Оливер-Твистер»!

Мужчина средних лет в белой рубашке и темных очках, с таким густым искусственным загаром, какому позавидовали бы гости любой пляжной вечеринки, помахал зрителям, а те радостно загудели в ответ.

— В середине у нас Сара Бакингом, беспристрастная ведущая документального сериала «Руки прочь от пособий, грязный нахлебник!», завоевавшего множество наград.

На экране появилась изящная блондинка в черном костюме. Она выглядела так, словно в детстве пыталась животных и до сих пор постоянно об этом думала.

— И последний — и по списку, и по значению — продюсер нескольких популярных сериалов и убийца одного из них, а именно «Двоих до троих». Дамы и господа, пожалуйста, лениво похлопайте Мартину Гулду, человеку, который разрушил мою жизнь!

На экране появился лысый человечек лет пятидесяти, и по толпе пронесся гул неодобрения.

— Рад тебя видеть, Мартин, — продолжил ведущий. — Мне нравится твоя новая прическа.

Мартин выдавил такую улыбку, словно на него только что стошнило чужого ребенка.

— А теперь не будем тянуть и горячо поприветствуем нашего первого участника. Ему тридцать три, он из Шеффилда, и он незрячий! Но не думайте: это не мешает ему жонглировать бензопилами! Аплодисменты Жонглеру Джо!

***

— Ну что там? — спросил Дэнни. Он разминался, пока Кристаль, Уилл и Мо с Иваном ходили смотреть первое выступление. — Кажется, я слышал крики.

— Какой-то чувак только что пытался убить судей, — сказала Кристаль.

— Слепой, — добавил Уилл.

— Бензопилой.

— Даже четырьмя, — Уилл поднял четыре пальца.

— Чуть не упал со сцены прямо на судей.

— Чуть?

— Кто-то смог поймать его в последний момент, — пояснила Кристаль.

— Жаль, — вздохнул Дэнни.

— Ты так легко не отделаешься, — улыбнулась девушка. — И вообще, если это уровень всего конкурса, то поверь, приятель, тебе абсолютно нечего опасаться.

— Но ведь это не совсем так, — раздался знакомый голос из коридора. Не успела Кристаль подобрать подходящее ругательство, как в проходе возник Эль-Магнифико. После недавней драки с Милтоном у него на лице красовалось несколько пластырей. — Кое-чего тебе все же следует опасаться, не так ли, Дэнни?

— Например? — поинтересовался тот.

— Думаю, ты знаешь.

Дэнни на мгновение задумался.

— Глобального потепления? — предположил он.

— Нет, — отрезал Эль-Магнифико.

— Чумы?

— Нет.

— Ос?

— Нет.

— Ты не боишься ос? — удивился Дэнни.

Фокусник вздохнул.

— Зомби-апокалипсиса? — вклинился Уилл.

— Забыть вытащить деньги из карманов перед стиркой? — добавила Кристаль.

— Случайно встретиться взглядами с кем-нибудь в метро? — продолжил Дэнни.

— Нет! — воскликнул Эль-Магнифико, теряя терпение.

— Встать в супермаркете в очередь за человеком, который хочет все оплатить купонами? — предположила Кристаль.

— Получить перцовым газом в лицо на пороге собственного дома? — спросил Дэнни.

— Отличный вариант, — согласилась Кристаль.

— Это я, придурки! — завопил Эль-Магнифико. — Вам нужно опасаться меня! Меня! Эль-Магнифико!

— Но мы тебя опасаемся, Кевин, — ответила Кристаль с напускным беспокойством в голосе. — Как и все. Ты как раз из тех, кого обычно опасаются в обществе.

— Уилл, именно о таких людях я всегда тебя предупреждал. Чтобы ты не садился к ним в машину, — повернулся к сыну Дэнни.

— Смейтесь-смейтесь! — осклабился Эль-Магнифико. — Развлекайтесь, пока можете. Не могу дождаться, когда утру вам всем носы и уйду с призовыми, а вы вернетесь домой к своим жалким заботам.

Он повернулся к Уиллу.

— Скажи-ка, мальчик, тебе нравится, что твой отец принадлежит к вымирающему виду?

— А тебе понравится, если в пах заедут здоровенным каблуком? — Кристаль шагнула в сторону фокусника.

— Спокойно, — отозвался тот, немного отступив. — Обойдемся без насилия. Я пришел сюда не драться. На самом

деле я хотел пожелать вам удачи.

— Как благородно, — сухо заметил Дэнни.

— Ну, то есть, я бы, конечно, ничего такого не сказал, если бы у вас были шансы победить, но, поскольку их у вас примерно столько же, сколько родить живую свинью, то почему бы и не подбодрить вас немного? Ладно, мне пора. Тренируйтесь. Уверен, вам не помешает. И помните: главное не победа. Главное — увидеть, как побеждаю я! Пока!

Он бросил в комнатку дымовую бомбу и смылся, даже не заметив, что та не сработала. Все так и смотрели на нее, когда фокусник прибежал обратно, молча схватил бумажную гранату и снова унесся.

— Это бывший парень Кристаль, — сообщил Дэнни, наклонившись к Уиллу.

— Правда? — удивился сын. Отец кивнул. Мальчик расхохотался.

— Что смешного? — поинтересовалась Кристаль, пытаясь испепелить обоих взглядом.

— Ничего, — Дэнни пытался сохранять серьезный вид. — Вообще ничего!

***

— Дамы и господа! — ведущий снова появился на сцене, сжимая в руках микрофон. — Пожалуйста, поаплодируйте Эластичной Эмме!

У него за спиной выпрямилась девушка в черном гимнастическом купальнике. Каким-то образом она умудрилась практически завязаться в узел и распутаться.

— Что скажут наши судьи?

На огромном телеэкране появилась тройка судей. Дейв поднял большие пальцы. Мартин одобрительно кивнул. Сара пожала плечами, словно ее спросили, что она думает о правах человека.

— Знаете, хотел бы я быть таким же гибким! — заявил ведущий, помахав уходящей со сцены Эмме. — Моя бывшая

жена была пластичнее меня, а она уже десять лет как умерла!

По толпе пронеслись сдержанные смешки.

— Это шутка! Шутка, не волнуйтесь. — Ведущий сделал паузу, и кто-то хихикнул с облегчением. — На самом деле она умерла пять лет назад!

Абсолютную тишину нарушил только чей-то кашель.

— Ладно, продолжим. Следующей выступит Джерри — сокращенно от Джеральдины. Джерри любит проводить время с внуками и делать кормушки для птиц под просмотр «Суперсооружений Третьего рейха» по National Geographic. И хотя ей почти восемьдесят, Джерри обожает танцевать. Говорит, это помогает ей оставаться молодой, и когда вы увидите, как она двигается, то поймете почему. Итак, похлопайте Джерри — бабушке из района Госпел-Оук, которая танцует брейкданс!

***

Многие конкурсанты тренировались в коридоре, в том числе Дэнни и Уилл. Они изо всех сил уворачивались от жонглеров с тарелками и шальных моноциклистов, заблудившихся акробатов и делающих пируэты балерин, пытаясь отвоевать себе немного пространства, а Кристаль наблюдала за ними с порога комнатки, из относительной безопасности.

— Хорошо выглядите, ребята, — подошел к ним Тим. — Теперь вдвоем выступаете?

— Я завидовал Милтону, поэтому тоже решил найти себе подтанцовку. — Дэнни взъерошил Уиллу волосы.

— Подтанцовку? — возмутился Уилл. — Сам ты подтанцовка!

— На самом деле вы оба — моя подтанцовка, — заявила Кристаль.

— А я — его, — Тим кивнул на Милтона. — Это он у нас главный.

— Не хочешь обменять его на Дэнни? — предложила Кристаль.

— Не уверен, поместится ли он у меня на плече.

— Мне и свитеры не идут, — добавил Дэнни.
— Тебе вообще ничего не идет, — заметила Кристаль.
— Очень смешно, — буркнул Дэнни.
— Извините, что перебиваю, — вмешался полноватый фокусник, которого Дэнни уже видел. Лицо у него покраснелось так, словно кто-то пытался его задушить и он облокотился на Тима перевести дух. — Вы случайно не видели кролика? Белый, вот такого размера, откликается на имя Дерек. У него длинные уши, зубы, и... ну, это кролик.
— Извини, — развел руками Дэнни.
— Тут только кошки и панды, — добавила Кристаль.
Фокусник вздохнул и вытер лицо разноцветными платками на веревочке. Затем, вдохнув лекарство от астмы из ингалятора, убежал искать Дерек.

***

— Поаплодируйте Джерри! — воскликнул ведущий. Джерри вяло помахала в ответ, и двое фельдшеров унесли ее на носилках. — Никогда раньше не видел такого брейкданса! Это вам не просто «двигай бедрами», а прямо-таки «ломай бедра»!

Зрители застонали.

— Поняли? Ломай бедра! А, ладно. Следующими выступят двое очень необычных артистов из Пекхэма. Один из них жутко лохмат и никогда не стрижет ногти, а второй — кот! Встречайте Тимоти и Милтона!

Когда Тим с Милтоном вышли на сцену, над толпой вспыхнуло сияющее море смартфонов. Никто не хлопал: у всех были заняты руки; но отсутствие аплодисментов с лихвой компенсировали тысячи восторженных охов.

— Добрый вечер, — начал Тим, убирая волосы с лица. — Меня зовут Тим, а этот стилига — мой хороший друг Милтон. Милтон, поздоровайся.

Кот мяукнул в микрофон, и толпа растаяла. Даже Сара едва заметно улыбнулась.

— Сегодня мы сыграем вам песню. Надеюсь, вам понравится. Кстати, ее выбрал Милтон. Уверен, вы поймете почему.

Он настроил гитару, и зрители начали покачиваться под разносящиеся над парком первые аккорды мелодии «Что нового, киска?»²⁶

***

Из сумочки Кристаль заорала Uptown Funk; Дэнни и Уилл одновременно вздрогнули.

— Привет, красотка, — сказала девушка, поднеся телефон к уху. — Что? Супер. Буду через две минуты. Ладно, детка. Пока.

— Кто звонил? — поинтересовался Дэнни.

— Эль-Магнифико? — предположил Уилл. Отец усмехнулся и дал ему пять.

— Скажешь это еще раз, и я дам пять тебе по носу, — возмутилась Кристаль. — Бери эту сумку с гримом и иди за мной, шутник.

— Куда вы? — удивился Дэнни.

— Последние приготовления, — ответила Кристаль.

— Последние приготовления? Это еще что? Ты ничего не говорила про последние приготовления!

— Не суй сюда свой мохнатый нос, — отозвалась Кристаль. — Действуй по плану, а остальное предоставь мне.

— Как я буду действовать по плану, если не знаю, в чем он состоит?!

— Не волнуйся, ты выступишь офигенно. — Уилл обнял папу. — Мама бы очень тобой гордилась. И я очень тобой горжусь. И Кристаль тоже, хоть и не признается.

— Так, ладно, — Кристаль ласково сжала плечи Уилла, — шевели ногами, пока у меня тушь не потекла.

Она посмотрела на Дэнни так, словно хотела что-то сказать, но не смогла подобрать нужные слова. Кивнула на Уилла:

— Он дело говорит.

Дэнни улыбнулся, проводив их взглядом, и поднял глаза к холщовому потолку.

— Похоже, остались только мы с тобой, — произнес он.

***

Тим осторожно поклонился, чтобы не уронить Милтона, и толпа взорвалась аплодисментами.

— Спасибо всем! — воскликнул музыкант. — Скажи «спасибо», Милтон.

Милтон мяукнул в микрофон, снова умилив зрителей.

— Ну разве не замурчательное выступление? — спросил ведущий.

Толпа согласно загудела. Дурацкие шутки ведущего ей не нравились, а вот шоу — очень даже.

— Не знаю, как насчет вас, но мне кажется, понадобится нечто невероятное, чтобы сравниться с таким выступлением, настоящая диковинка, ну, например, вроде поющей собаки. Впрочем, где бы мы такую взяли? Хотя погодите, — продолжил он, поднося руку к воображаемому наушнику и якобы прислушиваясь. — Ни за что не поверите, но именно это мы для вас и приготовили! Поприветствуйте Джека и Дэниелса!

Зрители засмеялись: игривый джек-рассел-терьер выскочил на сцену и запрыгнул на раскладной стул возле микрофона на низкой стойке. Спустя секунду появился его хозяин, Дэниелс — тот самый старичок в белой футболке с собачьей мордой, чью репетицию Дэнни видел в тенте. Но теперь на голове у него красовалась круглая плоская шляпа, подозрительно напоминавшая собачью игрушку. Он взял микрофон с более высокой стойки и постучал по нему. Затем махнул кому-то за кулисами, и из динамиков во всю мощь полилась песня Spice Girls. Терьер Джек, Дэниелс и все старше двадцати пяти затянули первый куплет Wannabe.

На очереди была танцевальная группа из семи японцев, бегавших по сцене в костюмах роботов, изображая, будто удирают от гигантского кальмара с горящими красными глазами. За ними вышла белорусская силачка: она сворачивала разные фигуры из стальных прутьев, словно это были

воздушные шарики, и бросала их в толпу как сувениры — жест благородный, но обернувшийся парой мелких травм головы. Следом за моноциклистом выступили балерина, исчезающий фокусник, шпагоглотатель и мим. Команда мексиканских акробатов под названием «Цикл дю Оле» в комично огромных сомбреро целых пять минут выписывала кульбиты на канате; а заклинатель змей из Уигана чуть не упал в обморок — настолько яростно дул в свой пунги²⁷, пока не стало окончательно ясно, что его индийская кобра по имени Фред не собирается вылезать из корзинки. Дальше шли подростковый рэп-дуэт и мастер боевых искусств с деревянной ногой, затем выступили цыпленок, белка-жонглер, человек-оркестр и живая статуя; и наконец, когда осталось всего два номера до конца, настал черед Эль-Магнифико.

Из-за занавеса решительно вышел ведущий в расстегнутом блейзере. Судя по виду, он успел выпить.

— Вам весело? — закричал он.

Толпа ответила в целом утвердительным ревом.

— Я вас не слышу! — немного воинственно прокричал ведущий, словно он действительно не слышал и ненавидел повторять вопросы дважды. — Я спросил: вам весело?!

Раздалось бормотание; зрители явно намекали: им было бы гораздо веселее, если бы он перестал спрашивать.

— Гораздо лучше! Знаете, я рад не сидеть сегодня в жюри, ведь я всех поставил бы на первое место! А кто, по-вашему, заслуживает победы?

Все бросились отвечать наперебой, слова слились, и создавалось впечатление, будто лучшее выступление вечера показал какой-то мексиканский заклинатель клоунов.

— Итак, скоро вы решите, кто должен стать лучшим уличным артистом года, но пока придержите коней: шоу еще не кончилось! У нас впереди два выступления, и следующее гарантированно снесет вам крышу. Мы не знаем его настоящего имени и не знаем, откуда он. Ясно только одно: сегодня он покажет вам нечто такое, после чего, возможно, вы

усомнитесь во всем, что знали! Что ж, не будем тянуть: поаплодируйте Эль-Магнифико!

Толпа радостно завопила и захлопала, но шум быстро стих: сцена оставалась пустой. Повисло тревожное молчание; люди переминались с ноги на ногу в ожидании. Кажется, даже ведущий занервничал: он то и дело поглядывал на часы и бросал беспокойные взгляды на организаторов. Он уже собирался снова выйти на сцену и быстренько сочинить что-нибудь трагичное о судьбе Эль-Магнифико, как вдруг весь свет на площадке погас. Только когда из мрака на сцене раздался глубокий голос, зрители поняли: электричество вырубилось не случайно.

— Гарри Гудини однажды сказал: «Мой мозг — это ключ, который меня освобождает», — начал Эль-Магнифико. Слова повисли в воздухе, а затем одинокий луч прожектора выхватил его фигуру в центре сцены.

Толпа немного заволновалась.

— Но даже Гудини не под силу было сделать то, что удалось десятилетнему итальянскому мальчику по имени Бенедетто Супино. В 1982 году, сидя в очереди к стоматологу, маленький Бенедетто поджег комикс, который читал. У него не было ни спичек, ни зажигалки. Нет. Бенедетто Супино сделал это силой мысли! И сегодня у вас на глазах я сделаю то же самое, используя пирокинез.

Перед сценой вспыхнул еще один прожектор. Яркий белый луч упал на подиум, где лежала плюшевая панда.

— Но прежде, чем я начну, хочу предупредить: пожалуйста, не повторяйте это дома, — грозно произнес Эль-Магнифико. — Для этого трюка нужно такое невероятное количество энергии, что известны случаи, когда у людей, пытавшихся воспользоваться пирокинезом, взрывались головы. Так что я не просто покажу вам нечто такое, чего вы никогда не видели и больше не увидите, а еще и рискну своей жизнью.

При упоминании взрывающихся голов толпа подалась вперед, а в воздухе разлились звуки Симфонии № 7 Бетховена.

Эль-Магнифико положил кончики пальцев на виски, сжал челюсти и уставился на панду. Его лицо задрожало, как чайник, который вот-вот закипит; он нахмурился так сильно, что брови сошлись на переносице. С губ сорвался высокий пронзительный звук, от которого где-то залаял терьер Джек; но прошло шестьдесят секунд, а ритуального сожжения все еще не случилось: казалось, игрушка этим даже гордится — настолько злорадно она ухмылялась зрителям с огромного экрана. Никто не заметил, как кролик Дерек спрыгнул с края сцены и юркнул под стол к судьям: все взгляды были сосредоточены на трясущемся фокуснике. Глядя на его бордовое лицо, врачи скорой помощи столпились возле кулис в полной готовности. Минута превратилась в две, затем — в три; из толпы полетели неодобрительные возгласы, они нарастали, и скоро все, даже судьи, начали издевательски хихикать. Не обращая внимания на крепнущее недовольство, Эль-Магнифико удвоил усилия. Он так сосредоточился на игрушечной панде, словно хотел не просто испепелить ее взглядом, а вообще начисто стереть с лица земли. По обе стороны сцены появились охранники, уже собиравшиеся увести его, — но в этот момент стол судей загорелся. Казалось, даже Эль-Магнифико опешил. Мартин принялся хлопать по брюкам, сбивая пламя, а Сара, хотя вовсе не горела, закричала и стала кататься по полу, пока пожарные не окатили их волной из огнетушителей. Эль-Магнифико понял: ему и впрямь удалось что-то поджечь — хотя и не панду, та даже не вспотела, — и снова затрясся, на этот раз от смеха. Он не заметил, как пожарные вытащили из-под стола обугленный трупик кролика Дерек. Электрический кабель, который он по глупости решил перекусить, все еще торчал из плотно сжатых почерневших челюстей.

Ведущий старался держаться как можно дальше от фокусника.

— Это был Эль-Магнифико, дамы и господа, — объявил он немного неуверенно.

Маг замысловато поклонился и удалился так, словно уже стал на десять тысяч богаче.

— Ну и жара пошла! — воскликнул ведущий.

Никто не засмеялся и даже не заворчал: настолько силен был шок от увиденного.

— Осталось всего одно выступление, прежде чем судьи выберут победителя, — продолжил ведущий. — Будет ли оно лучше остальных? Сейчас узнаем! Давайте, как говорится, наведем шороху перед последним номером. Хаоса мы сегодня видели предостаточно, и вот настало время для небольшого... Пандамониума!

Глава 33

Дэнни выглянул из-за занавеса. Пульс зашкаливал, и от каждого удара сердца грязный черно-белый мех дергался.

Мелькнул одинокий луч прожектора, из динамиков полилась музыка, и на четыре-пять секунд сцену залил яркий свет. Где-то в толпе Иван завопил так, словно Украина выиграла «Евровидение», а Мо засвистел так громко, что его слуховой аппарат забарахлил. Остальные смотрели только из необходимости, уверенные: никакое выступление уже не переплюнет поджигание судей силой мысли. Чем дольше сцена пустовала, тем больше зрители теряли терпение, и когда толпа уже была готова разразиться первыми криками недовольства, луч прожектора выхватил из мрака одинокий силуэт. Несколько секунд спустя он снова появился в белоснежной вспышке. Затем второй и третий раз, пока темп мелодии нарастал, а потом, когда вступление достигло апогея под дробь барабанных палочек и резко оборвалось звенящей тишиной, в свете прожекторов зрители увидели стоявшую посреди сцены фигуру. Кто-то прошептал: «крыса». Другие сказали: «енот». Еще прозвучал вариант «барсук». То тут, то там из толпы слышались разные вариации фразы «что за фигня?». Несколько детишек заплакали. Солист группы «Бог знает что» пробормотал что-то про дьявола. Никто не знал, на что они смотрят, но никто не мог отвести взгляд.

Дэнни замер от страха и уставился прямо перед собой. Он чувствовал себя так, будто впервые собирался прыгнуть с тарзанки, и чем дольше он так стоял, тем больше у него было времени представить все, что может пойти не так; наконец он вообще перестал понимать, как ему вообще могло прийти в голову отважиться на это.

Он попытался сдвинуться с места, но тело не слушалось. Он даже не чувствовал рук и ног, не говоря уже о том, чтобы начать танцевать. В голове мелькнуло: а не сердечный ли это

приступ?.. Но нет; тогда Дэнни подумал, не изобразить ли его: упасть на пол и притвориться мертвым, пока за ним не придут с носилками. Прищурившись от яркого света, он смотрел на безликую толпу, надеясь, что где-то там прячется безумный снайпер, чья пуля избавит его от страданий. Но с каждой секундой становилось яснее: толпа вовсе не безлика. Он разглядел чьи-то очертания — сначала смутно, а потом отчетливо, как будто человек стоял прямо перед ним. Дэнни закрыл и снова открыл глаза, но Лиз никуда не делась. Она улыбалась ему, словно говоря: я в порядке, и ты в порядке, и все будет хорошо, если ты прямо сейчас соберешься и станцуеть, как никогда в жизни.

Именно так он и поступил.

Сначала он даже не осознал, что движется: тело перехватило у разума контроль, как пассажир — руль у мертвого водителя. Только услышав рев толпы, Дэнни понял: он танцует. Звук прошел его насквозь, как укол адреналина в задницу. Дэнни рассекал воздух, будто меч Зорро, и крутился, как флюгер во время урагана; разум воссоединился с телом, и теперь они работали в идеальной гармонии, чтобы исполнить такой танец, который стоил бы всего вложенного труда и терпения (в основном Кристаль), пота и слез (в основном Дэнни). Он не пропустил ни одного движения, даже во время лихорадочного крещендо, где часто ошибался во время репетиций, и просто искрился энергией; ему даже приходилось чуть замедляться, иначе он бы начал опережать музыку. Он не хотел останавливаться во время интерлюдии, хотя раньше не мог дождаться этих нескольких драгоценных секунд — перевести дух и быстро помолиться, чтобы хватило сил до конца номера. Но теперь интерлюдия казалась не передышкой, а помехой: Дэнни прервали, когда он только-только размялся, и вынудили ждать начала второй фазы, также известной как Гениальная идея Кристаль.

Встав посреди сцены — ровно там, где всего минуту назад он надеялся умереть страшной смертью, — Дэнни начал мысленный обратный отсчет, пока мелодия шла по

нарастающей, готовясь к тяжелому спаду. Свет погас, и стробоскоп замигал так же, как на вступлении — его огни отразились в широко распахнутых от радостного волнения глазах зрителей: те смотрели на одиноко стоявшую на сцене панду и ждали ее дальнейших действий. И вдруг, совершенно невозможным образом, Дэнни понял: он не один.

— Готов? — спросил он у крохотной потрепанной версии самого себя, которая на миг показалась среди мерцающих огней. Кристаль клялась: обивку, снятую с диванчиков Фэнни, основательно продезинфицировали перед тем, как шить костюм. Но когда отец увидел, что Уилл лихорадочно чешется, будто сторожевой пес на блошиной ферме, он в очередной раз удивился, как Кристаль удалось его уговорить.

— Готов! — крикнул Уилл одновременно с первыми аккордами, и они начали танцевать, синхронно двигаясь, встряхиваясь, кружась и вышагивая по сцене, а зрители вопили так громко, что чуть ли не заглушали музыку. У пары было не так много времени на тренировки. Дэнни получил от Кристаль лишь одно указание: продолжать танцевать, когда появится Уилл, и сосредоточиться исключительно на собственном выступлении. Главная задача лежала на мальчике: ему надо было следить, чтобы его движения совпадали с движениями папы. Если тот танцевал быстрее — сын тоже ускорялся. Если медленнее — тоже притормаживал. Если бы папа упал в толпу головой вперед, Уилл бы нырнул следом, чтобы это выглядело как спланированное действие. Он готов был на все ради синхронности. Установка была далека от идеальной и держалась только на том, чтобы Дэнни не выходил за рамки сценария, но, несмотря на волнение (в том числе собственное), он двигался именно так, как надо, попадал в каждый такт до миллисекунды и не то что не падал со сцены — даже не приближался к зрителям. А если бы и упал, никто все равно бы не заметил: толпа танцевала.

Началась вторая и последняя интерлюдия.

— Где Кристаль?! — заорал Дэнни. Он не видел ее с тех пор, как она ушла из тента для артистов, и беспокоился, не

случилось ли чего плохого — не с ней, а с теми, кто вздумал бы ей мешать.

— Что?! — Уилл принялся бешено чесать ягодицу.

— Кристаль! — Дэнни тяжело дышал и сильно вспотел. — Где она?!

— У тебя за спиной! — крикнул Уилл.

Дэнни обернулся, ожидая увидеть, как Кристаль ухмыляется из-за кулис, а может, даже показывает средний палец или сразу оба, но вместо этого обнаружил, что позади него на сцене выстроилось несколько девушек. Их глаза, губы и носы были выкрашены в черный, а остальное лицо покрывал белый грим. На них были одинаковые костюмы панды, а на головах — обручи с маленькими круглыми ушками. Сначала Дэнни не понял, которая из них — Кристаль, но панда в центре вдруг надула пузырь из жвачки.

— Потом объясню! — Разглядеть лицо Дэнни она не могла, но явно почувствовала его замешательство. — Действуй по плану и предоставь остальное нам!

Дэнни тупо кивнул, словно ему сообщили о смерти любимой кошки, хотя никакой кошки у него не было.

Повернувшись к зрителям, он глубоко вдохнул и задержал дыхание, готовясь к грандиозному финалу. У него горели легкие, мышцы дрожали при каждом движении, конечности казались тяжелее, чем сырые бревна, а между бедрами натирало так, что кожа там, наверное, теперь выглядела как фарш; но, когда мелодия пошла на спад в третий раз, он заглянул вглубь своей души, зачерпнул со дна последние силы и направил их на оставшиеся шестьдесят секунд. Запасы энергии почти исчерпались, но теперь он подпитывался от толпы: свист и радостные вопли заставляли Дэнни танцевать активнее, удваивать усилия и упорно идти вперед, не обращая внимания на то, что сердце вот-вот выскочит из груди, как пуговица, готовая отлететь от рубашки толстяка. Он вложил в танец все, что у него было, довел свое тело до предела и выжал еще чуть больше; поэтому, когда музыка подошла к концу, сразу после кульминации оборвавшись внезапной полной тишиной,

он снова почувствовал желание схватиться за грудь и рухнуть на колени, но в этот раз по-настоящему.

Он посмотрел на стоявшего рядом Уилла, и они устало показали друг другу большие пальцы. Затем Дэнни взглянул на Кристаль — та одобрительно кивнула, позируя вместе с остальными. Потом на зрителей — теперь их лица освещали лучи огромных прожекторов из каждого угла. И вот толпа принялась скандировать «Пандамониум!» все громче и громче, пока Дэнни не почувствовал, как звук отзывается у него в костях. Девушки шагнули вперед, а Дэнни и Уилл — назад, и каждый взял за руку стоявшего рядом; все вместе они поклонились под грохот аплодисментов. Только один человек хранил молчание: Эль-Магнифико стоял с таким видом, словно хочет сжечь все вокруг дотла.

— Это был «Пандамониум»! — воскликнул ведущий, когда Дэнни, Уилл, Кристаль и ее спутницы скрылись за кулисами.

— Говорила же, он им понравится! — выпалила Кристаль за сценой, тыкая накладным ногтем в Уилла. — Разве я не говорила?!

— А еще он явно понравился тем, кто живет в этой ткани, — заметил Дэнни, когда Уилл сорвал костюм так, словно тот горел. — Ты же уверяла, что все безопасно!

— Нет, я сказала, все чисто, — поправила его Кристаль, — но я понятия не имею, чем именно ткань стирали.

— Почему они зеленые? — спросил Уилл, поднимая руки цвета яблочной кожуры.

— Хороший вопрос, Уилл. Почему он позеленел, Кристаль? Глянь на его руки! И на лицо!

— Лицо тоже?! — воскликнул Уилл с нарастающей паникой.

— Ой, да, тот чувак говорил, такое может случиться, — вспомнила Кристаль. — Не переживай, скорее всего, сойдет через пару недель.

— «Скорее всего!» — возмутился Дэнни.

— «Неделя»! — добавил Уилл.

— Послушай, ну мы же справились. В любом случае это не очень большая плата за то, чтобы положить десять штук себе

в карман.

— Если мы победим, — заметил Дэнни.

— Шутишь? Ты выступил просто потрясающе!

— Ты тоже была ничего. Кстати, неплохой штрих вышел с подтанцовкой. Не знаю, как тебе это удалось, но спасибо.

— Меня не благодари, — откликнулась Кристаль, — это все Фэнни.

— Фэнни?

— Она сказала девочкам, что они могут взять выходной, если придут тебе помочь.

— Правда? — изумился Дэнни. — Не ожидал от нее такой заботы.

— Это бывает, когда ей что-то нужно. — От улыбки Кристаль Дэнни сразу почувствовал себя неуютно.

— И... чего же она хочет?

Кристаль улыбнулась еще шире.

— Тебя, — ответила она.

Дэнни рассмеялся, ожидая того же от Кристаль, но не тут-то было. Он замолчал и прокашлялся.

— Ну, это, конечно, лестно, и если бы я был, не знаю, лет на триста старше, хотя, если честно, даже тогда...

— Да не в этом смысле, тупица. Фэнни не настолько отчаялась. Она думает устраивать вечер для дам раз в неделю, но пока у нее нет танцоров...

— Нет, — отрезал Дэнни, осознав, к чему она клонит. — Ни за что.

— Почему? Ты только что танцевал перед огромной толпой людей. Уверена, с парой пьяных домохозяек тоже справишься.

— На мне была одежда! Это большая разница!

— Не волнуйся, Дэнни, необязательно танцевать голым. На твою личинку не клюнет даже рыба.

— Серьезно?

— Ну, может, очень голодная рыба...

— Нет, я имею в виду, не придется танцевать голым?

— Нет, — замялась Кристаль. — То есть не то чтобы совсем. Просто, как тебе сказать... скорее голым, чем нет.

— Знаешь, звучит, конечно, заманчиво, но, пожалуй, я откажусь. Уилл никогда мне такого не простит, да, приятель?

— Да мне пофиг, — пожал плечами сын. Дэнни бросил на него сердитый взгляд.

— Будешь получать 250 фунтов на руки за ночь, Дэн. Или в трусы. Как тебе больше нравится.

— Мне все равно, — отозвался Дэнни. — Стоп, сколько?

— Сам слышал. Штука в месяц за четыре дня работы. Плюс чаевые. Подумай, — добавила она и ушла переодеваться.

Уилл направился в другую сторону.

— Куда ты? — удивился Дэнни.

— Смыть все это! — ответил Уилл.

— Я думал, зеленый — твой любимый цвет. — Отец старался не заржать.

— Больше нет, — проворчал мальчик и ушел в туалет.

Стоя в одной из пластиковых кабинок, Уилл намыливался изо всех сил, но токсичная краска не поддавалась. Казалось, хуже быть уже не могло, но на выходе он столкнулся с человеком, которого сейчас меньше всего хотел бы видеть.

— Малули, — произнес Марк таким тоном, что собственная фамилия показалась Уиллу угрожающей. — Какого черта ты зеленый?

— Долго рассказывать, — буркнул Уилл.

— Тебе к лицу.

Уилл молча кивнул. Он уже устал от этого разговора.

— Где твой парень? — Марк оглянулся в поисках Мо.

— А где твои подпевалы? — спросил Уилл, тоже изучая толпу.

Марк смотрел на него очень долго — так долго, что Уилл уже приготовился было к боли, — и очень удивился, когда тот улыбнулся: зрелище не самое приятное, но все же лучше других возможных вариантов.

— Их не отпустили так поздно, — ответил Марк.

— Ну, завтра действительно в школу, — заметил Уилл. Оба коротко рассмеялись.

— Что это у тебя там? — Марк указал на торчащий из сумки Уилла костюм панды.

— Ничего, — отозвался тот, пытаюсь спрятать сумку за спину, но Марк уже заметил черно-белую маску.

— Стоп, это ты сейчас был на сцене? В «Пандамании» или как там?

— В «Пандамониуме».

— Блин, так это и правда был ты! — воскликнул парень.

Уилл ожидал потока оскорблений из серии «танцы для геев», «панды для геев», «танцующие панды для геев».

— Черт возьми, это было... — Марк задумался, подыскивая нужное слово, —...эпично!

— Что?! — удивился Уилл. Его застали врасплох. Мысленно он спросил себя, в курсе ли Марк, что значит «эпично».

— Нет, правда, это было офигенно! Лучшее, что я видел за вечер!

— Спасибо, — нерешительно ответил Уилл.

— Где ты научился так танцевать?

— У мамы.

— Прикольнo. Вот бы моя так умела. Но она порой даже с кровати не встает. — Он хихикнул, но звук вышел пустым.

— Могу тебя научить, — предложил Уилл. — Ну, если хочешь.

— Меня? Танцевать? — Марк рассмеялся. — Хорошая шутка! А можешь познакомить меня с девчонками, которые выступали с вами?

Он поправил челку, словно только неряшливые лохмы отделяли его от попадания на обложку журнала «Эсквайр».

— Посмотрим, что я смогу сделать, — улыбнулся Уилл.

— Круто. Ладно, я пойду. Удачи вам.

— Скрестим пальцы, — кивнул Уилл.

Марк повернулся уходить.

— Кстати, Уилл, — бросил он через плечо.

— Да?

— Расскажешь кому-нибудь об этом разговоре — и ты труп, — произнес он с нарочитой серьезностью. — Усек?

— Усек, — кивнул Уилл.

— Отлично. Увидимся, неудачник.

Уилл проводил его взглядом, гадая, стало ли у него на одного друга больше или просто на одного врага меньше.

***

Дэнни стоял у края сцены вместе с Кристаль, Мо и Иваном, примерно на полметра возвышавшимся над толпой.

— А вот и наша главная звезда! — Мо бросился обнимать друга, но замер на полпути. — Так, а почему у тебя лицо...

— Кристаль спроси, — бросил Уилл.

Мо посмотрел на Кристаль. Та отвернулась.

— Ты как раз вовремя, — сказал Дэнни: в этот момент на сцене снова появился ведущий.

— Итак, наступил миг, которого вы все так долго ждали! — начал он.

Толпа взорвалась радостными криками.

— Нет, не тот миг, когда я замолчу...

Толпа разразилась недовольством.

— Не волнуйтесь, это тоже скоро произойдет...

Недовольство тут же снова сменилось радостью.

— Но прежде, чем я пойду, выпью бутылку скотча и суну дуло в рот...

Кажется, толпа не решила, как на это реагировать.

— Шутка. У меня нет оружия. И даже если б было, я не стал бы стрелять в себя, да, Мартин?

Мартин показал ему средний палец, а затем, увидев свое лицо на экране, притворился, будто чешет нос.

— В общем, настало время объявить победителя! Как вы знаете, только один артист уйдет отсюда с главным призом — десятью тысячами фунтов. Что же скажут судьи? Вы приняли решение?

Переглянувшись, судьи кивнули. На сцену передали конверт.

Ведущий надел очки и уставился на лежавшую внутри записку.

— Итак, перейдем к делу, — начал он. — На третьем месте у нас... Тим и Милтон!

Тим и Милтон появились на экране, и зрители зааплодировали. Тим помахал и улыбнулся в камеру.

— Не смотри на меня так, — прошептал он, когда Милтон бросил на него хмурый взгляд. — Это ты выбирал песню, а не я!

Ведущий снова посмотрел на записку и поправил очки.

— На втором месте... барабанная дробь... «Пандамониум»!

Уилл выдохнул. Мо выругался себе под нос. Кристаль тоже, но громко — так, что ближайшие к ней люди шарахнулись в сторону. Но Дэнни промолчал. Он смотрел на сцену, широко раскрыв глаза, словно не слышал ведущего и очень хотел узнать продолжение.

— Ты как? — спросил Иван.

Дэнни был так шокирован, что не ответил.

— Танцующие панды отлично потрудились! Пусть вы и не выиграли главный приз, но вам достанется поощрительный: четыре бесплатных билета на мой предстоящий стендап-тур!

Несколько других конкурсантов вздохнули с облегчением, что не заняли второе место.

— Итак, для меня большая честь объявить победителя батла уличных артистов этого года... и тут нет ничего удивительного: скажем прямо, выступление было прямо крышесносящее...

Эль-Магнифико ухмыльнулся, предвкушая победу.

— Аплодисменты Джеку и Дэниелсу!

Улыбка фокусника погасла, а старик и его джек-рассел-терьер поднялись на сцену за призом.

— Нет, — пробормотал Эль-Магнифико. — Это нечестно. Я выиграл. Я!

— Полная хрень! — выпалила Кристаль. — Прости мой французский, Уилл.

— Но это правда полная хрень! — воскликнул Уилл. — Прости мой французский, пап.

Дэнни промолчал: он не мог подобрать не то что правильных слов, а даже правильного выражения лица, которое бы полностью отразило его эмоции.

— Поздравляю! — ведущий протянул Дэниелсу невероятных размеров чек. Но не успел тот его взять, как выскочивший

из толпы Эль-Магнифико вырвал приз из рук ведущего.

— Я победил! — завопил он. Его глаза горели безумным огнем, а изо рта подтекала пена. — Я! Не ты! Я поджигаю предметы силой мысли! СИЛОЙ РАЗУМА, ЧЕРТ ВОЗЬМИ!

Подоспевший охранник схватил фокусника, скрутив того до хруста; его напарник попытался отобрать чек. Вмешался даже пес: цапнул Эль-Магнифико за край мантии и не собирался отпускать.

— Отцепись! — завыл фокусник. — Отцепись, а то я все тут сожгу дотла! У меня есть сила! Вы что, не видели?! У МЕНЯ ЕСТЬ СИЛА!

Охранники оттащили Эль-Магнифико прочь под радостные возгласы и хохот. Толпа засмеялась еще громче, когда Джек прибежал обратно с куском мантии в зубах.

— Кажется, это ваше. — Ведущий подобрал слегка помятый чек и протянул Дэниелсу. — Дамы и господа, поаплодируйте победителям этого года!

На сцену вышел ухоженный юноша и вручил артисту кубок. Дэниелс поднял его над головой под оглушительные крики зрителей: «Еще!»

— Кажется, они хотят, чтобы вы спели на бис, Джек, — наклонился ведущий к терьеру. — Что скажете?

Пес гавкнул, и толпа радостно загудела.

— Думаю, это «да»! — объявил ведущий. — Начинайте!

— Пойдемте отсюда, — предложил Дэнни.

Глава 34

Иван выставил на стол четыре стакана, в его лапищах казавшихся крошечными, как наперстки.

— Будем! — Он поднял кружку с пивом.

Кристалль взяла свой тройной джин с тоником. Уилл взял пиво Дэнни. Дэнни взял стакан колы и поменялся с Уиллом. Они чокнулись, но только Иван сделал это с энтузиазмом.

— Извини, Иван, а что именно мы празднуем? — поинтересовался Дэнни.

— Жизнь! — Иван обвел рукой «Косоглазую козу», как будто грязный паб и его жуликоватые посетители — достойный повод для радости.

— Ну, сейчас она не кажется такой уж замечательной, — заметил Дэнни.

— Ладно. Хочешь хорошие новости? Они у меня есть. Помнишь Виктора? Козел со стройки? Он вернуться в Россию после того, как кто-то макнуть его в унитаз.

— Почему? — спросил Уилл.

— Должно быть, связался не с той компанией, — предположила Кристалль, и они с Дэнни обменялись улыбками.

— Видишь, — подмигнул Иван, — ты улыбнуться. Жить хорошо.

— Это кончится, когда Редж меня отыщет, — вздохнув, Дэнни задумчиво повертел в руках стакан пива. — Просто я не понимаю. Я был уверен, что мы победим.

— И все-таки мы победили, — кивнула Кристалль. — Ну, не в прямом смысле, конечно, но мы выступили куда лучше всех остальных. Толпа была от тебя в восторге.

— Это она от тебя была в восторге, — поправил Дэнни.

— От нас, — подытожила она.

— Тогда как нас обошла поющая собака? — недоумевал Дэнни.

— Ну, нас хотя бы не обошел Эль-Магнифико, — пожал плечами Уилл.

— Точно, — согласилась Кристаль, — и это стоит отпраздновать, не так ли?

— Так, — Дэнни ухмыльнулся, вспомнив, как охрана швырнула бешеного фокусника на пол.

— А ты знаешь, что этот чувак — бывший Кристаль? — спросил Уилл у Ивана.

Иван взглянул на Кристаль. Та — на Уилла. Уилл — на отца. Тот нервно засмеялся. Он не слышал, как у него за спиной открылась дверь: в паб зашел Редж.

— Малули! — взревел домовладелец.

Все, кроме Ивана, содрогнулись.

— Супер, — процедил Дэнни, и не подумав повернуться. — Мне даже не дают спокойно насладиться поражением.

— Привет, Дэниел, — сказал Редж. Мистер Дент задержался в дверях — наверное, чтобы никому не удалось сбежать.

— Привет, Редж.

— В честь чего встреча? — Он окинул присутствовавших взглядом, задержавшись на Кристаль.

— У нас поминки, — ответил Дэнни.

— Да ну? По кому? — поинтересовался Редж.

Дэнни отпил еще пива, пока мог.

— По мне.

— Видимо, это значит, что ты не принес мои деньги.

— Ты все правильно понял, Редж. Я не принес твои деньги.

Голос Дэнни звучал скорее устало, чем встревоженно, как у приговоренного к смерти заключенного, который просто хотел поскорее все закончить.

— Чарли! — крикнул Редж. — Запри дверь, пожалуйста!

Комнату заполнил звук отодвигающихся стульев и лихорадочных шагов: все торопились к выходу, пока его не закрыли. Чарли опустил верхнюю задвижку, поднял нижнюю и положил посередине доску. Затем, небрежно выключив камеры наблюдения — явно не в первый раз, — взял пачку чипсов и ушел наверх.

— Эй, Дент, не стой там как истукан, — позвал Редж. — Поторопись, блин! «Жители Ист-Энда» скоро начнутся.

Мистер Дент пришел в движение, как десятитонный грузовик, и побрел к ним через зал. Дэнни поднялся на ноги — не потому, что у него был какой-то план, просто встретить свою судьбу на ногах казалось ему более достойным, чем дрожать, сидя на стуле. Он почувствовал, как Иван положил руку ему на плечо, и решил, что друг хочет его утешить, но тот опустил его обратно на сиденье и удивительно резво прыгнул на мистера Дента. Эти двое сцепились и сжали ручищи в захвате, но чем дольше они так стояли, тем яснее становилось: они вовсе не собираются драться, а обнимаются так крепко, что нормальных людей уже раздавило бы всмятку.

Остальные смотрели на них в замешательстве. Особенно Редж. Взгляды стали еще более озадаченными, когда мистер Дент заговорил. По-украински. Они поболтали, как давно не видевшиеся друзья, а затем Иван подвел Дента к Дэнни, который инстинктивно отступил на несколько шагов.

— Дэнни, это Дмитрий. — Иван грубо похлопал Дента по спине.

— Вы знакомы? — удивился Дэнни.

— Конечно! Это сын моего брата!

— Дент — твой племянник?

— Да. Племянник. Последний раз я его видеть — он вот такой. Как кузнечик. — Иван поднял руку над полом, но рост, который он показал, все равно оказался выше среднестатистического.

— Ага, этот «кузнечик» мне чуть ноги не переломал неделю назад.

Иван хмуро посмотрел на мистера Дента, пока Редж разглядывал их, явно не веря в происходящее.

— Что за хрень?! Воссоединение семьи, блин? Ты это бросай, Дент!

Мистер Дент, засунув руки в карманы, уставился на свои ботинки, как нашкодивший школьник, пока Иван кричал на него по-украински.

— Извинись, — велел он, кивая на Дэнни. Мистер Дент пробормотал что-то, и Иван отвесил ему подзатыльник. — По-английски!

— Извини, — выдавил мистер Дент.

— Порядок? — спросил Иван.

— Ну да, наверное, — повел плечами Дэнни.

— Пожатие, — объявил Иван, схватив их за руки и насильно сводя ладони, как воспитатель, разруливший потасовку на детской площадке.

— Господи милостивый боже, да прекратите вы уже болтать и начинайте ломать! — крикнул Редж.

Иван что-то сказал мистеру Денту. Тот кивнул, взглянув на Реджа.

— Что ты, черт возьми, задумал?! — воскликнул домовладелец, когда Дент направился к нему. — Не в ту сторону, ты, глупый мешок...

Дент схватил его за горло, не дав закончить фразу.

— Ну, что хочешь сломать первым? — спросил Иван Дэнни. Костыли Реджа со стуком упали на пол, и тот схватился за пережатую шею. — Руки? Думаю, руки.

— Стойте! — прохрипел Редж. Его лицо покраснело, как китайский флаг. — Давайте всё обсудим!

— А может, еще раз ноги? — предложил Иван. — Что скажешь?

— Подождите! — взмолился Редж. — Дэнни! Забудь про долг! Мы в расчете! И я снижу тебе плату... на двадцать процентов!

— Ты про те двадцать процентов, на которые ее поднял? — уточнил Дэнни.

Иван кивнул Денту, и тот сжал чуть сильнее.

— Пятьдесят! — пискнул Редж. — Пятьдесят процентов!

— Вполне приемлемо, Редж, но знаешь что? Думаю, мы съедем. — Дэнни повернулся к Уиллу. — Если, конечно, ты не против.

Сын кивнул.

— Может, пальцы? — предложил Иван, явно настроившийся сломать хоть что-нибудь. — Только пальцы.

— Отпусти его, — сказал Дэнни.

— Уверен?

Дэнни кивнул.

Иван пожал плечами и посмотрел на Дента.

— Пусть убирается отсюда, — приказал он по-украински.

Не разжимая горло Реджа, Дент свободной рукой отпер дверь.

— И это не забудь, — добавил Дэнни, указывая на костыли.

Мистер Дент подхватил их и понес к выходу вместе с владельцем, который уже почти потерял сознание.

— Спасибо, Иван, — сказал Дэнни, когда оба снова сели. — Думаю, ты спас мне жизнь.

— Без проблем, — ответил Иван. — Теперь мы в расчете.

Дэнни подумал, что ослышался.

— В расчете? — переспросил он. На лице у него медленно расцветала улыбка.

— А? — Иван вдруг сосредоточился на том, чтобы ногтем отскрести со стола какое-то невидимое пятно.

— Ты сказал: «Теперь мы в расчете».

— Когда?

— Только что!

— Нет! Не говорить!

— Да, сказал, — настаивал Дэнни.

— Ты слишком долго носить костюм, — ухмыльнулся Иван. — Плохо для слуха.

В подтверждение он постучал себя по ушам.

— Ладно, все равно спасибо.

Иван пожал плечами, на этот раз снисходительно.

— Лучше бы ты сразу сказал, что Дмитрий работать на твоего домовладельца: не пришлось бы выставлять себя идиотом.

Дэнни перевел взгляд на Уилла и Кристаль: те понарошку душили друг друга, в лицах разыгрывая, как Дент схватил Реджа. Он смотрел, как они болтают и смеются, и подмигнул сыну, встретившись с ним глазами.

— Честно говоря, мне кажется, в итоге все сложилось отлично. — Он поднял кружку. — Выпьем!

- За танцующих крыс! — произнес Иван.
- Мы панды! — поправил его Уилл.
- Да! — поддержала Кристаль. — Мы панды.
- За панд! — воскликнул Дэнни.
- Пофиг, — отозвался Иван, поднимая кружку. — Выпьем!

Эпилог

Снега выпало всего на полдюйма: ровно столько, чтобы посеять панику всюду на юго-востоке Англии. Рейсы переносили или перенаправляли; поезда отменяли или задерживали; чай и туалетная бумага пропадали с полок магазинов с такой скоростью, словно покупатели готовились к новому ледниковому периоду. Все задавали один и тот же вопрос, звучавший каждый раз, когда погода становилась именно такой, какой ей и положено быть в декабре.

— Почему у нас не может быть, как в Швеции? — спросил сидевший напротив Дэнни старик, вытирая запотевшее стекло и разглядывая дорогу через окно автобуса. — Шведы не начинают путаться в собственных трусах каждый раз, когда идет снег!

— К чему ты упомянул трусы? — уточнила его жена, сидевшая рядом.

— Я не про трусы, Эдна. Я про то, до чего довели страну!

— Ну, шведы же в этом не виноваты?

— Да я их и не обвиняю!

Старик бросил взгляд на Дэнни и покачал головой. Дэнни улыбнулся.

— Это из-за Оливера? — спросила жена.

— Что?

— Мужа Сары.

— Я знаю, кто такой Оливер. Почему ты вспомнила Оливера?

— Он тебе никогда особо не нравился.

— А это здесь при чем?

— Он же швед!

— Он из Бернли!

— Вовсе нет, у него фамилия Густавсон. Тебе никогда не нравилось, что наша Сара взяла фамилию Густавсон!

— Да я вовсе не про Оливера!

— А про что тогда?!

Старик уже собирался ответить, но автобус затормозил, и его жена поднялась, направляясь к выходу. Заметив на руке Дэнни обручальное кольцо, старик устало улыбнулся.

— У тебя все это еще впереди. — С этими словами он встал и поспешил за женой.

Дэнни выдавил улыбку и опустил взгляд на кольцо. Вытащил застрявшую под ним ниточку и проследил за тем, как она опускается на пол.

Уилл легонько пихнул его под ребра.

— Ничего, — сказал он. — Положись на меня, я всегда подкину тебе трудностей.

Дэнни пихнул его в ответ:

— Давай, начинай.

***

Несмотря на мороз, на кладбище собралось больше народу, чем обычно. До Рождества оставалось совсем чуть-чуть, и многие могилы украшали свечи, венки и праздничные красные ленты.

Дэнни остановился у надгробия Лиз и осторожно стер иней с ее имени.

— Вот и мы, — сказал он. — Привет, красавица.

Рядом Уилл переминался с ноги на ногу.

— Ей бы все это понравилось, согласен? — Отец окинул взглядом лежащий кругом снег.

Сын кивнул, но ничего не сказал.

Они молча стояли под пустым белым небом и смотрели на густой снег, одеялом укрывший могилу.

— Хочешь что-нибудь сказать маме? — спросил Дэнни. — Может, пожелать ей счастливого Рождества?

Уилл на минуту задумался.

— Папа теперь стриптизер, — выдал он.

Старушка, прибивавшаяся на соседней могиле, подняла голову и злобно уставилась на Дэнни.

— Папа вовсе не стриптизер, — возразил он так, чтобы соседка услышала.

— Стриптизер, — прошептал Уилл маме.

— Не слушай его, Лиз, — возмутился Дэнни. — И не поощряй. А то я тебя знаю. Я не стриптизер. Я артист.

— Который раздевается.

— Артист, который зарабатывает деньги, чтобы мы могли жить в нашей милой новенькой квартирке с твоей милой новенькой спальней.

— Тебе бы очень понравилось, мам, — заверил Уилл. — Полно места для тренировок.

— Мы придумываем новый номер для выступлений в парке. По выходным Уилл танцует вместе со мной.

— У меня теперь есть настоящий костюм.

— Видела бы ты его, Лиз. Зрители его обожают. Особенно девочки.

— Да пофиг, — отрезал Уилл, хотя щеки у него покраснели. — Покажем маме новый танец?

— Что, прямо тут? — удивился Дэнни, озираясь.

Уилл воодушевленно кивнул.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Почему?

— Танцевать на кладбище... как-то не принято.

— Мама бы не возражала.

— Зато другие могут. — Дэнни бросил взгляд на старушку, которая все еще смотрела на него с подозрением. — Лучше дедушке с бабушкой покажешь.

— Они приедут на следующей неделе, — сообщил Уилл маме.

— Твой отец позвонил ни с того ни с сего и предложил встретиться Рождество вместе, — объяснил Дэнни. — Знаю, я и сам не мог поверить.

— Они болтали целую вечность. Извинялись, и все такое.

— Это он извинялся. И вовсе мы не говорили целую вечность. Всего несколько минут.

— Но все-таки пообщались.

— Ага, — улыбнулся Дэнни. — Кстати, расскажи маме, что мистер Коулман говорил о тебе на родительском собрании на прошлой неделе.

— Он сказал, я самый милый, вежливый и почтительный ученик, который у него когда-либо был.

— Не это. Другое.

— Он сказал, я слишком много болтаю на занятиях.

— Слышала, Лиз? Слишком много болтает! Ну не здорово ли?

— Вряд ли это был комплимент, — заметил Уилл, когда Дэнни с гордостью взъерошил ему волосы.

— А еще у него появился новый друг, да, приятель? Как там его зовут? Мэтт?

— Марк Робсон, — ответил Уилл. — Самый сильный парень в школе.

— Уилл обещал познакомить его с Кристаль, так что теперь Марк его бережет как зеницу ока.

— И Мо. Тут на днях какой-то пацан пошутил про его слуховые аппараты, и Марк ему так трусы натянул, что пришлось идти к медсестре.

— Кстати, когда мы должны встретиться с Мо? — Дэнни взглянул на часы.

— В час на катке. Кристаль уже там.

— Тогда самое время наострить коньки, — воскликнул Дэнни. Уилл непонимающе уставился на него. — Ну? Навострить. Как лыжи. Это шутка.

Сын покачал головой.

— Видишь, что мне приходится терпеть, мам?

— Ладно, пойдём. — Дэнни дотронулся до губ и опустил пальцы на могильный камень. — С Рождеством, Лиз. Люблю тебя.

Он вытащил из вазы засохшие цветы и пошел их выбросить, повесив нос сразу же, как только отвернулся.

Уилл глядел ему вслед. Снег грустно хрустел у Дэнни под ногами.

— Не волнуйся, мам, — сказал он, — я за ним присмотрю.

Примечания

1. Томас и Джеймс — персонажи детского мультфильма «Томас и его друзья». *Прим. пер.*
2. Район на окраине Лондона. *Прим. пер.*
3. Борис Джонсон — британский политик, мэр Лондона с 2008 по 2016 г., министр иностранных дел Великобритании с 2016 по 2018 г. С 2019 г. — премьер-министр страны. *Прим. ред.*
4. «Сейнсбери» — сеть продуктовых магазинов в Лондоне. *Прим. пер.*
5. «Мармайт» — соленая паста из дрожжевого экстракта, которую обычно намазывают на тосты. *Прим. пер.*
6. Пирс Морган — британский журналист и телеведущий, был редактором многих таблоидов, в том числе газеты The Sun. *Прим. пер.*
7. Дик ван Дайк (род. 1925) — американский комик, актер, продюсер и сценарист с голландскими корнями. *Прим. ред.*
8. Шуплаттлер — народный баварский танец, включающий прыжки и хлопки по ногам. *Прим. пер.*
9. «Мизери» — фильм 1990 г. по одноименному роману Стивена Кинга. *Прим. ред.*
10. В фильме героиня Кэти Бейтс молотом перебивает ноги прикованному к кровати писателю Полу Шелдону. *Прим. ред.*
11. Открой пошире. *Прим. пер.*
12. Строка из песни Gimme! Gimme! Gimme! группы ABBA. *Прим. пер.*
13. Джейн Торвилл и Кристофер Дин — британские фигуристы, чемпионы страны, Европы и мира. *Прим. пер.*

14. Уайтчепел — район в Лондоне, знаменитый происходившими в нем на исходе XIX в. убийствами, которые приписывали Джеку-потрошителю. *Прим. ред.*
15. Майкл Райан Флэтли — американский танцор и хореограф, постановщик известного шоу Lord of the Dance. *Прим. пер.*
16. «Вестфилд» — крупный торговый центр в Лондоне. *Прим. пер.*
17. Ларч — мрачный дворецкий семейки Аддамс из одноименных комиксов и фильмов. *Прим. пер.*
18. Брэкнелл — городок к западу от Лондона. *Прим. пер.*
19. Приятно с вами познакомиться (кит.). *Прим. пер.*
20. Бернард Мэтьюз — бизнесмен, мультимиллионер, основатель компании Bernard Matthews Farms, производящей продукты из птицы. *Прим. пер.*
21. Синдром Туретта — расстройство центральной нервной системы. Проявляется непроизвольными тиками (подергиваниями), двигательными и/или вокальными. *Прим. ред.*
22. Памплона — один из древнейших городов на севере Испании. *Прим. ред.*
23. «Охота за сделками» — британская телепередача, где двое участников покупают антиквариат и потом пытаются продать его на аукционе как можно дороже. *Прим. пер.*
24. Мистер Мяги — мастер боевых искусств, наставник главного героя фильма «Парень-каратист». *Прим. пер.*
25. Майкл Болтон — американский певец, исполняет баллады в стиле соул. *Прим. пер.*
26. What's New Pussycat? — песня из одноименной комедии 1965 года, сценарий к которой написал Вуди Аллен. *Прим. пер.*

27. Пунги — похожий на флейту музыкальный инструмент, который используют заклинатели змей. *Прим. пер.*

МИФ Проза

Вся проза
на одной странице:
<https://mif.to/proza>

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
<https://mif.to/proza-letter>

#mifproza

Над книгой работали

Шеф-редактор *Ольга Киселева*
Ответственный редактор *Анна Гришина*
Арт-директор *Мария Красовская*
Литературный редактор *Людмила Смилевска*
Верстка *Людмила Гроздова*
Корректоры *Евлалия Мазаник, Олег Пономарев*

ООО «Манн, Иванов и Фербер»
mann-ivanov-ferber.ru

Электронная версия книги подготовлена компанией
Webkniga.ru, 2021